

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

ОЦЕНОЧНАЯ АСИММЕТРИЧНОСТЬ ЧАСТИЧНОГО
КАЧЕСТВА

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СФЕРЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., ГУП

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, ГУП

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. – д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 2. – 172 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), SUE

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

I. G. Zhirona – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., SUE;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2023. – № 2. – 172 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Воякина Е. Ю.</i> Эволюция народного слова: от паремии к интернет-мему.	6
<i>Адамчук Е. Ю.</i> Инвентаризация специальной лексики, представленной в официальных документах сферы европейской языковой политики	31
<i>Епифанцева Н. Г., Яковлева П. П.</i> Классификационная характеристика номинаций типов судов на материале английского, французского и русского языков.	41
<i>Зарипов Р. И.</i> О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия.	54
<i>Карасик В. И.</i> Оценочная асимметричность частичного качества	62
<i>Королева М. Ю.</i> Способы образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке	71
<i>Лебедева А. А., Новикова М. Г.</i> Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход	84
<i>Новикова К. А.</i> Структура энигматического текста: субъектно-адресатный аспект. .	98
<i>Сорокина Ю. С.</i> Опыт описания когерентных функций фразеологических единиц в текстах современных песен поп-жанра.	109
<i>Фёдорова Л. Л.</i> Резьянский микроязык: славянский язык Италии под угрозой исчезновения.	119

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Архипова И. В.</i> Немецкие девербативы через призму категории таксиса	131
<i>Беспалова Е. В.</i> Проявление социокультурных аспектов в немецком ландшафтном дискурсе (на материале романа У. Тимма «Змеиное дерево»)	138
<i>Комалова А. С.</i> Терминологические неологизмы военной сферы и их языковые особенности в современном французском языке	150
<i>Штукатурова Е. П.</i> Лингвокультурная специфика немецкого юмористического дискурса как основа для понимания намёка (на материале немецких комиксов) ..	161

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- E. Voyakina.** The Evolution of the Folk Word: From Paremias to Internet Memes 6
- Ye. Adamchuk.** The Inventory of the Special Vocabulary Found in Official Documents
in the Field of European Language Policy 31
- N. Epifantseva, P. Yakovleva.** Classification Characteristics of the Nominations
of Types of Vessels Based on the Material of English, French and Russian 41
- R. Zaripov.** On the Correlation of Verbal And Information-Psychological Impact. 54
- V. Karasik.** Evaluative Assymetry of a Partial Quality 62
- M. Koroleva.** The Ways of Compound Derivative Military Terms Formation
in the English Language 71
- A. Lebedeva, M. Novikova.** Sociocultural and Pragmatic Adaptation in Translation:
Discourse and Communication Approach. 84
- K. Novikova.** The Structure of an Enigmatic Text: The Subject-Address Aspect 98
- Yu. Sorokina.** An Overview of Describing Coherent Functions of Phraseological Units
in Modern Pop Song Lyrics. 109
- L. Fedorova.** Resian Microlanguage: The Endangered Slavic Language of Italy 119

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

- I. Arkhipova.** German Deverbatives Through the Prism of the Category of Taxis. 131
- E. Bespalova.** German Landscape Discourse: Social and Cultural Aspects
(Based on the Novel by U. Timm “The Snake Tree”). 138
- A. Komalova.** Terminological Neologisms of the Military Sphere and Their Language
Features in the Modern French Language 150
- E. Shtukaturova.** Linguocultural Specifics of German Humorous Discourse
as a Basis for Understanding the Hint (Based on the Material of German Comics) 161

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-6-30

ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНОГО СЛОВА: ОТ ПАРЕМИИ К ИНТЕРНЕТ-МЕМУ

Воякина Е. Ю.

Тамбовский государственный технический университет

392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – систематизация трансформационных процессов в русскоязычных интернет-мемах, рассматриваемых в качестве современных паремий с учётом их структурной организации, семантики, лингвокреативности и прагматического потенциала.

Процедура и методы. Проанализирован корпус интернет-мемов как современных паремий, отобранных методом сплошной выборки за период 2020–2022 гг. Исследование проводилось в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, антропоцентрического подхода и теории метафоры с применением метода контент-анализа.

Результаты. В ходе работы были проанализированы основные трансформационные процессы традиционных паремий в русскоязычных интернет-мемах, выделены наиболее продуктивные типы трансформаций. Установлено, что интернет-мемы, рассматриваемые в качестве современных паремий, имеют метафорическую природу. На основе этого были выявлены основные сферы-источники и сферы-мишени паремиологизации интернет-мемов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Рассмотренный материал и полученные выводы могут быть использованы как при дальнейшей разработке проблем паремиологии и интернет-коммуникации, так и в курсах по теории языка, лингвокультурологии, прагмалингвистике, интерпретации текста, а также в лексикографической практике.

Ключевые слова: интернет-мем, культурный код, лингвокультура, метафоричность, национальная идентичность, паремия, трансформация паремии

THE EVOLUTION OF THE FOLK WORD: FROM PAREMIAS TO INTERNET MEMES

Voyakina E.

Tambov State Technical University

ulitsa Sovetskaya 106/5, Tambov 392000, Russian Federation

Abstract

Aim. To systematize transformational processes in Russian Internet memes considered as modern paremias, taking into account their structural organization, semantics, linguistic creativity, and pragmatic potential.

© CC BY Воякина Е. Ю., 2023.

Methodology. The corpus of Internet memes regarded as modern paremias, selected by the continuous sampling method for the period of 2020-2022, was analyzed. The study was conducted within the framework of the cognitive-discursive paradigm, anthropocentric approach and the theory of metaphor using the content analysis method.

Results. In the course of the study, the main transformation processes of traditional paremias in Russian Internet memes were analyzed, and the most productive transformation types were identified. It has been established that Internet memes, considered as modern paremias, have a metaphorical nature. Based on this statement, the main sphere-sources and sphere-targets of Internet memes paremiologization were identified.

Research implications. The factual material and conclusions based on its analysis can be used in the further investigation of paremiology and Internet communication, as well as in teaching the theory of language, linguocultural studies, pragmalinguistics, text interpretation, and lexicographic practice.

Keywords: Internet meme, cultural code, linguistic culture, metaphoricity, national identity, paremia, paremia transformation

Введение

Языковая и лингвокультурная картины мира, формируемые представителями разных культурных сообществ, отражают процессы изменения общественного уклада, стереотипы поведения человека, ценностные ориентиры социума во всём многообразии. Многовековой опыт человечества в области познания и интерпретации окружающей действительности ярко представлен в языках мира в форме народного творчества, включающего особый пласт языковой системы, состоящий из устойчивых фразеологических единиц, имеющих дидактическую направленность, а именно паремий.

Паремии представляют собой накопленные веками народные изречения, умозаключения о мире, этические нормы, аксиологические установки, традиции и обычаи различных народов и культур, выражающиеся в языке в виде пословиц, поговорок, примет, афоризмов, идиом, фразеологических оборотов народного происхождения. Паремии являются частью народного творчества, в котором выражаются особенности культурно-национального мировидения народа, национально-специфичные смыслы и коннотации, что свидетельствует об их этнической самобытности. С другой стороны, протекающие процессы глобализации сближают языковые картины

мира, формируя универсальный паремиологический фонд.

Поскольку язык является динамичной, постоянно обновляющейся системой, то все его элементы подвергаются изменениям. Подстраиваясь под эти изменения, паремиологические единицы также трансформируются, приобретают новые, более актуальные формы, используемые в широких массах для описания и оценки современных событий и явлений действительности. В настоящее время народное слово переместилось в виртуальную реальность, в мир интернета, который порождает новые формы коммуникации, что не может не вызывать интерес лингвистов.

Актуальность настоящего исследования связана с переходом народного словотворчества в мир интернет-коммуникации, ставший удобной средой для самовыражения, раскрытия творческого потенциала, передачи народной мудрости. Исследование вписывается в научную парадигму антропоцентризма, поскольку как паремия, так и интернет-мем основываются на человеческом факторе, когда все явления действительности рассматриваются сквозь призму человеческого сознания, преломляясь и видоизменяясь в зависимости от культурной принадлежности и ценностных установок. Поэтому представляется важным

исследовать интернет-мемы для того, чтобы отследить трансформации в национальной картине мира, подвергающейся неизбежным изменениям под влиянием процессов глобализации.

Исследование выполнялось в рамках антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигм в лингвистике, позволяющих комплексно описать роль интернет-мемов в организации и интерпретации дискурсивных практик интернет-коммуникации, трансляции культурной информации, а также реализации прагматического потенциала.

В рамках исследования методом сплошной выборки эмпирического материала было отобрано 450 интернет-мемов за период 2020–2022 гг. Источниками мемов послужили интернет-сайты развлекательного характера (anekdot.ru, caricatura.ru, fishki.net, memepedia.ru, memify.ru, pressa.tv и др.), новостные сайты (lenta.ru, mk.ru, news.ru и др.), информационно-развлекательные сообщества (Мир позитива, Пикабу, ЯПлакаль и др.), группы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram» (1001 мем, Мем на каждый день, Мемблер, Лентач, Политические мемы, The Meme Times и др.).

В соответствии с поставленной целью и задачами были использованы следующие методы исследования, вписывающиеся в антропоцентрическую и когнитивно-дискурсивную парадигмы: метод сплошной выборки эмпирического материала, метод классификации и систематизации материала, метод контент-анализа, описательный и сопоставительный методы, методы анализа, синтеза и обобщения.

Теоретическая база исследования

В качестве объекта лингвистического анализа паремии исследовались в различных плоскостях. В отечественной лингвистике паремиологические единицы рассматривались с позиций лингвокультурологии [1; 2; 6; 12; 13; 20; 22; 29], в лингвокогнитивном аспекте [5; 28], в

сопоставительном аспекте с целью выявления специфики языковых картин мира разных народов [9; 10; 19; 27], в рамках дискурсивных исследований [15; 18], а также с позиций переводоведения [14; 30]. В трудах зарубежных учёных также рассматриваются вопросы паремиологии в рамках жанровой соотнесённости, проводятся сопоставительные исследования паремиологических единиц, изучаются гендерные особенности паремиологической картины мира, анализируется структурное строение пословиц [31–34].

Как отмечают М. А. Бредис, М. С. Димогло и О. В. Ломакина, интерес филологов к паремиологическому фонду различных языков в последние годы связан с такими факторами, как широкое использование паремий в текстах различной жанрово-стилистической направленности, увеличение прагматической нагрузки паремий в тексте, в том числе в интернет-языке, рассмотрение паремий в новых аспектах (лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом, лингвокультурографическом и т. д.), а также более детальный анализ жанров паремий (примет, загадок и др.) [6].

Следует отметить, что, несмотря на большой корпус исследований, языковой статус паремии в лингвистике до сих пор является дискуссионным. Нет единой точки зрения в вопросе отнесения паремий к фразеологическим единицам, разграничения пословиц и поговорок, неоднозначен метаязык паремиологии. В ряде работ паремии отграничиваются от фразеологизмов на основе выделения таких свойств паремий, как законченность и дидактичность, а также иной синтаксической организации, отличных принципов речевого выбора, условий контекстуального включения и функционирования в тексте, специфичной прагматической направленности и др. [11; 25]. Другие лингвисты указывают на принадлежность паремий к фразеологическому фонду языка [23; 24; 29]. В настоящем исследовании мы разделяем точку зрения группы учёных,

рассматривающих паремию как родовое понятие, используемое для обозначения различных типов народных афоризмов, в частности, пословиц, поговорок, примет, прибауток, загадок и др. [18; 26].

Переход к цифровому типу общественного развития определил перемещение процесса коммуникации в виртуальное пространство, где функционирует свой собственный язык с особыми правилами синтаксиса, орфографии, специфичным набором лексики, реализующий особые коммуникативные функции и прагматический потенциал. Широкое развитие интернета инициировало перемещение различных типов дискурсов и его участников в интернет-пространство, что позволило создавать и активно распространять креативные тексты путём трансформации уже известных прецедентных текстов, в том числе традиционных паремий.

Наиболее яркой формой выражения лингвокультурных и прагматических особенностей интернет-коммуникации являются мемы, в которых большую роль играет как текстовый компонент, так и визуальный контент. Интернет-мемы, как и традиционные паремии, отсылают адресата к комплексу представлений человека об окружающем мире, обобщая многовековой опыт поколений и трансформируя его в народную мудрость, способную оказывать воздействие на сознание адресата, формируя определённые жизненные позиции, стереотипы и образы поведения.

В настоящем исследовании интернет-мемы в зависимости от степени креолизации включают тексты, содержащие такие элементы народного творчества, как афоризмы, пословицы, поговорки, приметы, речевые клише, изречения, несущие в себе народные истины, нравственные законы, этические догмы, стереотипы поведения, сформированные на основе жизненного опыта народа, а также визуальный контент, отражающий культурную идентичность и ценностные

ориентиры в современной интернет-коммуникации.

Сходство интернет-мема с паремией обусловлено их способностью транслировать культурную информацию от человека к человеку, из поколения в поколение, отражая и оценивая типичные жизненные ситуации. Вопросы эволюции паремиологического фонда, его перемещение в интернет-коммуникацию, развитие инновационных паремиологических вариаций, в которых общепринятые стандарты народной мудрости приобретают новые смыслы, неоднократно поднимались в работах лингвистического содержания [3; 7; 8; 15–17; 21], что свидетельствует о приспособлении традиционных фольклорных жанров к новым реалиям и технологиям.

Учитывая принцип поликодовости интернет-дискурса, следует отметить, что интернет-мемы обладают свойствами интертекстуальности, что означает их неразрывную связь со словесными традициями народа. Помимо интертекстуальности необходимо принимать во внимание и феномен гипертекстуальности, позволяющий перейти от исходного текста или высказывания к целевому тексту или высказыванию, отождествляя текст с другими текстами, а именно мем с паремией. В данном случае можно говорить о том, что каждый интернет-мем различной степени креолизации является частью целостной системы текстов, созданных до него или параллельно с ним.

Таким образом, народное слово прошло эволюцию от традиционной паремии, передающейся из уст в уста, до интернет-мема, трансформировавшего народную мудрость под новую цифровую реальность, в которой помимо уже знакомых паремиологических единиц возникают новые формы (антипаремии, антипословицы), «балансирующие» между устоявшимися ценностными ориентирами и новыми этическими нормами и приоритетами современного жизненного уклада.

Трансформационные процессы в структуре интернет-мемов

Широкое распространение мемов в современной интернет-коммуникации основывается на стремлении авторов показать ироническое, а порой и саркастическое, отношение к описываемой ситуации, которое, в первую очередь, передаётся с помощью языковой игры, каламбура. Различного рода антипаремии, на которых основаны многочисленные интернет-мемы, являются продуктом языковой игры, имеющей не просто юмористическо-развлекательную направленность, а зачастую реализующей мощный прагматический эффект, состоящий в критическом восприятии окружающей действительности посредством обращения к устоявшемуся народному словотворчеству.

Проведённый анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что интернет-мемы могут эксплуатировать как традиционные паремии с дополнительным визуальным контентом, так и различные варианты паремий-трансформов. Анализ последних и посвящено настоящее исследование, поскольку именно трансформированные вариации паремий в интернет-мемах представляют наибольший лингвистический интерес с

точки зрения выражения национальной самобытности, оценочных отношений и речевого воздействия на реципиента.

Способы трансформации русских традиционных паремий анализировались в трудах К. Н. Васильевой, К. С. Крюковой, А. Т. Литовкиной, В. Мидера и др. [8; 16; 17; 32]. К наиболее распространённым трансформациям относят замену одного или нескольких компонентов паремии, прибавление новых компонентов, повторы и смешение нескольких паремий.

Анализ корпуса фактического материала показал, что трансфер устоявшихся паремий в интернет-мемы происходит по следующим типам.

1. Замена компонентов (слова или фразы) паремии в текстовой части интернет-мема

Трансформация, основанная на замене компонентов паремии в текстовой части мема, является популярным источником интернет-мемов. В интернет-мемах встречаются замены:

– одного компонента, включающего слово или фразу: *Кто не работает, тот не продает* (ориг. *Кто не работает, тот не ест*); *Любишь кататься, люби и за бензин платить* (ориг. *Любишь кататься, люби и саночки возить*); *Одна голова хорошо, а с мозгами – лучше* (ориг. *Одна голова хорошо, а две – лучше*) (рис. 1);

Рис. 1 / Fig. 1. Замена одного компонента паремии в текстовой части интернет-мема / Replacement of one paremia component in the text part of an Internet meme

Источник: Хитрый Гэтсби [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт]. URL: <http://risovach.ru/kartinka/10662172>; Прикольные демотиваторы [Электронный ресурс] // Rusdemotivator : [сайт].

URL: <http://rusdemotivator.ru/demotivatory-prikoly/9983-lyubish-katatsya.html> (дата обращения: 14.11.2022); Постила [Электронный ресурс] // Postila : [сайт]. URL: <https://postila.ru> (дата обращения: 14.11.2022).

– нескольких компонентов: *На Аллаха надейся, а верблюда привязывай* (ориг. *На Бога надейся, а сам не плошай*); *Работаю как волк ... в лес не отбежать!* (ориг. *Работа – не волк, в лес не убежишь*); *Кто к нам с санкциями придёт, тот от санкций и погибнет* (ориг. *Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет*) (рис. 2).

В однокомпонентных заменах трансформации обычно подвергается либо фраза-установка (*кто не работает*), либо фраза-кульминация (*тот не продаст*). В многокомпонентных заменах можно наблюдать изменения в обеих частях

паремии (изменённые фразы – *Аллах / верблюда привязывай*).

Интересно отметить, что становясь популярным, интернет-мем начинает не только увеличивать скорость своего распространения, но и развивать многочисленные реплики, отсылающие реципиента к исходной паремии. Так, традиционная поговорка «С милым рай и в шалаше» приобретает множество вариаций: *С милым рай и в шалаше, если милый на Porsche*; *С милым рай и в лаваше*; *С милым рай и в шалаше, если шалаш в раю* и др. (рис. 3).

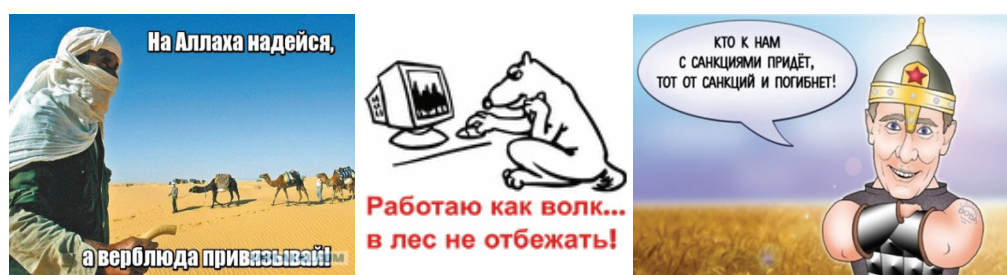

Рис. 2 / Fig. 2. Замена нескольких компонентов паремии в текстовой части интернет-мема / Replacement of several paremia components in the text part of an Internet meme

Источник: Когда нету ума! [Электронный ресурс] // ЯПлакаль : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Сахх> (дата обращения: 12.11.2022); Работа – не волк [Электронный ресурс] // Proprikol : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Catq> (дата обращения: 12.11.2022); Укропия, Санкции и всё остальное с юмором [Электронный ресурс] // Fishki.net : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Caw9> (дата обращения: 12.11.2022).

Рис. 3 / Fig. 3. Лексическое развитие паремии в текстовой части интернет-мема / Lexical development of paremias in the text part of an Internet meme

Источник: С милым рай и в лаваше [Электронный ресурс] // Demotions : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Cazr> (дата обращения: 29.10.2022); Шалаш и флакончик Ив Роше [Электронный ресурс] // Стихи.ру : [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2012/03/27/12225> (дата обращения: 29.10.2022); Демотиваторы [Электронный ресурс] // Demotions : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Cb2k> (дата обращения: 29.10.2022).

Приведённые на рис. 3 мемы наглядно демонстрируют, что авторы пытаются подобрать фонетически слово или фразу, созвучные традиционной паремии, тем самым усиливая эффект запоминаемости мема: *в шалаши – на Porsche, в шалаши – в лаваше*.

Замена одного или нескольких компонентов паремии в интернет-мемах оказалась довольно продуктивным типом трансформации (37%). Это можно объяснить тем, что данный способ позволяет сохранить узнаваемость традиционной паремии носителями языка и в то же время показать, как удачно выбранное слово может изменить смысл исходной паремии и подстроить её под современные условия жизни.

2. Расширение одной из частей паремии в текстовой части интернет-мема путём добавления новых компонентов

Другим популярным способом трансформации является расширение части паремии с помощью добавления новых компонентов, которые являются продолжением традиционной паремии в отражении современной действительности.

Расширение паремии в интернет-мемах может достигаться за счёт добавле-

ния всего одного слова, например: *От любви до ненависти один шаг ... Налево* (ориг. *От любви до ненависти один шаг*). Однако чаще всего наблюдается добавление компонентов, состоящих из нескольких слов, фраз или даже целого предложения. Расширение происходит в основном в конце текста: *Друзья познаются в беде. И чем сложнее беда, тем точнее идет сортировка* (ориг. *Друзья познаются в беде*); *Без труда не разбудить полковника с утра* (ориг. *Без труда не вытащить и рыбку из пруда*), *Аппетит приходит во время еды, а вдохновение во время работы* (ориг. *Аппетит приходит во время еды*) (рис. 4).

Данный тип трансформации способствует созданию иронического или саркастического эффекта интернет-мема и встречается в современной интернет-коммуникации весьма часто (25%).

3. Замена + расширение

Встречается и смешанный тип трансформации, в котором присутствует комбинация замены части паремии и дальнейшее расширение её компонентного состава (13%): *И один в поле воин, копь по-русски скроен* (ориг. *Один в поле не воин*); *Ученье – свет, а неученых тьма. Вот и приходится подрабатывать лучом*

Рис. 4 / Fig. 4. Расширение паремии в текстовой части интернет-мема / Extension of paremia in the text part of an Internet meme

Источник: Спроси совета [Электронный ресурс] // ВКонтакте : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CapG> (дата обращения: 15.10.2022); Полковник [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт]. URL: <http://risovach.ru/kartinka/10210284> (дата обращения: 15.10.2022); Пока ты веришь [Электронный ресурс] // Livejournal : [сайт]. URL: <https://chudovizza.livejournal.com/275344.html?> (дата обращения: 15.10.2022).

света а тёмном царстве ... (ориг. Ученье – свет, а неученье – тьма); Семь раз

поешь и просто полежи (ориг. Семь раз отмерь, один раз отрежь). См. рис. 5.

Рис. 5 / Fig. 5. Замена компонента и расширение паремии в текстовой части интернет-мема / Replacement of a component and extension of paremia in the text part of an Internet meme

Источник: Странник Пилигрим [Электронный ресурс] // МИРТЕСЕН : [сайт]. URL: <https://mir-tesen.ru/people/446394458/photos/> (дата обращения: 29.10.2022); Ученье Свет. Приколы. Картинки [Электронный ресурс] // Telegraph : [сайт]. URL: <https://telegra.ph/Uchene-Svet-Prikoly-Kartinki-01-24> (дата обращения: 29.10.2022); Учимся кошачьим мудростям [Электронный ресурс] // Всё шуточки : [сайт]. URL: <https://vse-shutochki.ru/kartinka/622269> (дата обращения: 29.10.2022).

Следует отметить, что при трансформации обеих частей паремии чаще встречается замена одной части паремии и расширение другой её части.

4. Повтор одинаковых / сходных компонентов в текстовой части интернет-мема

Менее частотным трансформационным приёмом в интернет-мемах является повтор слова из фразы-установки во фразе-кульминации (8%). Так, например, в следующем меме на рис. 6 зарегистрирован повтор лексемы 'зло' со значением 'деньги'.

Причём паремия может быть представлена как в первоначальном, так и в усечённом, расширенном или изменённом виде (рис. 7).

На рис. 7 продемонстрированы примеры с повтором слов только в первой части паремии (*Не откладывай на завтра то, что отложено на сегодня, откладывай на вчера*), только во второй части (*Хочешь жить – умей уметься*), а также в обеих частях (*Старый друг, лучше нового. Новый друг, лучше старого*).

ДЕНЬГИ – ЗЛО.

Рис. 6 / Fig. 6. Повтор компонента паремии в текстовой части интернет-мема / Repetition of a paremia component in the text part of an Internet meme

Источник: Тряхни Нормальность [Электронный ресурс] // TotalHub : [сайт]. URL: <https://totalhub.ru/id17/wall-947990/> (дата обращения: 29.10.2022).

5. Контаминация нескольких паремий в текстовой части интернет-мема

Приём контаминации состоит в комбинации двух паремий в текстовой части интернет-мема, в результате чего появля-

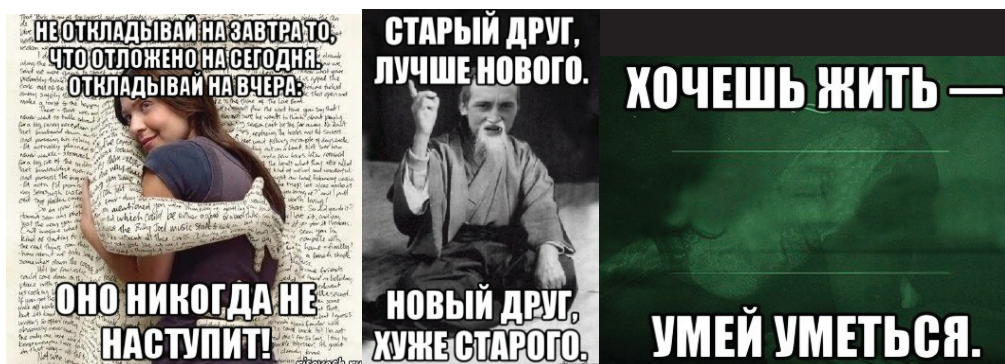

Рис. 7 / Fig. 7. Повтор компонента паремии в разных частях интернет-мема / Repetition of a proverb component in different parts of an Internet meme

Источник: Не откладывай на завтра [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт].

URL: <http://risovach.ru/kartinka/1094179> (дата обращения: 14.11.2022); Старый друг лучше нового [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт]. URL: <http://risovach.ru/kartinka/4675752>

(дата обращения: 14.11.2022); Все мемы Игра слов [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт].

URL: http://risovach.ru/memy/igra-slov_753839/all/65 (дата обращения: 14.11.2022).

ется совершенно новая паремия, однако носитель языка может догадаться об источнике её происхождения.

Интернет-мемы, приведённые на рис. 8, демонстрируют слияние двух паремий в единый текст, образующий новую паремию: *Говорят в одну реку дважды не входят. А я трижды вошла, да ещё и на грабли там наступила!* (ориг. *входить в одну реку дважды + наступать на одни и те же грабли*); *Любовь зла. Не только заставит полюбить козла, но и свинью подложит* (ориг. *Любовь зла, полюбишь и коз-*

ла + подложить свинью); *Голод не тётка, в лес не убежит* (ориг. *Голод не тётка + Работа не волк, в лес не убежит*).

Приём контаминации ярко демонстрирует процесс использования языковой игры, свойственный современной интернет-коммуникации, и привлекает внимание реципиента своей оригинальностью и экспрессией. Однако активность подобных интернет-мемов уступает мемам с выше названными типами трансформации паремий (8%).

Рис. 8 / Fig. 8. Контаминация паремий в текстовой части интернет-мема / Contamination of proverbs in the text part of an Internet meme

Источник: Женское счастье [Электронный ресурс] // ВКонтакте : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34Cb5m> (дата обращения: 12.11.2022); Любовь Зла [Электронный ресурс] // Photoby : [сайт]. URL: <https://photoby.ru/любовь-зла-фото/> (дата обращения: 12.11.2022); Голод не тётка [Электронный ресурс] // Bomz : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CarQ> (дата обращения: 12.11.2022).

6. Образование новой, окказиональной паремии в текстовой части интернет-мема

Иногда авторы настолько увлекаются творческим процессом, что создают новые, окказиональные паремии, которые могут войти в широкое употребление, а могут и быстро исчезнуть (рис. 9). Такой способ «трансформации» паремий является менее продуктивным (5%), хотя прагматически эффективным.

Авторы также строят новые интернет-мемы на основе традиционной паремии,

трансформируя её таким образом, что семантика паремии изменяется и развивается далее. Таким примером является фразеологизм «наступать на одни и те же грабли», который даёт начало мемотворчеству (рис. 10).

7. Визуализация паремии в интернет-меме

Ещё один интересный приём образования интернет-мемов представляет собой визуализация традиционной паремии, при которой креолизация мема

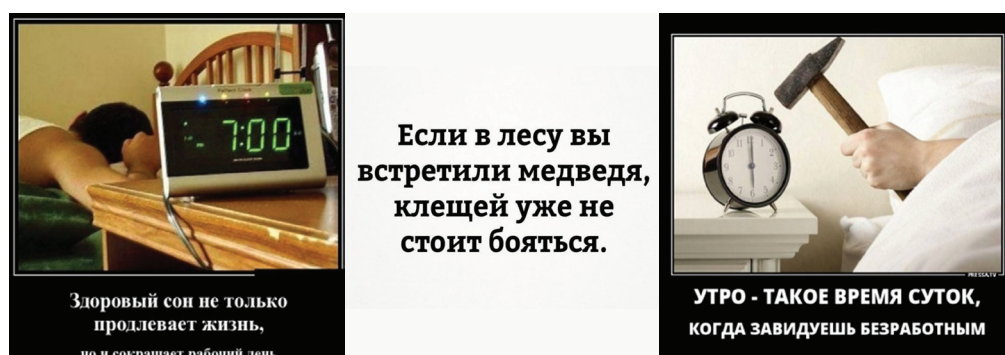

Рис. 9 / Fig. 9. Окказиональные паремии в интернет-мемах / Occasional parodies in Internet memes

Источник: Здоровый сон полезен [Электронный ресурс] // Засмеши : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34Cb6z> (дата обращения: 11.11.2022); Солянка [Электронный ресурс] // Fishki.net : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Cb7f> (дата обращения: 11.11.2022); Radioham. Картинки и демотиваторы [Электронный ресурс] // Живой Ангарск : [сайт]. URL: <https://liveangarsk.ru/user/10896/photos/362633> (дата обращения: 11.11.2022).

Рис. 10 / Fig. 10. Развитие семантики фразеологизма «наступать на одни и те же грабли» в интернет-мемах / Developing the semantics of the phraseologism “stepping on the same rake” in Internet memes

Источник: Психология отношений [Электронный ресурс] // Pulse.mail : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34CaQv> (дата обращения: 12.11.2022); Танец по граблям? Может, хватит? [Электронный ресурс] // ВКонтакте : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Cb94> (дата обращения: 12.11.2022); Гороскоп про грабли [Электронный ресурс] // Про астрологию : [сайт]. URL: <https://pro-astrologiyu.ru/гороскоп-про-грабли/> (дата обращения: 12.11.2022).

является полной, т. е. отсутствует текстовая часть мема, а сама паремия выражается с помощью изображения, представляющего собой некий образ, отсылающий реципиента к образу, содержащемуся в оригинальной паремии. Несмотря на небольшую продуктивность данных мемов (4%), они свидетельствуют об уровне творческого потенциала автора и об уровне эрудиции и знаний реципиента, поскольку требуется достаточно большой объём фоновых культурных знаний для того, чтобы расшифровать изображе-

ние и соотнести его с оригинальным источником.

Интернет-мемы, представленные на рис. 11, демонстрируют визуализацию следующих паремий: *Время – деньги*; *Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь*; *Копейка рубль бережёт*.

Контент-анализ анализируемых интернет-мемов позволил выявить наиболее продуктивные типы трансформаций, что наглядно продемонстрировано на рис. 12. Наиболее продуктивными техниками трансформации паремии в ин-

Рис. 11 / Fig. 11. Визуализация паремий в интернет-мемех / Visualization of paremias in Internet memes

Источник: *Время деньги* [Электронный ресурс] // Dreamstime : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CbAz> (дата обращения: 11.11.2022); *Телеграф* [Электронный ресурс] // Telegraph : [сайт]. URL: <https://telegra.ph> (дата обращения: 11.11.2022); *Игра-путешествие «Копейка рубль бережет»* [Электронный ресурс] // Culture.ru : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CbC2> (дата обращения: 11.11.2022).

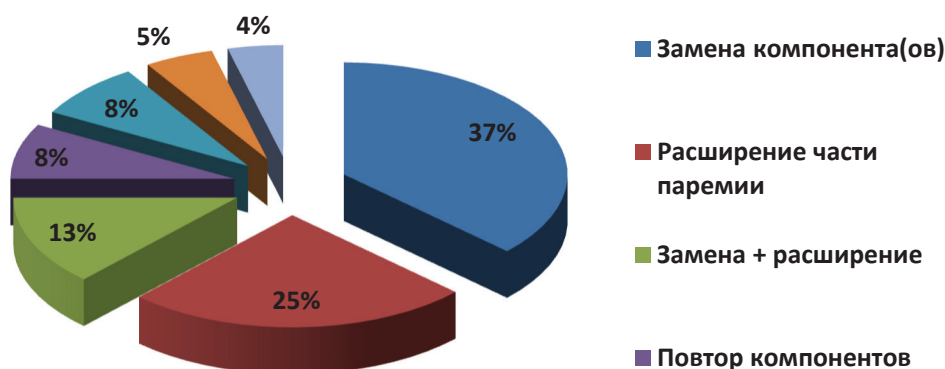

Рис. 12 / Fig. 12. Продуктивность различных типов трансформации в интернет-мемех / Productivity of different types of transformation in Internet memes

Источник: составлено автором по результатам проведённого исследования.

тернет-мемах являются замена одного или нескольких компонентов паремии, расширение её компонентного состава и комбинация первых двух приёмов.

В целом, несмотря на многочисленные трансформации, современные паремии в виде интернет-мемов имеют хорошо узнаваемую форму для носителя языка, однако их интерпретация может потребовать определённого уровня эрудиции для того, чтобы соотнести трансформированный вариант паремии с её оригиналом. Столь широкое распространение анализируемых мемов свидетельствует о креативном потенциале интернет-пользователей, продуцирующих подобные паремии-трансформы, в которых актуализируются устоявшиеся элементы народной мудрости в новой современной оболочке, а также о необходимости ироничного описания жизненных ситуаций, облегчающего восприятие житейских трудностей.

Метафоричность интернет-мемов и их тематическое разнообразие

Поскольку паремии отражают коллективный опыт народа, его самобытность, они несут в себе представления об окружающем человека мире, базирующиеся на архетипах, образах, свойственных той или иной лингвокультуре. С этой точки зрения паремия имеет сходство с метафорой, служащей не просто средством создания образности или экспрессивности, а выступающей как способ познания окружающей реальности. Как в метафоре, так и в паремии концептуализируются знания человека о действительности. М. Э. Татаринов и А. В. Казаков в своих работах эксплуатируют термин «паремическая метафора», под которым понимают «образное значение, базирующееся на сходстве выразительной основы, с учетом свойства, общего для прямого и переносного значения слов, подчеркивающее мудрость пословиц и поговорок языка» [28, с. 290].

Действительно, если рассматривать паремию и интернет-мем как её продол-

жение с точки зрения теории метафоры, можно отметить, что в паремиологических единицах в языковой форме отражаются способы и результаты познания, структурирования и оценки мира. Поэтому паремию можно рассматривать как форму мышления, способ постижения индивидуального, группового и национального самосознания.

В процессе познания человек соотносит непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства через метафору с более простыми и понятными человеку образами (например, экономические и политические феномены часто сравниваются с хорошо знакомыми нам мифологическими и сказочными персонажами), в результате чего формируется паремическая метафора. Любая метафора реализует процесс проекции знаний из одной концептуальной области (сферы-источника) в другую (сферу-мишень). Рассмотрим наиболее частотные сферы-источники и сферы-мишени интернет-мемов.

Актуальное содержание современных интернет-мемов восходит к различным сферам-источникам. В рамках настоящей статьи рассмотрим лишь наиболее популярные сферы:

– *Животный мир*

Н. Ю. Бородулина и М. Н. Макеева отмечают, что зоометафоры, созданные в русских паремиях, содержат культурные коды, позволившие увидеть в основе переноса значения архетипические характеристики, закрепившиеся в национальном мировоззрении и без изменения сохранившиеся в современной речи [4].

Проведённый анализ показал, что наиболее часто встречающимися образами животных в интернет-мемах являются образ волка (воплощение жестокости), медведя (знак силы и неуклюжести), собаки (верность, преданность), лисы (хитрость), кота (наглость, лень), осла (глупость, упрямство), свиньи (невежество, нечистоплотность), козла (распутство, двойственность) (рис. 13).

Рис. 13 / Fig. 13. Сфера-источник «животный мир» в интернет-мемах / Source sphere “animal world” in Internet memes

Источник: Когда съеден пастух и волки [Электронный ресурс] // Афоризм : [сайт].

URL: <https://aphorism.ru/comments/0rxt37qzkw.html> (дата обращения: 19.11.2022);

Albina. Ай, попробую... Если выйдет не Блокнотик, значит, будет Настроение... //

Завалинка: музыкальная соцсеть. URL: <https://clck.ru/34СbEv> (дата обращения: 19.11.2022);

Кот устал [Электронный ресурс] // Pinterest : [сайт].

URL: <https://in.pinterest.com/pin/687080486888142337/> (дата обращения: 19.11.2022).

Через концептуальную область «мир животных» осуждаются пороки и одобряются достоинства «мира человека», подчёркивая морально-этическое содержание данных мемов.

– Мифология / сказка / легенда

Тема мифов и сказок пронизывает паремиологическое поле, уходя глубоко корнями в античность, язычество, но при этом являясь важным элементом современной культуры. Так, авторы интернет-мемов часто обращаются к сказочному образу Бабы Яги, пришедшему в русский

фольклор из славянской мифологии. Баба Яга живёт в мрачном лесу, символизирующем коллективное бессознательное, а также тёмную и неизведанную сторону жизни – смерть. Образ олицетворяет сверхъестественные силы и используется в современной интернет-коммуникации традиционно для обозначения коварства, хитрости, кровожадности и других недобрых умыслов. В современной интернет-коммуникации архетип Бабы Яги олицетворяет голод (*Голод не тётка! Он – бабка!*), ЕГЭ (*Баба ЕГЭ*), семейные

Рис. 14 / Fig. 14. Сфера-источник «мифология / сказочный мир / легенды» в интернет-мемах / Source sphere “mythology / fantasy world / legends” in Internet memes

Источник: Прикольные демотиваторы [Электронный ресурс] // Демотиваторы по-русски : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34СbJV> (дата обращения: 11.11.2022); Баба Егэ [Электронный ресурс] //

ЛДПР-Мытищи : [сайт]. URL: <https://лдпр-мытищи.рф/baba-eg/> (дата обращения: 11.11.2022).

взаимоотношения (*Живу как в сказке: жена – ведьма, тёща – баба яга, брат – соловей-разбойник, дети – черти. Только соседка – Василиса Прекрасная и муж у нее Иван Дурак*) (рис. 15).

Таким образом, обращаясь к сказочным героям, мифам, легендам, авторы мемов опираются на архетипы, которые хранятся в культурной памяти тысячелетиями и вместе с тем постоянно обновляются, переосмысливаясь в современном контексте.

– Известные персоналии

Исторические личности и лица современности также являются частым источником интернет-мемов. Данный факт можно объяснить с позиций принципа антропоцентризма, проявляющегося в провозглашении человека мерой всех вещей. Используя в мемах образы и прототипы известных персоналий, автор моделирует систему ценностных ориентиров и ассоциаций при восприятии окружающей реальности, поскольку в основе подобных мемов лежат как представления, составляющие основу общекультурного пространства, так и результаты субъективного опыта носителя языка. Образное основание таких интернет-мемов интерпретируется с учётом общих фоновых

знаний, которые дают представление о реалиях, лежащих в основе «прообраза» личности. Так, следующие примеры демонстрируют особенности личности У. Баффета, известного американского миллиардера, который заработал своё состояние, «просто не свистев дома» (от приметы *Не свисти – денег не будет*), и И. В. Сталина, который на любую паремию, отвечает ссылкой в Сибирь (рис. 15).

Таким образом, наиболее частотными сферами-источниками интернет-мемов оказались представители животного мира, персонажи и реалии из области мифологии, сказок, легенд, а также известные исторические личности и современные персоналии. Схематично наиболее частотные сферы-источники представлены на рис. 16.

Схема на рис. 16 наглядно демонстрирует, какие области знания являются для современного человека доминантными на данном этапе исторического развития, поскольку именно объекты из указанных концептуальных областей чаще всего используются при построении мемов. Рассматриваемые интернет-мемы, с одной стороны, сохраняют семантическую детерминированность при выборе таких сфер-источников, как «животный мир» и

Рис. 15 / Fig. 15. Сфера-источник «известные персоналии» в интернет-мемах / Source sphere “famous personalities” in Internet memes

Источник: Мемы [Электронный ресурс] // Memify : [сайт].

URL: <https://www.memify.ru/meme/12566/milliarder/> (дата обращения: 10.11.2022);

Мемы со Сталиным [Электронный ресурс] // Amino Apps : [сайт]. URL: <https://clk.ru/34Can/> (дата обращения: 10.11.2022).

Рис. 16 / Fig. 16. Наиболее частотные сферы-источники интернет-мемов / The most frequent source spheres of Internet memes

Источник: составлено автором по результатам проведённого исследования

«мифология / сказка / легенда», с другой стороны, они нацелены на использование современных образов известных личностей, обладающих особыми качествами, хорошо знакомых широкому кругу интернет-пользователей.

Переходя к сферам-мишеням интернет-мемов следует отметить, что с помощью широко известных паремий авторы представляют опыт новой, современной действительности, обычно в шутливой форме.

Метод контент-анализа исследуемого материала позволил выявить **наиболее частотные сферы-мишени в интернет-мемах**.

– *Общественно-политическая жизнь*

В связи с актуальностью инфоповодов из общественно-политической жизни появляется большое количество интернет-мемов, отражающих различные социально-значимые ситуации, часто с оценочным компонентом (критика или одобрение). Так, в сегодняшней политической и экономической ситуации, сложившейся в нашей стране и во всём мире, актуальными становятся вопросы

газовой и нефтяной ценовой политики, что даёт толчок появлению и развитию интернет-мемов: *Дружба дружбой, а бабки врозь* (ориг. *Дружба дружбой, а служба службой*); *У меня корова не доена* (ориг. *дойная корова – о нефти*) (рис. 17).

– *Деньги / богатство*

Тема денег и богатства на протяжении многих веков была актуальной мишенью для образования многочисленных пословиц, поговорок, примет, фразеологизмов и т. д. В современной интернет-коммуникации также часто поднимаются вопросы значимости материального положения, долга и должников, кредитов и кредиторов и др. Продуктивной поговоркой для создания интернет-мемов является *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, которая приобретает иные формы и совершенно противоположный смысл, показывая ценность материального достатка для современного человека: *Не имей сто рублей, а имей сто долларов; Не имей сто рублей, не имей сто друзей, а имей одного дружищу, который одолжит тебе тыщу*.

Другим примером может служить история с кредитами, из-за которых мно-

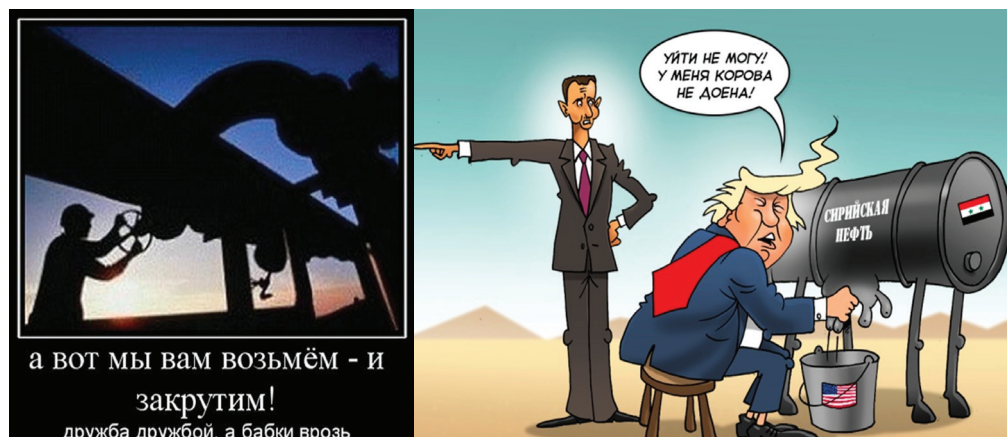

Рис. 17 / Fig. 17. Сфера-мишень «общественно-политическая жизнь» в интернет-мемах / Target sphere “social and political life” in Internet memes

Источник: А вот мы вам возьмем – и закрутим! [Электронный ресурс] // JoyReactor : [сайт].

URL: <https://reactor.cc/post/56589> (дата обращения: 11.11.2022); Цель – нефть. США не уйдут из

Сирии [Электронный ресурс] // Вооруженное обозрение : [сайт].

URL: <https://topwar.ru/164929-cel-zahvat-nefti-ssha-ne-ujdut-iz-sirii.html> (дата обращения: 11.11.2022).

гие оказались в долговой яме. В данном случае интернет-мем основан на паремии *Бесплатный сыр только в мышеловке* (рис. 18).

– *Работа / трудовая деятельность*

Традиционно в паремиях трудовая деятельность представлялась как нечто важное для человека, соотносилась с его смыслом жизни. Однако в мемах зачастую показывается негативное отно-

шение к труду, где авторы транслируют нежелание трудиться, ходить на работу, подчёркивают неохоту работать через пословицу *Работа – не волк, в лес не убежит* в следующих вариациях: *Работа – не волк, но и начальник не красная шапочка!*; *Работа – не волк, работа – ворк*. А *волк – это ходить*. Последний пример демонстрирует игру слов, основанную на английских глаголах *walk* и *work* (рис. 19).

Рис. 18 / Fig. 18. Сфера-мишень «деньги / богатство» в интернет-мемах / Target sphere “money / wealth” in Internet memes

Источник: Демотиваторы [Электронный ресурс] // Bomz : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CbV5>

(дата обращения: 10.11.2022); Финансовый гений. Потребительские кредиты – жизнь в долг

[Электронный ресурс] // Дзен : [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/W2hrVRT3PQCqWYn8> (дата обращения: 10.11.2022); Заработок с телефона // Юридическая социальная сеть 9111.ru.

URL: <https://clck.ru/34CbXQ> (дата обращения: 10.11.2022).

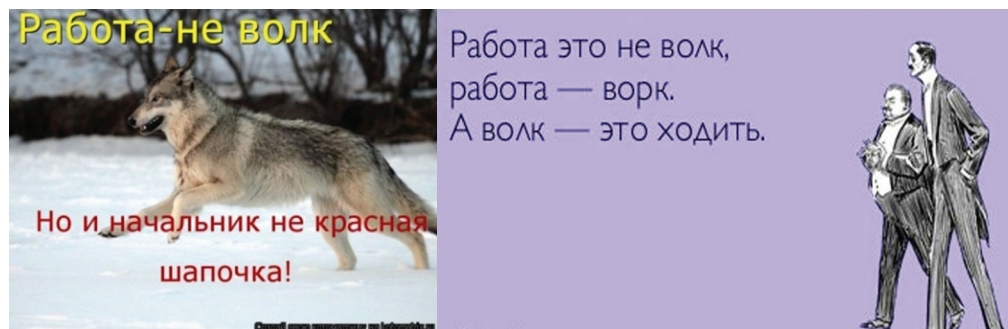

Рис. 19 / Fig. 19. Сфера-мишень «работа / трудовая деятельность» в интернет-мемах / Target sphere “work / labor activity” in Internet memes

Источник: Работа не волк [Электронный ресурс] // Letsgophotos : [сайт]. URL: <https://letsgophotos.ru/работа-не-волк-в-лес-картинки/> (дата обращения: 11.11.2022); Мемная вечеринка [Электронный ресурс] // Дзен : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CcxE> (дата обращения: 11.11.2022).

– Учёба / образование

Анализ интернет-мемов показал, что в современном российском обществе отношение к образованию, которое всегда являлось важнейшей ценностью, изменилось. В интернет-мемах часто поднимаются проблемы сферы образования, где высказывается либо критическое отношение к современному образованию, проводимым реформам, экзаменам, либо мем создаётся ради комического эффекта (рис. 20).

– Здоровье

Тема здоровья как базовой ценности человека также часто встречается в интернет-мемах. Здесь демонстрируется

незыблемость ценностных приоритетов по отношению к здоровью человека, заложенных в традиционных поговорках, в то же время интернет-мемы активно реализуют критику острых социальных проблем, связанных с работой системы здравоохранения, например долгое ожидание приёма врача в поликлинике, непрофессионализм медработников, платные медицинские услуги и др. (рис. 21).

Особую актуальность данная сфера получила в период распространения коронавирусной инфекции, когда различные проблемы здравоохранения описывались с ироничной точки зрения, что,

Рис. 20 / Fig. 20. Сфера-мишень «учёба / образование» в интернет-мемах / Target sphere “study / education” in Internet memes

Источник: Карикатура про школу [Электронный ресурс] // Карикатуры Евгения Крана : [сайт]. URL: <http://cartoon.kulichki.com/humour/humo164.htm> (дата обращения: 11.11.2022); Мем волк [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт]. URL: <http://risovach.ru/kartinka/36422> (дата обращения: 11.11.2022); ФилФак Учалинского факультета БашГУ [Электронный ресурс] // ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/wall-15637251_55 (дата обращения: 11.11.2022).

Рис. 21 / Fig. 21. Сфера-мишень «здоровье» в интернет-мемах / Target sphere “health” in Internet memes

Источник: Медицина нам поможет [Электронный ресурс] // Fishki.net : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34Cd43> (дата обращения: 19.11.2022); Прикольные картинки «лечись!»

[Электронный ресурс] // Kartinkoff.Club : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Cd5s> (дата обращения: 19.11.2022).

возможно, облегчило жизнь в такой непростой период (рис. 22).

– Дом

Тема дома является одной из центральных в русских поговорках и ассоциируется как с местом проживания, так и с родиной. В русской культуре дом воплощает основные жизненные ценности человека, такие как счастье, семья, единство, достаток, отчизна. Зачастую здесь выражается бинарная оппозиция «свой» – «чужой», когда происходит про-

тивопоставление своего дома и чужбины. В мемах же данная тема снова получает ироническое освещение (рис. 23).

– Человеческие отношения

Человеческие взаимоотношения нередко выступают мишенью интернет-мемов, так как смысловой центр в подобных мемах сосредоточен на самом человеке. Наиболее популярными в данной сфере являются отношения с друзьями, членами семьи, гостями, гендерные отношения и некоторые другие (рис. 24).

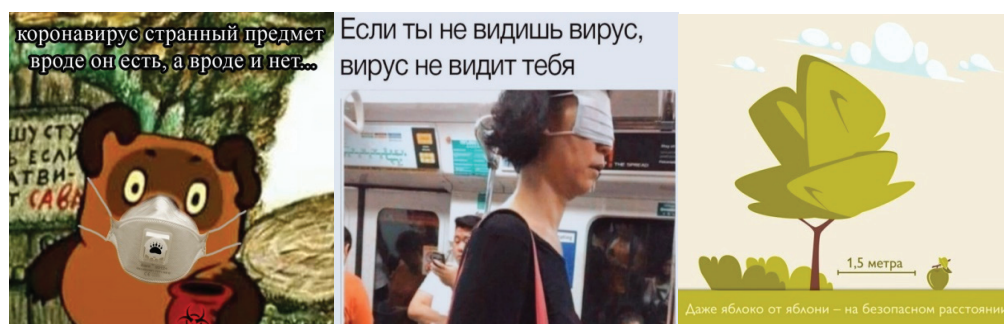

Рис. 22 / Fig. 22. Коронавирус в интернет-мемах / Coronavirus theme in Internet memes

Источник: Коронавирус странный предмет [Электронный ресурс] // Pikabu.ru : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34CdCF> (дата обращения: 10.11.2022); Смеяться разрешается: мемы

про коронавирус захлестнули Интернет [Электронный ресурс] // UssurMedia : [сайт].

URL: <https://ussurmedia.ru/news/921487/> (дата обращения: 10.11.2022); Подборка поговорок на новый лад [Электронный ресурс] // Fishki.net : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CdFd>

(дата обращения: 10.11.2022).

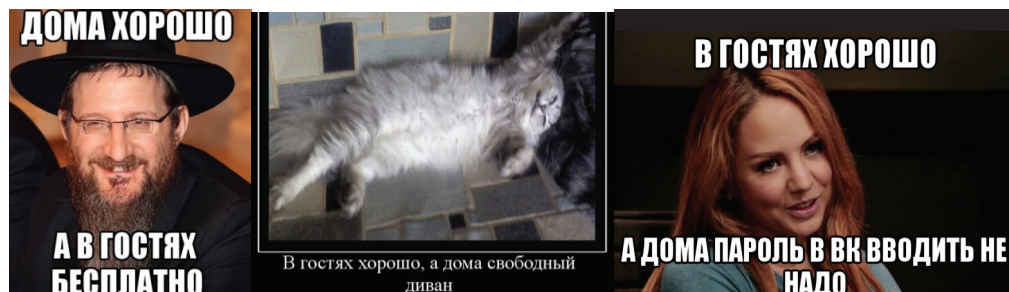

Рис. 23 / Fig. 23. Сфера-мишень «дом» в интернет-мемах / Target sphere “home” in Internet memes

Источник: Мем Веселый раввин [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт].

URL: <http://risovach.ru/kartinka/167250> (дата обращения: 11.11.2022); В Гостию Хорошо А Дома

Лучше Картинки [Электронный ресурс] // Telegraph : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34CdMr>

(дата обращения: 11.11.2022); Мем Епк [Электронный ресурс] // Рисовач : [сайт].

URL: <http://risovach.ru/kartinka/8322519> (дата обращения: 11.11.2022).

Рис. 24 / Fig. 24. Сфера-мишень «человеческие отношения» в интернет-мемах / Target sphere “human relations” in Internet memes

Источник: Мем: «Лучший друг у зятя есть...» [Электронный ресурс] // Meme-arsenal : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34CdSh> (дата обращения: 10.11.2022);

Елистратов И. Карикатура «Не бояться высоты» [Электронный ресурс] // Карикатура : [сайт].

URL: <https://caricatura.ru/top/month/url/parad/elistratov/31334/> (дата обращения: 10.11.2022);

Демотиваторы на июнь, часть 16 [Электронный ресурс] // МИРТЕСЕН : [сайт].

URL: <https://clck.ru/34CdVK> (дата обращения: 10.11.2022).

– Криминал

В интернет-мемах освещается и сфера криминала, где выражается отношение к проблемам коррупции, вымогательства, нелегального покровительства и других правонарушений (рис. 25).

Сферы-мишени, задействованные в процессе паремиологизации интернет-мемов, наглядно продемонстрированы на схеме, представленной на рис. 26.

Судя по разнообразию представленных сфер-мишеней, можно сделать вывод о том, что современный уклад жизни в целом базируется на устойчивых прин-

ципах истины и морали, сложившихся в различных сферах человеческой деятельности, однако, новый уклад жизни и новые реалии также вносят свои изменения в паремиологический фонд, выраженный интернет-мемами. Прослеживается стремление обновить традиционные устои, стереотипы и ценностные ориентиры и даже в некоторых случаях опровергнуть, разрушить устоявшиеся веками взгляды на жизнь, что можно объяснить относительной свободой слова и самовыражения в современном интернет-пространстве, поиском новых решений

Рис. 25 / Fig. 25. Сфера-мишень «криминал» в интернет-мемах / Target sphere “crime” in Internet memes

Источник: Демотиваторы [Электронный ресурс] // Bomz : [сайт]. URL: <http://bomz.org> (дата обращения: 11.11.2022).

Рис. 26 / Fig. 26. Наиболее частотные сферы-мишени интернет-мемов / The most frequent target spheres of Internet memes

Источник: составлено автором по результатам проведенного исследования

возникающих в обществе проблем, а также стремлением создать комический эффект описываемых стереотипных ситуаций. Пронизывающая интернет-мемы ирония позволяет не только проявить творческий потенциал, но и критически

подойти к меняющейся реальности и жизненным устоям, когда не остаётся ничего, кроме как высмеять существующие в социуме проблемы, тем самым оказав прагматическое воздействие на потенциального реципиента.

Заключение

В рамках проведённого исследования было проанализировано 450 интернет-мемов за период 2020–2022 гг., что позволило сделать следующие выводы.

Анализ теоретической базы свидетельствует о богатом корпусе работ, посвящённых вопросам паремиологии и функционирования трансформированных паремий с позиций различных лингвистических подходов. Подчёркивается дискуссионность вопросов отнесения паремий к фразеологическим единицам, разграничения пословиц и поговорок, а также метаязыка паремиологии. Перемещение коммуникации в интернет-пространство способствовало активному распространению паремиологических единиц, в том числе за счёт интернет-мемов. Эволюция от паремий к интернет-мемам обусловлена их способностью транслировать культурную информацию из поколения в поколение, отражая и оценивая типичные жизненные ситуации, что свидетельствует о приспособлении традиционных фольклорных жанров к современным реалиям.

Изучение эмпирического материала показало, что в интернет-мемах прослеживается использование как традиционных паремий в текстовой части мема с учётом визуального контента, так и различных паремий-трансформов. Были выявлены наиболее продуктивные типы трансформаций в структуре интернет-мемов, среди которых выделяются замена одного или нескольких компонентов паремии в текстовой части интернет-мема (37%), расширение одной из частей паремии (25%), комбинация замены и расширения (13%), повтор одинаковых или сходных компонентов паремии (8%), контаминация нескольких паремий в интернет-меме (8%), образование новой,

оказациональной паремии (5%) и визуализация паремии в интернет-меме при его полной креолизации, т. е. отсутствии текстовой части (4%). Несмотря на выявленные трансформации в анализируемых интернет-мемах они имеют хорошо узнаваемую форму для носителя языка. Широкое распространение подобных мемов свидетельствует о креативном потенциале их создателей, трансформирующих элементы народной мудрости в современную оболочку.

В ходе исследования удалось провести аналогию между интернет-мемами как современными паремиями и метафорами, которые являются способами концептуализации знаний человека об окружающей действительности, основанных на архетипах, образах, свойственных той или иной лингвокультуре. Выявлены наиболее частотные сферы-источники и сферы-мишени паремиологизации интернет-мемов. Проведённый анализ показал, что наиболее часто встречающимися сферами-источниками являются животный мир, персонажи и реалии из области мифологии, сказок, легенд, а также известные исторические личности и современные персоналии. К наиболее частотным сферам-мишеням в интернет-мемах относятся феномены из общественно-политической жизни, деньги, работа, образование, здоровье, дом, человеческие взаимоотношения и криминал. Тематическое разнообразие представленных сфер-мишеней даёт основание говорить о том, что современный уклад жизни в целом базируется на традиционных принципах морали в разных сферах жизни человека, однако, новая реальность вносит свои изменения в паремиологический фонд, выраженный в интернет-мемах.

Дата поступления в редакцию 02.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Русская ментальность и паремическая семантика: когнитивно-прагматический аспект проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 5–10.
2. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
3. Антонова Е. Н., Зацепина Е. А., Рудинова Ю. И. Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-6-19.
4. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Архетипические характеристики зооморфных метафор: от Д. де Лафонтена и И. А. Крылова к современному употреблению в русском и французском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 65–79. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-65-79.
5. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2003. 50 с.
6. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
7. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
8. Васильева К. Н. Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. 259 с.
9. Гак В. Г. Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. 312 с.
10. Гиясова Н. А., Сусликова А. А. Сравнительный анализ английских и русских пословиц как составной части социокультурного феномена народов // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 34 (116). С. 63–68.
11. Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропологический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
14. Колошиц А. Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Международной научно-практической конференции (Минск, 25 ноября 2015 г.) / отв. ред. Н. Н. Нижнева. Минск: БГУ, 2015. Ч. 4. С. 7–13.
15. Константинова А. А. Англо-американские паремии в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный анализ. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 226 с.
16. Крюкова К. С. Функционирование трансформированных пословиц в интернет-пространстве: жанровый аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 130–132.
17. Литовкина А. Т. Способы трансформации традиционных русских пословиц // Słowo. Tekst. Czas XII. Frazologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich w 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki. Szczecin – Greifswald: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2014. Т. 1. С. 270–285.
18. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018. 344 с.
19. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
20. Нелюбова Н. Ю. Представление ценностей в пословицах франкоязычных стран (на материале пословиц Мартиники) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2019. № 1 (65). С. 198–208.
21. Никитина Т. Г. Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 87–89.
22. Ощепкова В. В., Соловьева Н. В. Особенности формирования ономастикона британской народной сказки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/62/9.

23. Паремииология без границ: монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова, Л. Н. Гишкаева, Е. Е. Иванов, Е. И. Зиновьева, Д. Д. Комова, О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Н. Ю. Нелюбова, Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Семененко, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина, Ц. Цао; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
24. Савенкова Л. Б. Русская паремииология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2002. 240 с.
25. Савцова О. Е. Пословицы и поговорки, характеризующие личность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 105–114.
26. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Флинта: Наука, 2017. 296 с.
27. Семененко Н. Н. Лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 58–67.
28. Татаринов М. Э., Казаков А. В. Паремии как инструмент создания метафорических образов России // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 288–295.
29. Телия В. Н. Русская фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.
30. Шитикова А. В. Коммуникативный аспект перевода модифицированных пословиц с немецкого языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. С. 2307–2311. DOI: 10.30853/phil20220365.
31. Karagiorgos P. Greek and English Proverb. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015. 235 p.
32. Mieder W. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. Jackson, Mississippi, USA: University Press of Mississippi, 2014. 489 p.
33. Pislaru A. Los enunciados de leyes científicas: género textual y paremia // Paremia. 2018. № 27. P. 145–156.
34. Schipper M. Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. 350 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. [Russian mentality and parables' semantics: cognitive-pragmatic aspect of the problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2011, no. 1, pp. 5–10.
2. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 344 p.
3. Antonova Ye. N., Zatssepina Ye. A., Rudinova Yu. I. [A communicative event in the form of paremias of the Russian media discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 3, pp. 6–19. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-6-19.
4. Borodulina N. Yu., Makeyeva M. N. [Archetypical characteristics of zoomorphic metaphors: from J. de Lafontin and I. A. Krylov to modern use in Russian and French]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistik* [Issues of Cognitive Linguistics], 2021, no. 2, pp. 65–79. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-65-79.
5. Bochina T. G. *Kontrast kak lingvokognitivnyy printsip russkoy posloviytsy: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Contrast as a linguo-cognitive principle of a Russian proverb: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2003. 50 p.
6. Bredis M. A., Dimoglo M. S., Lomakina O. V. [Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
7. Valter Kh., Mokiyenko V. M. *Antiposloviytsy russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian people]. St. Petersburg, Neva Publ., 2005. 576 p.

8. Vasil'yeva K. N. *Premii-transformy v internet-kommunikatsii: struktura, semantika, tematicheskiye gruppy: diss. ... kand. filol. nauk* [Paremiia-transforms in Internet communications: structure, semantics, thematic groups: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 259 p.
9. Gak V. G. *Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury* [Language as a means of broadcasting culture]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 312 p.
10. Giyasova N. A., Suslikova A. A. [A comparative analysis of English and Russian proverbs as an integral part of a sociocultural phenomenon of the nations]. In: *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2017, no. 34 (116), pp. 63–68.
11. Zhukov V. P. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 408 p.
12. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
13. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antropologicheskii kod kul'tury* [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: an anthropological code of culture]. Moscow, Lenand Publ., 2019. 400 p.
14. Koloshits A. G. [Methods of translating paremiological units into Russian (on the basis of Russian fiction)]. In: *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statey i tezisev IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 25 noyabrya 2015 g.)* [Ideas. Search. Solutions: collection of articles and abstracts of the IX International Scientific and Practical Conference (Minsk, November 25, 2015)]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2015. Part 4, pp. 7–13.
15. Konstantinova A. A. *Anglo-amerikanskiye premii v mediadiskurse: kognitivno-diskursivnyy analiz* [Anglo-American proverbs in media discourse: cognitive-discursive analysis]. Tula, Tula State University Publ., 2012. 226 p.
16. Kryukova K. S. [Functioning of transformed proverbs in the Internet space: the genre aspect]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2017, no. 2, pp. 130–132.
17. Litovkina A. T. [Ways of transforming traditional Russian proverbs]. In: *Słowo. Tekst. Czas XII. Frazeologia w idiolekcje i systemach języków słowiańskich w 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki*. Szczecin – Greifswald, Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2014, T. 1, pp. 270–285.
18. Lomakina O. V. *Frazeologiya v tekste: funktsionirovaniye i idiosstil'* [Phraseology in the text: functioning and idiosstyle]. Moscow, RUDN Publ., 2018. 344 p.
19. Mokienko V. M. [The modern paremiology (linguistic aspects)]. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2010, no. 3, pp. 6–20.
20. Nelyubova N. Yu. [Presentation of values in the proverbs of French-speaking countries (based on proverbs of Martinique)]. In: *Vestnik universiteta (Rossiysko-Tadzhikskiy (Slavyanskiy) universitet)* [University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) university)], 2019, no. 1 (65), pp. 198–208.
21. Nikitina T. G. [The new “status” of the Russian antiproverbs]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2014, no. 77, pp. 87–89.
22. Oshchepkova V. V., Solovyeva N. V. [Features of the onomasticon formation in the British folk tale]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2019, no. 62, pp. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/62/9.
23. Antonova Ye. N., Bredis M. A., Vladimirova T. Ye., Gishkayeva L. N., Ivanov Ye. Ye., Zinov'yeva Ye. I., Komova D. D., Lomakina O. V., Makarova A. S., Mokiyeenko V. M., Nelyubova N. Yu., Nikolayeva Ye. K., Seliverstova Ye. I., Semenenko N. N., Fatkullina F. G., Khayrullina R. Kh., Tsao Ts. *Paremiologiya bez granits* [Paremiology without boundaries]. Moscow, RUDN Publ., 2020. 244 p.
24. Savenkova L. B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 2002. 240 p.
25. Savtsova O. Ye. [Proverbs and Sayings, Characterizing Personality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 2, pp. 105–114.
26. Seliverstova Ye. I. *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost'* [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 296 p.
27. Semenenko N. N. [Lingvocognitive aspect of the problem of expression of the ethnolinguistic mentality in the semantics of paremies]. In: *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo univer-*

- ситета. *Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], 2010, no. 24 (95), pp. 58–67.
28. Tatarinov M. E., Kazakov A. V. [Paremia as a tool for creating metaphorical images of Russia]. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], 2019, no. 3 (43), pp. 288–295.
29. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya v kontekste kul'tury* [Russian phraseology in the context of culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, Publ., 1999. 336 p.
30. Shitikova A. V. [Communicative aspect of modified proverbs translation from German into Russian]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2307–2311. DOI: 10.30853/phil20220365.
31. Karagiorgos P. *Greek and English Proverb*. Newcastle upon Tyne, UK, Cambridge Scholars Publishing, 2015. 235 p.
32. Mieder W. *Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics*. Jackson, Mississippi, USA, University Press of Mississippi, 2014. 489 p.
33. Pislaru A. Los enunciados de leyes científicas: género textual y paremia. In: *Paremia*, 2018, no. 27, pp. 145–156.
34. Schipper M. *Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010. 350 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воякина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Тамбовского государственного технического университета; e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Voyakina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University; e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воякина Е. Ю. Эволюция народного слова: от паремии к интернет-мему // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 6–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-6-30

FOR CITATION

Voyakina E. Yu. The evolution of the folk word: from paremias to internet memes. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 6–30. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-6-30

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-31-40

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СФЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Адамчук Е. Ю.*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22, Республика Беларусь*

Аннотация

Цель. Показать специфику инвентаризации специальной лексики, представленной в официальных документах, отражающих основные направления европейской языковой политики как ещё не сформировавшейся подобласти социолингвистического знания, связанной с языковой политикой, осуществляемой на наднациональном (надгосударственном) уровне.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет выявление особенностей инвентаризации специальной лексики из корпуса текстов официальных документов. В качестве методов исследования использованы анализ и обобщение научных публикаций, корпусные технологии и приёмы терминологического менеджмента.

Результаты. Доказано, что официальные документы, снабжённые элементами терминофиксации, могут служить базой для инвентаризации терминологии областей знания, не нашедших адекватного отражения в научных источниках. Инвентаризация, осуществлённая с помощью терминологических экстракторов Sketch Engine и AntConc с последующей ручной обработкой, позволила, помимо общенаучных и междотраслевых терминов, выявить терминологию таких предметных областей, отражающих многоаспектность наднациональной европейской языковой политики, как «Образование», «Миграция», «Информационные технологии», «Экономика и бизнес», «Политика», «Культура и искусство», «Социолингвистика».

Теоретическая значимость исследования состоит в определении специфики инвентаризации терминологии междисциплинарных областей знания, основанной на использовании корпуса официальных документов. **Практическая значимость** исследования заключается в определении доли терминологии междисциплинарной области знания в общем объёме выявленных специальных номинаций и в тематической классификации специальных номинаций с целью выявления направлений, релевантных для языковой политики наднациональных формирований.

Ключевые слова: европейская языковая политика, инвентаризация терминологии, междотраслевые термины, общенаучные термины, официальные документы, специализированные термины

THE INVENTORY OF THE SPECIAL VOCABULARY FOUND IN OFFICIAL DOCUMENTS IN THE FIELD OF EUROPEAN LANGUAGE POLICY

Ye. Adamchuk*Yanka Kupala State University of Grodno
ulitsa Ozheshko 22, Grodno 230023, Republic of Belarus*

Abstract

Aim. To show the specifics of the special vocabulary inventory found in the official documents which reflect the main directions of the European language policy as an unformed subdomain

of sociolinguistic knowledge related to the language policy implemented at the supranational level.

Methodology. The main content of the study is identification of the special vocabulary inventory peculiarities from the corpus of official documentation texts. Analysis and generalization of scientific publications, elements of corpus technologies and terminology management are used as research methods.

Results. It has been proved that the official documents that contain elements of terminology can serve as a basis for the inventory of terminology of the fields of knowledge that have not been adequately reflected in scientific sources. The inventory of special vocabulary carried out with the help of terminological extractors Sketch Engine and AntConc and followed by subsequent manual processing allowed to identify the terminology of such subject areas reflecting the multidimensional nature of supranational European language policy as “Education”, “Migration”, “Information Technology”, “Economics and Business”, “Politics”, “Culture and Art”, “Sociolinguistics” alongside with general scientific terminology and interdisciplinary terminology.

Research implications. Theoretical significance of the study is in determining the specifics of the interdisciplinary fields of knowledge terminology inventory based on the use of the official documents corpus. The practical significance of the study lies in determining the share of terminology of an interdisciplinary field of knowledge in the total volume of extracted special nominations and in classification of special nominations thematically in order to identify aspects relevant to the language policy of supranational unions.

Keywords: European language policy, inventory of terminology, interdisciplinary terms, general scientific terms, official documents, specialised terms

Введение

Специальная лексика, как отмечает С. В. Гринев-Гриневич, – это «совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [3, с. 5].

Известно, что не существует общепринятого всеми исследователями определения термина, но в документах Международной организации по стандартизации (ISO) термин трактуется как обозначение, которое с помощью лингвистических средств представляет общее понятие¹.

Основными факторами, которые влияют на появление новых понятий, изменение объёма существующих понятий, а также на наличие нескольких терминов для номинации одного понятия, являют-

ся, во-первых, развитие научной мысли и возникновение новых отраслей знания; во-вторых, временной период появления номинации; в-третьих, различные цели и уровни восприятия и познания; в-четвёртых, отличия в номинировании понятий различными научными школами. Все перечисленные факторы диктуют необходимость упорядочения, или «приведения терминологии в известный специалистам порядок» [6, с. 9].

Исходным этапом упорядочения терминологии является инвентаризация, под которой традиционно понимают «сбор и описание всех терминов, принадлежащих выбранной предметной области (тематической области, области знания) или ее фрагменту» [3, с. 14].

С. В. Гринев-Гриневич полагает, что именно на этапе инвентаризации возможен максимальный охват «как можно большего числа разнообразных источников, отражающих все возможные аспекты функционирования специальной лексики» [3, с. 134] и её всестороннее описание.

В сложившейся практике инвентаризация терминологии рассматривается

¹ Terminology work and terminology science – Vocabulary [Электронный ресурс] // ISO 1087:2019(en) : [сайт]. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:1087:ed-2:v1:en:sec:3.4.2> (дата обращения: 20.12.2019).

применительно к определённой предметной области или подобласти знания, и для извлечения специальной лексики используют тексты, отражающие специфику предметно-ориентированных подязыков, ядро которых составляют языки для специальных целей, представленные, в основном, текстами научного стиля речи.

Цель данной статьи – показать специфику инвентаризации специальной лексики, представленной в официальных документах, отражающих основные направления европейской языковой политики как ещё не сформировавшейся подобласти социолингвистического знания, связанной с языковой политикой, осуществляемой на наднациональном (надгосударственном) уровне. В качестве методов исследования использованы анализ и обобщение научных публикаций, корпусные технологии и приёмы терминологического менеджмента.

Исследование осуществлялось в три этапа. На первом этапе был сформирован корпус текстов официальных документов. На втором этапе полученный корпус был обработан с помощью предварительно выбранных терминологических экстракторов с целью извлечения максимального количества потенциальных специальных номинаций. На третьем этапе полученные таким образом списки кандидатов в термины были систематизированы по следующим критериям: 1) структурный, согласно которому выделены однословные лексемы и многокомпонентные термины; 2) семантический, поскольку «сами термины выделяются из класса общих слов и словосочетаний прежде всего по семантическим основаниям» [11, с. 18]; 3) критерий синтагматической целостности, согласно которому многокомпонентные специальные номинации должны быть представлены моделями, для которых характерны виды связи элементов, соответствующие грамматическим особенностям языка целевой области; 4) критерий терминологичности.

Проблема выбора источников специальной лексики

Как утверждают С. В. Гринев-Гриневич и Э. А. Сорокина, «проблемы языковой политики и языкового строительства в настоящее время особенно актуальны в силу стремительного развития всех видов межгосударственных и внутригосударственных социальных отношений» [4, с. 21]. Отметим, что само понятие языковой политики принято трактовать как «не только действия государства (его законодательной, исполнительной и судебной властей в сферах языка и образования), но и деятельность иных акторов, вовлечённых в принятие решений и реализацию конкретных программ в ходе реформ языка и образования – т. н. символических элит, а также всех тех носителей конкретного языка, которые самостоятельно решают: поддерживать ли нововведения или сопротивляться им» [12, с. V].

Очевидно, что языковая политика как область знания характеризуется нечёткостью ролей различных акторов, а также отсутствием однозначного представления об их чётком взаимодействии в принятии решений. Вопросы, касающиеся языковой политики, рассматриваются в научных публикациях, как правило, на национальном уровне, и в современных социолингвистических исследованиях практически не представлены работы, в которых бы эти вопросы рассматривались на наднациональном (надгосударственном) уровне. В определённом смысле исключение составляет коллективная монография «Социолингвистическая типология», в которой предпринята попытка «отказаться ... от единиц политико-административного деления, и прежде всего от единицы “государство”» [1, с. 9]. Тем не менее, объектом исследования в данной монографии является не языковая политика, а типология коммуникативных сред, причём понятие коммуникативной среды, вводимое авторами, определяется ими «как исторически сло-

жившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» [1, с. 9].

На современном этапе развития наднациональных (надгосударственных) формирований только Европейский Союз, несмотря на отсутствие общей теории, которая могла бы быть применима к «различным языковым ситуациям и использована для руководства любыми языковыми действиями» [13, р. 65], продвинулся в подготовке документации, которая касается языковой политики. Следовательно, изучение такого рода документов, представленных на официальных сайтах данного наднационального формирования, представляется важным для исследования накопленного опыта, в т. ч. и для того, чтобы избежать ошибок при решении вопросов языковой политики в иных наднациональных (надгосударственных) формированиях, членами которых являются Республика Беларусь и Российская Федерация.

Известно, что разработка официальных документов ЕС, касающихся языковой политики, осуществлялась с привлечением широкого круга экспертов, специализирующихся в этой области знания. Более того, большинство таких документов снабжено терминофиксацией, т. е. содержит термины, сопровождаемые дефинициями соответствующих понятий. Всё вышеизложенное позволяет использовать данные документы для целей инвентаризации терминологии.

Как правило, терминология, представленная в текстах официально-деловых документов, разнообразна по понятийной отнесённости и функционалу, причём «комбинаторика различных номинаций тематической цепочки здесь отлична от научного текста. В последнем повторяющаяся базовая номинация последовательно чередуется с трансформами и субститутами, сохраняя роль основной

текстовой единицы. Официально-деловой текст тяготеет к единообразию, достигаемому за счёт многократного повторения основной номинации, в качестве которой может выступать трансформ» [9, с. 62].

Для инвентаризации терминологии европейской языковой политики был создан корпус на базе текстов 340 англоязычных официальных документов, отражающих различные аспекты языковой политики ЕС. Общий объём корпуса составил 3498502 словоупотребления без терминофиксирующих частей документов.

Проблема систематизации специальной лексики

Извлечение потенциальных терминов из корпуса осуществлялось с использованием терминологических экстракторов Sketch Engine и AntConc [2]. Сочетание возможностей двух экстракторов позволило получить 1795 однословных и 5743 многокомпонентных кандидатов в термины.

На следующем этапе исследования выделенные номинации были систематизированы с использованием четырёх критериев, обозначенных во введении к данной статье. В соответствии с семантическим критерием были выделены общенаучные, межотраслевые и узкоспециальные термины. Известно, что общенаучные термины «используются практически во всех областях научного знания» [11, с. 18]; межотраслевые термины выступают в качестве «интегрирующих средств областей теоретического знания» [там же]; отраслевая, узкоспециальная, терминология «содержательно и функционально характеризуется своей прикрепленностью к узкой сфере общения специалистов данной области науки или практики» [5, с. 53]. Среди выделенных экстракторами номинаций, помимо вышеуказанных классов терминов, есть и такие, которые находятся в «промежуточном состоянии» на пути от обще-

го слова к термину» [11, с. 28], а именно предтермины, или «специальные лексические единицы, обозначающие или выражающие, как и полноправные термины, специальные понятия, для которых еще не найден адекватный по семантике или форме термин» [11, с. 29], а также квазитермины, или «закрепившиеся в речи предтермины» [3, с. 30].

Все англоязычные специальные номинации, представленные ниже, сопровождаются семантизацией, под которой мы вслед за З. И. Комаровой понимаем «процесс и/или результат экспликации семантики терминологических единиц с помощью вербальных и невербальных средств» [7, с. 3]. При семантизации мы опирались на материалы таких изданий, как: «Справочник научных терминов и обозначений»¹, «Педагогический словарь»², «Словарь компьютерных терминов»³, «Словарь финансовых терминов и экономических понятий»⁴, словарь современных терминов и выражений «Политология»⁵, «Словарь социолингвистических терминов»⁶.

Рассмотрим состав каждой из групп специальных номинаций. Среди однословных специальных номинаций были выявлены: 1) общенаучные термины, например, *competence* 'компетенция', *knowl-*

edge 'знания', *research* 'исследование', *researcher* 'исследователь', *skills*⁷ 'навыки'; 2) межотраслевые термины, например, *awareness* 'осведомлённость', *consumers* 'потребители', *digitization* 'цифровизация', *mobility* 'мобильность', *staff* 'персонал', *technologies* 'технологии'.

Известно, что общенаучные и межотраслевые термины способны к конкретизации семантики, «входя в состав терминов отдельных областей» [8, с. 127], то есть они могут служить базой для образования многокомпонентных отраслевых терминов.

Среди однословных номинаций были также выявлены специальные термины различных областей знания: 1) «Образование», например, *classroom* 'класс', *education* 'образование', *learner* 'ученик', *pupils* 'ученики', *school* 'школа', *student* 'студент', *teacher* 'учитель'; 2) «Миграция», например, *immigrant* 'иммигрант', *migrant* 'мигрант', *migration* 'миграция', *minority* 'меньшинство', *refugees* 'беженцы'; 3) «Информационные технологии», например, *digital* 'цифровой', *digitization* 'оцифровка', *interfaces* 'интерфейсы', *programming* 'программирование', *software* 'программное обеспечение'; 4) «Экономика и бизнес», например, *auditors* 'аудиторы', *banks* 'банки', *budget* 'бюджет', *business* 'бизнес', *consumer* 'потребитель', *costs* 'затраты', *finance* 'финансы', *grant* 'грант', *loans* 'кредиты', *payment* 'оплата', *procurement* 'закупки', *profit* 'прибыль', *reinvestment* 'реинвестирование', *wholesale* 'оптовая торговля'; 5) «Политика», например, *elections* 'выборы', *justice* 'правосудие', *ministers* 'министры', *political* 'политический', *parliament* 'парламент', *segregation* 'сегрегация'; 6) «Культура и искусство», например, *artists* 'художники', *audiovisual* 'аудиовизуальный', *broadcaster* 'диктор', *cinema* 'кино', *creativity* 'творчество', *fiction* 'художественная литература', *heritage* 'наследие', *talent* 'талант' и 7) «Социолингвисти-

¹ Макаренко С. И. Справочник научных терминов и обозначений. СПб.: Наукоемкие технологии, 2019. 254 с.

² Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 176 с.

³ Словарь компьютерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://computer.slovaronline.com/> (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Словарь финансовых терминов и экономических понятий [Электронный ресурс] // Fingramota.org : [сайт]. URL: <http://www.fingramota.org/servisy/slovar> (дата обращения: 06.05.2022).

⁵ Мустафин А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012. 168 с.

⁶ Словарь социолингвистических терминов / сост. В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова, О. С. Парфенова, Ю. В. Трушкова. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

⁷ Номинации представлены в той (тех) грамматической(их) форме(ах), в которой(ых) они были получены в результате работы экстракторов.

ка», например, *bilingual* 'билингвальный', *bilingualism* 'билингвизм', *language* 'язык', *languages* 'языки', *monolingual* 'одноязычный', *multilingual* 'мультилингвальный', *multilingualism* 'мультилингвизм', *plurilingual* 'плюрилингвальный', *plurilingualism* 'плюрилингвизм', *translanguaging* 'транслингвизм'.

При ручном анализе многокомпонентных специальных номинаций были использованы критерии синтагматической целостности (*unithood*) и терминологичности (*termhood*). Критерий синтагматической целостности (*unithood*), или критерий степени устойчивости синтагматических сочетаний [14, p. 272] основан на стабильности, с которой слова связаны друг с другом, образуя лексическую единицу. Мария Тереза Пазинза (Maria Teresa Pazienza) выделяет две группы критериев, которые, с её точки зрения, позволяют определять степень прочности или стабильности синтагматических сочетаний: первый критерий заключается в использовании синтаксических знаний о включении слов-компонентов в потенциальные термины; второй критерий заключается в использовании статистических показателей для оценки встречаемости слов-компонентов [15, p. 49]. Согласно критерию синтагматической целостности, если определённая последовательность слов обладает достаточной словосочетательной силой для формирования стабильной лексической единицы, то данную единицу можно считать кандидатом в термины.

Для определения степени терминологичности выделенные многокомпонентные номинации были соотнесены с терминофиксирующими частями документов. Те из номинаций, которые совпадали с единицами, представленными в глоссариях, сопровождающих некоторые из официальных документов, были автоматически отнесены к терминам. Учитывались также и те специальные номинации, которые вошли в дефиниции, сопровождающие термины в глоссариях,

несмотря на то, что специалисты отмечают меньшую степень их терминологичности: «Любое слово или словосочетание обладает большей терминологичностью, чем все участвующие в его дефиниции слова и словосочетания» [10, с. 22]. Кроме того, учитывалась частотность употребления выделенных номинаций в корпусе (данная опция предоставляется инструментом корпусного запроса Sketch Engine).

Все термины, как утверждает Кара Уорбертон (Kara Warburton), обладают сильной синтагматической целостностью, но не все лексические единицы, обладающие сильной синтагматической целостностью, являются терминами из-за несоответствия семантическому критерию [16, p. 95]. Так, например, такие многокомпонентные номинации, как *different language* 'другой язык', *european language* 'европейский язык', *free language classes* 'бесплатные языковые курсы', *language teacher education programme* 'программа обучения учителей иностранных языков', *voluntary language* 'язык добровольного общения', обладают синтагматической целостностью, но слабой терминологичностью.

Многокомпонентные специальные номинации, содержащие причастия и предлоги, как например, *designing language training* 'планирование языковой подготовки', *maintaining language competence* 'поддержание языковой компетенции', *maintaining linguistic diversity* 'сохранение языкового разнообразия', *promoting immigrant participation* 'содействие участию иммигрантов', *same level of language competence* 'одинаковый уровень языковой компетенции', *understanding of language competence* 'понимание языковой компетенции', обладают слабой терминологичностью, что позволяет рассматривать их как предтермины. Применение критериев синтагматической целостности и терминологичности позволяет также отнести к предтерминам некоторые четырёхкомпонентные и пятикомпонентные специальные номинации, например:

annual crude net migration rate 'годовой коэффициент чистой миграции', *basic foreign language teaching methodology* 'основы методики преподавания иностранных языков', *compulsory foreign language learning* 'обязательное изучение иностранных языков', *developing mother tongue competences* 'развитие компетенций владения родным языком', *overall educational attainment rate* 'общий уровень образования'.

Многокомпонентные специальные номинации, обладающие сильной синтагматической целостностью и относительно сильной терминологичностью (либо содержатся в глоссариях, либо являются производными от таких терминов, либо входят в дефиницию терминов), представлены: 1) общенаучными терминами, как например, *competence development* 'развитие компетенции', *competence indicator* 'показатель компетенции', *competence gap* 'дефицит компетенций', *exclusive competence* 'исключительная компетенция', *indicative research* 'предварительное исследование', *innovative competence* 'инновационная компетенция'; 2) межотраслевыми терминами, как например, *authentic text* 'оригинальный текст', *increasing mobility* 'рост мобильности', *successful integration* 'успешная интеграция'.

Кроме того, было выделено 7 групп специальных терминов, которые соответствуют предметным областям, аналогичным группам однословных терминов. Приведём примеры: 1) «Образование» – *adult education* 'обучение взрослых', *civic education* 'гражданское воспитание', *formal education system* 'официальная система образования', *inclusive education* 'инклюзивное образование', *lifelong learning* 'обучение на протяжении всей жизни', *practical training* 'практическое обучение', *teacher mobility* 'мобильность учителей', *vocational education* 'профессиональное образование'; 2) «Миграция» – *credible immigration policy* 'надёжная иммиграционная политика', *EU-wide immigration* 'иммиграция в масштабах Евросоюза', *illegal migration* 'незаконная миграция', *immigrant*

background 'иммигрантская среда', *host country* 'принимающая страна', *migrant background* 'происхождение мигрантов'; 3) «Информационные технологии» – *digital competence* 'цифровая компетентность', *digital content* 'цифровой контент', *digital environment* 'цифровая среда', *digital shift* 'цифровой переход', *electronic content* 'электронная информация', *technology gap* 'технологическое отставание'; 4) «Экономика и бизнес» – *average inflation* 'средний уровень инфляции', *economic integration* 'экономическая интеграция', *European funding* 'европейское финансирование', *high unemployment* 'высокий уровень безработицы', *limited budget* 'ограниченный бюджет', *market analysis* 'анализ рынка', *market attraction* 'рыночная привлекательность', *preponderant financial sector* 'преобладающий финансовый сектор', *shared management* 'совместное управление', *specific economic structure* 'специфическая экономическая структура'; 5) «Политика» – *foreign policy cooperation* 'содействие сотрудничеству в области политики', *important political priority* 'важный политический приоритет', *political decision-making* 'принятие политических решений', *political climate* 'политический климат', *public-policy formation* 'формирование государственной политики'; 6) «Культура и искусство» – *artistic value* 'художественная ценность', *audiovisual sector* 'аудиовизуальный сектор', *cultural domain* 'область культуры', *cultural sector* 'сфера культуры', *(European) multimedia industry* '(европейская) мультимедийная индустрия', *television broadcaster* 'телевизионная компания'; 7) «Социолингвистика» – *academic language* 'академический язык', *dominant language* 'доминантный язык', *foreign language* 'иностранннй язык', *foreign language knowledge* 'знание иностранного языка', *multilingual environment* 'многоязычная среда', *professional sign language* 'профессиональный язык жестов', *sign language* 'язык жестов', *state language* 'государственный язык', *written foreign language* 'письменный иностранннй язык'.

Заключение

Исследование, проведённое на базе корпуса текстов англоязычных официальных документов, отражающих различные аспекты языковой политики ЕС, позволило установить, что официальные документы, снабжённые элементами терминофиксации, могут служить базой для инвентаризации и систематизации терминологии формирующихся областей знания, не нашедших адекватного отражения в научных источниках. Термины, которые содержатся в глоссариях, сопровождающих официальные документы, и касаются вопросов наднациональной языковой политики, можно рассматривать как базовые термины данной области знания, обладающие уже устоявшейся понятийной соотнесённостью.

Инвентаризация терминологии, осуществлённая с использованием экстракторов Sketch Engine и AntConc с последующей ручной обработкой, позволила выявить специальные номинации раз-

личной структуры и степени терминологичности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что узкоспециальная терминология в 1,9 раза превышает количество общенаучных и междотраслевых терминов.

Анализ дефиниций номинированных терминами понятий позволил соотнести их с такими предметными областями, как «Образование», «Миграция», «Информационные технологии», «Экономика и бизнес», «Политика», «Культура и искусство», «Социолингвистика», что, во-первых, может служить свидетельством многоаспектности наднациональной языковой политики как ещё не сформировавшейся подобласти социолингвистического знания, а во-вторых, позволяет предположить, какие именно направления языковой политики, осуществляемой на наднациональном (надгосударственном) уровне, являются релевантными.

Дата поступления в редакцию 11.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхоновский В. Я. Социолингвистическая типология. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 136 с.
2. Гацук Е. Ю. Выбор терминологических экстракторов для выявления номинаций понятий языковой политики в текстах официальных документов Европейского Союза // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 4. С. 60–80. DOI: 10.18721/JHSS.12405.
3. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
4. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28.
5. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
6. Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 7–16.
7. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 155 с.
8. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
9. Матвеева Т. Г. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
10. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 280 с.
11. Шелов С. Д., Лейчик В. М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 96 с.
12. Языковая политика, конфликты и согласие / под ред. С. В. Соколовского, Е. И. Филипповой; Российская Академия наук Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: ИЭА РАН, 2018. 334 с.

13. Amorós-Negre C. Different paradigms in the history of Spanish language policy and planning // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38. Iss. 1. P. 65–78. DOI: 10.1080/01434632.2016.1165232.
14. Kageura K., Umino B. Methods of Automatic Term Recognition: a Review // *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*. 1996. Vol. 3. Iss. 2. P. 259–289. DOI: 10.1075/term.3.2.03kag.
15. Pazienza M. T. *Information Extraction in the Web Era: Natural Language Communication for Knowledge Acquisition and Intelligent Information Agents*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2003. 162 p.
16. Warburton K. *The Corporate Terminologist*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2021. 249 p.

REFERENCES

1. Vinogradov V. A., Koval A. I., Porkhomovskiy V. Ya. *Sotsiolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic typology]. Moscow, LKI Publ., 2008. 136 p.
2. Hatsuk E. Yu. [Selection of term extractors to identify nominations of language policy concepts in the texts of official documents of the European Union]. In: *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovaniye* [Society. Communication. Education], 2021, vol. 12, no. 4, pp. 60–80. DOI: 10.18721/JHSS.12405.
3. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.
4. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Perspective directions of terminological research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 5, pp. 18–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-18-28.
5. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: experience of linguistic description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 246 p.
6. Danilenko V. P., Skvortsov L. I. [Linguistic problems of streamlining scientific and technical terminology]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1981, no. 1, pp. 7–16.
7. Komarova Z. I. *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i yeye leksikograficheskoye opisaniye* [Semantic structure of a special word and its lexicographic description]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1991. 155 p.
8. Leychik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, LKI Publ., 2007. 256 p.
9. Matveyeva T. G. *Funktsional'nyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional styles in terms of text categories: Synchronous and comparative essay]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1990. 172 p.
10. Shelov S. D. *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskiye opredeleniya* [Term. Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2003. 280 p.
11. Shelov S. D., Leychik V. M. *Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funktsii* [Terminology and professional vocabulary: composition and functions]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2012. 96 p.
12. Sokolovskiy S. V., Filippova E. I., eds. *Yazykovaya politika, konflikty i soglasiye* [Language policy, conflicts and consent]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2018. 334 p.
13. Amorós-Negre C. Different paradigms in the history of Spanish language policy and planning. In: *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2017, vol. 38, iss. 1, pp. 65–78. DOI: 10.1080/01434632.2016.1165232.
14. Kageura K., Umino B. Methods of Automatic Term Recognition: a Review. In: *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 1996, vol. 3, iss. 2, pp. 259–289. DOI: 10.1075/term.3.2.03kag.
15. Pazienza M. T. *Information Extraction in the Web Era: Natural Language Communication for Knowledge Acquisition and Intelligent Information Agents*. Berlin, Springer Berlin Heidelberg, 2003. 162 p.
16. Warburton K. *The Corporate Terminologist*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2021. 249 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамчук Екатерина Юрьевна – преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;
e-mail: gacuk_ej@grsu.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yekaterina Yu. Adamchuk – Lecturer, Department of Translation and Intercultural Communication, Yanka Kupala State University of Grodno;
e-mail: gacuk_ej@grsu.by

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Адамчук Е. Ю. Инвентаризация специальной лексики, представленной в официальных документах сферы европейской языковой политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 31–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-31-40

FOR CITATION

Adamchuk Ye. Yu. The inventory of the special vocabulary found in official documents in the field of European language policy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 31–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-31-40

УДК 81'276.6:656.6

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-41-53

КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОМИНАЦИЙ ТИПОВ СУДОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Епифанцева Н. Г.¹, Яковлева П. П.^{1, 2}

¹ Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ отобранного языкового материала по номинации различных типов судов на материале английского, французского и русского языков. Выявление структурных сходств и различий терминсистем в сфере навигации в сопоставлении лингвопространств трёх анализируемых языков.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались: метод сплошной выборки (были отобраны более 100 основных типов и наименований кораблей, судов и лодок), метод лингвистического анализа и классификации по функционально-семантическому принципу, типологический метод членения языкового материала с целью выявления закономерностей, сравнительно исторический метод. Также был применён описательный метод в контексте формирования навигационной терминсистемы.

Результаты. В результате исследования справочников и словарей на русском, английском и французском языках были отобраны и классифицированы основные типы плавсредств; выявлены общие черты и различия взаимодействия терминсистем водного транспорта анализируемых языков; в лингвокультурном аспекте продемонстрирована национальная специфика языка судоходства; составлена по функционально-семантическому принципу сравнительная таблица терминологических единиц на трёх языках с указанием их употребления и значения.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что в результате классификационного анализа было представлено теоретическое обоснование, тенденции формирования навигационной терминологии, что дополняет теорию языка в области лексикологии. Выявление национально-языковых особенностей морской терминологии в рамках трёх языков – английского, французского и русского – и возможных путей создания единой международной классификации типов судов значимо для теории и практики языка. Фактический материал полезен в обучении иностранному языку морских специальностей, особенно в специализированном неязыковом вузе.

Ключевые слова: классификация, функционально-семантический анализ, лодка, корабль, плавсредство, судно, тип судна

CLASSIFICATION CHARACTERISTICS OF THE NOMINATIONS OF TYPES OF VESSELS BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN

N. Epifantseva¹, P. Yakovleva^{1, 2}

¹ State University of Education

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Russian University of Transport (MIIT)

ulitsa Obratsova 9 build. 9, Moscow 127994, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the selected language material for the nomination of various types of vessels based on the material of English, French and Russian. To identify structural similarities and differences of terminological systems in the field of navigation by comparing the linguistic space of the three analyzed languages.

Methodology. In the course of the study, the following methods were used: the continuous sampling method (more than 100 main types and names of ships, vessels and boats were selected), the method of linguistic analysis and classification according to the functional-semantic principle, the typological method of diving the language material to reveal patterns, and the comparative-historical method. The descriptive method was also applied in the context of the navigation term system formation.

Results. As a result of studying the reference books and dictionaries in Russian, English and French, the main types of watercraft were selected and classified; common features and differences in the interaction of the terminological systems of water transport of the languages being analyzed were identified; the national specifics of the language of navigation were demonstrated in the linguistic and cultural aspect; a comparative table of terminological units in three languages was compiled according to the functional and semantic principle, indicating their use and meanings.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the fact that as a result of the classification analysis, results were obtained on theoretical justification of the trends in the formation of navigation terminology, which complements the theory of language in the field of lexicology. The identification of national-linguistic features of marine terminology within the framework of 3 languages – English, French and Russian – and possible ways to create a unified international classification of ship types is significant for the theory and practice of the language. The factual material is useful in teaching a foreign language to marine specialties, especially in a specialized non-linguistic university.

Keywords: classification, functional and semantic analysis, boat, ship, watercraft, vessel, type of vessel

Введение

Целью данной работы является создание общей классификации и типологии судов в рамках международных определений. Задачи исследования включают в себя сбор и анализ языкового материала, проработку неоднозначных аспектов и особенностей классифицирования типов судов, обзор перспектив развития водного транспорта. Теоретический интерес к данной классификации является основой для развития гипотез, теоретического обоснования спорных моментов, определения признаков типологии судов для

дальнейших научных и практических исследований.

Актуальность темы исследования статьи обусловлена значимостью водного транспорта в жизнедеятельности человека, объемом грузовых и пассажирских перевозок, который продолжает ежегодно увеличиваться, что является мотивационным фактором для дальнейших лингвистических исследований темы. В Великобритании, например, около 95% тоннажа внешней торговли приходится на морской транспорт. Естественно, что в исторически обусловленном контексте

английский язык стал официальным рабочим языком в море, а штаб-квартира Международной морской организации, или ИМО (ИМО – International Maritime Organization) располагается в Лондоне. Во Франции на морской транспорт также приходится значительная доля импорта и экспорта страны – 72%. Кроме того, «в эпоху глобализации ... французский язык упрочил свое положение и наряду с английским выступает как рабочий инструмент ряда международных институтов» [5]. В РФ доля морского и речного грузооборота составляет 16% и пассажирского – 23,2% из-за короткого навигационного периода, но тем не менее продолжает расти. Следует отметить наличие в российском торговом флоте атомоходов, а также уникальный проект с использованием атомной энергии – «Круглогодичный Севморпуть», вошедший в стратегию социально-экономического развития России.

Чарльз Норчи и Аманда Линч в своей работе об арктической навигации подчёркивают проблематику полярной безопасности: охрана моря, судоходство и энергетика, права коренных народов, туризм, охрана морской среды [11]. Понимание и исследование лингвистических особенностей сферы водной навигации (мореплавания и неразрывно связанной с ним речной навигации) в трёх странах (Великобритании, Франции и России) в контексте торговых отношений, военных союзов и противостояний, технологических витков развития, представляется важным и актуальным в условиях межкультурной коммуникации. Ведь «главным средством общения людей и культур, безусловно, является язык, который хранит культурно-исторические ценности того или иного народа» [6]. Знание лингвокультурных особенностей в сфере водной навигации важно при работе смешанных экипажей на борту судна, при высадке в международных портах, в условиях рабочих и экстренных ситуаций в море. В рамках исследования многонаци-

ональных экипажей Хелен Сампсон и соавторы резюмируют, что моряки вырабатывают ряд стратегий, оптимизирующих их работу, переговоры и сосуществование в целом в мультикультурном сообществе [9]. Считаем, что ряд вопросов, принципов и оснований классификации типов судов в контексте языковых и лингвистических особенностей мореходства и речной навигации требуют рассмотрения, что также свидетельствует о значимости и актуальности исследования.

Классификационный анализ типов судов

В настоящее время единая чёткая международная классификация судов ещё не выработана, в то же время выделяются основные параметры изучения номинаций судов: по самоходности, по типу двигателя, по назначению и по положению к воде, по автономности навигации. Эти основные параметры отражают общую картину всех известных исторических и современных судов. Специалисты также выделяют в качестве критериев классификации район плавания, тип главного двигателя, материал корпуса, водоизмещение, тоннаж и др. [4, с. 6; 7; 10]¹. Понятие «класса Регистров» в разных странах связано с возрастом судна, датой и местом его постройки, состоянием корпуса и снаряжением, сведениями о владельце и капитане, тоннаже, числе пушек и т. д. [4, с. 16]. В рамках концепции семантического поля Козловская О. Г., например, распределяет конститuentы лексико-семантических полей морской терминологии

¹ Также см.: Российский морской регистр судоходства: Правила классификации и постройки морских судов. Часть I. Классификация [Электронный ресурс]. URL: <https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?type=rules3&d=603BE8D9-ED44-44BD-8796-D2B8159F8CB3&f=2-020101-174-1> (дата обращения: 10.01.2023). Далее – Правила классификации и постройки морских судов. Часть I. Классификация; List of boats, ships, and submarines [Электронный ресурс] // Britannica: [сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/list-of-boats-ships-and-submarines-2075393> (дата обращения: 10.01.2023).

гии по зонам периферии на основании критериев частотности употребления, совпадения основных признаков семантики слова, семантического объёма, их продуктивности и количества конкретизаторов в дефиниции анализируемой лексемы [7, с. 126–140]. В результате предлагается принцип классификации, подразделяющей периферийные области исследуемого поля на микрополя, которые, в свою очередь, подразумевают деление на сектора. Горбань Л. В. рассматривает становление и закономерности развития военно-морской лексики как подсистемы русского национального языка. [2] Остро стоит вопрос о признании некоторых плавсредств в статусе судов на уровне морского права. В противном случае суды обращаются к гражданскому праву. Маянк Сури, рассматривая судебные дела о случаях столкновений в море, приходит к выводу, что не существует единого международного определения «судна», что крайне осложняет международные разбирательства с экранопланами, судами на воздушной подушке, гидроциклами и рядом беспилотных аппаратов [12].

В результате анализа участвующие в номинации и дефиниции различных типы судов выделены в особую группу рядов гиперонимов: 1) плавсредство – *watercraft* (*craft*)¹; 2) судно – *vessel* – *vaisseau* (*m*)²; 3) корабль – *ship* – *navire* (*m*), *bâtiment* (*m*)³

¹ См.: *Watercraft* // Новый большой англо-русский словарь: в 3 томах / под общим рук-вом ак. Ю. Д. Апресяна и д. филол. н., проф. Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 2003. Т. 3. С. 694. Далее – Новый большой англо-русский словарь.

² См.: *Vessel* // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 662; *Vaisseau* [Электронный ресурс] // Larousse: [сайт]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/vaisseau/79993> (дата обращения: 10.01.2023). Далее – Larousse (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

³ См.: *Ship* [Электронный ресурс] // Cambridge English-Russian Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/ship> (дата обращения: 10.01.2023). Далее – Cambridge English-Russian Dictionary (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу); *Ship* [Электронный ресурс] // Cambridge English-French Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

4) лодка – *boat* – *bateau* (*m*)⁴. Данные эквиваленты не являются абсолютно равнозначными. Французское слово *vaisseau* определяется как *littéraire* и *vieilli* в словарях Larousse и LeRobert⁵ соответственно, также практически не употребляется, за исключением некоторых устойчивых выражений. Понятие «корабль» в современном русском языке означает преимущественно военное судно⁶, тогда как само слово «судно» обладает свойством генерализации. Особый ряд составляют устойчивые сочетания «канонерская лодка» и «подводная лодка», которые используются для военных целей. Принципиальной разницы между английскими *ship* и *vessel* не наблюдается. Понятие *vessel*, определяемое Оксфордским словарём как *formal*⁷, возможно, представляет собой судно более крупного водоизмещения и подразумевает то, что в нём что-то содержится и перевозится, в то время как *ship* предполагает форму транспортировки. Для большинства грузовых кораблей в английском языке используется термин *carrier* (перевозчик). Так же в англий-

[dictionary/english-french/ship](https://dictionary.english-french/ship) (дата обращения: 10.01.2023). Далее – Cambridge English-French Dictionary (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

⁴ См.: *Boat* // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/boat>; *Boat* // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/boat>.

⁵ См.: *Vaisseau* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vaisseau/80940>; *Vaisseau* [Электронный ресурс] // Dico En Ligne Le Robert: [сайт]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/vaisseau> (дата обращения: 09.01.2023). Далее – Le Robert (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

⁶ См.: Корабль // Самойлов К. И. Морской словарь. М.-Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-morskoy-dict.slovaronline.com/5142-КОРАБЛЬ> (дата обращения: 09.01.2023).

⁷ См.: *Vessel* [Электронный ресурс] // Oxford Learners' Dictionaries: [сайт]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/vessel?q=vessel> (дата обращения: 09.01.2023). Далее – Oxford Learners' Dictionaries (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

ском встречается составная часть – *man*: *merchantman*¹, *man-of-war*².

Аналогично во французском существует англицизм *cargo* (m)³, но редко используется в связи с языковой политикой. Понятия *navire* и *bâtiment* даются словарями как синонимы, используются в качестве взаимозаменяемого компонента⁴. Например, *navire de guerre* и *bâtiment de guerre* (военный корабль)⁵, *navire de charge* и *bâtiment de charge* (грузовое судно)⁶. Вариант *navire* отличается частотностью употребления в процессе номинации и словарных трактовок. Синонимично с ними крайне редко можно встретить вариант *vedette* (f)⁷: *vedette de sauvetage* (спасательное судно), *vedette de croisière* (круизный лайнер), *vedette lance-missiles* (ракетный крейсер). Наряду с французским словом *bateau* (m) используются варианты *canot* (m) (*embarcation non pontée marchant généralement à la rames*⁸ – небольшое палубное судно, обычно идущее на вёслах) и *embarcation* (f) (*tout bateau de taille modeste à voile, à anvrons ou à moteur*⁹ – любое парусное,

гребное или моторное судно небольшого размера). Последнее из них практически не участвует в номинации типов, а используется исключительно для дефиниций. *Canot* (m) используется также крайне редко: *canot* (m) *de pêche ou de promenade*, *canot* (m) *de sauvetage*¹⁰.

Следует отметить, что термины (в нашем исследовании составляющие терминосистемы «типы судов») свойственны различным стилям языка: разговорному, научному, официально-деловому, художественному и публицистическому, в зависимости от формы и специфичности самого термина. В отношении французского языка, например, Сосунова Г. А. отмечает, что «терминология является доминирующим отличительным признаком текстов корпоративных изданий таможенной тематики» (что так же непосредственно связано с водным транспортом и грузоперевозками) [8].

Среди основных классификационных оснований выделяются следующие.

I. Самоходность

Суда бывают самоходные и несамоходные. К несамоходным относятся: баржа – *barge* – *barge* (f)¹¹, лихтер – *lighter* – *allège* (f)¹², паром – *ferry* – *navire / pont transbordeur* (m)¹³, плот – *raft* – *radeau* (m)¹⁴,

¹ См.: *Merchantman* // Oxford Learners' Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/merchantman?q=merchantman>.

² См.: *Man-of-war* // Oxford Learners' Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/man-of-war?q=man-of-war>.

³ См.: *Cargo* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cargo/13287>.

⁴ См.: *Navire* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/navire/53949>.

⁵ См. на сайте Министерства обороны Франции: *Liste des navires de guerre* [Электронный ресурс] // Ministère des Armées : [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/marine/liste-navires-guerre>; *Bâtiment* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/bâtiment/8375#168589>.

⁶ См.: *Navire de charge* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/charge/14743#152382>; *Bâtiment de charge* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/bâtiment/8375#168588>.

⁷ См.: *Vedette* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vedette/81242#176757>.

⁸ См.: *Canot* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/canot/12779>.

⁹ См.: *Embarcation* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/embarcation/28528>.

¹⁰ См.: *Canot* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/canot/12779>.

¹¹ См.: *Barge* // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/barge>; *Barge* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/barge/8024>.

¹² См.: *Лихтер* // Большой русско-английский словарь под общим руководством проф. А. И. Смирницкого. М.: Русский язык, 2003. С. 273 (далее – *Большой русско-английский словарь*); *Allège* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/allège/2328>.

¹³ См.: *Ferry* // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/ferry>; *Ferry-boat* // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ferry-boat/33391>.

¹⁴ См.: *Raft* // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/raft>; *Raft* // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/raft>.

понтон – pontoon – ponton (m)¹, плашкоут – scow – gabare (f)². К самоходным судам относят все остальные. Подобное деление условно, поскольку многие современные несамоходные плавсредства могут быть оснащены двигателем.

II. Тип движителя: шест, ласт, парус, весло или гребной винт (или гребное колесо), который приводится в движение разновидностью двигателя – мотора или судовой энергетической установки.

1. Парусные: парусная лодка / парусное судно – sailing boat / sailing vessel / ship – bateau à voiles / navire (m) à voiles, voilier (m)³. Традиционно парусные суда классифицировались по количеству мачт, что являлось показателем технических, боевых и мореходных свойств. Хотя и количество мачт являлось приблизительным. Например, каравеллой считается двух- или трёхмачтовое судно, шхуна содержала «не менее двух» мачт.

– Одномачтовые: канонерская лодка – gunboat – canonnier⁴, куттер – cutter – cotre (m)⁵, военный шлюп – sloop-of-war – sloop (de guerre) (m)⁶.

– Двухмачтовые: йол – yawl – yawl (m)⁷, шхуна – schooner – goélette (f)⁸, бригантина – brigantine – brigantin (m)⁹, бриг – brig – brick (m)¹⁰.

– Трёхмачтовые: каравелла – caravel – caravelle (f)¹¹, барк – barque – barque (f)¹², фрегат – frigate – frégate (f)¹³, корвет – corvette – corvette (f)¹⁴, галеон – galleon – galion (m)¹⁵, клиппер – clipper – clippeur (m)¹⁶.

– Четырёхмачтовые и более: виндjammer – windjammer¹⁷, четырёхмачтовый барк – 4-masted barque – barque à 4 mâts, пятимачтовый барк – 5-masted barque – barque à 5 mâts.

2. Гребные (т. е. вёсельные): гребное судно (лодка) – rowing boat / rowboat –

¹ См.: Pontoon // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 732; Pontoon // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/pontoon>.

² См.: Scow // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 163; Плашкоут [Электронный ресурс] // Словарь Glosbe : [сайт]. URL: <https://ru.glosbe.com/ru/fr/плашкоут> (дата обращения: 16.01.2023).

³ См.: Sailing boat [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary : [сайт]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sailing-boat>; Voilier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/voilier/82387>.

⁴ См.: Gunboat // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/gunboat>; Gunboat // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/gunboat>.

⁵ См.: Cutter // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 502; Cotre // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cotre/19654>.

⁶ См.: Sloop-of-war // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 275; Sloop // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/sloop/72231>.

⁷ См.: Yawl // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 751; Yawl // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/yawl/82961>.

⁸ См.: Schooner // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 158; Goélette // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/goélette/37408>.

⁹ См.: Brigantine // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 278; Brigantin // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/brigantin/11166>.

¹⁰ См.: Brig // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 278; Brick // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/brick/11130>.

¹¹ См.: Caravel // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 320; Caravelle // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/caravelle/13113>.

¹² См.: barque // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 193; barque // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/barque/8090>.

¹³ См.: frigate // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 820; frégate // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/frégate/35153>.

¹⁴ См.: corvette // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 463; corvette // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/corvette/19405>.

¹⁵ См.: galleon // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 8; galion // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/galion/1008148>.

¹⁶ См.: clipper // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 391; clippeur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/clipper/16578>.

¹⁷ См.: Виндjammer [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/488423> (дата обращения: 09.01.2023). Далее – Академик словарь (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

canot (m) à rames¹, галера – galley – galère (f)², гондоло – gondola – gondole (f)³, байдарка – Aleutian kayak – kayak aléoute (m)⁴.

3. Моторные (т. е. винтовые): моторная лодка – motor boat⁵ – bateau (m) à motor⁶, теплоход – motor ship / vessel – bâtiment (m) motorisé⁷, пароход – steam ship – vapeur (f)⁸, атомоход – atomic-powered vessel – navire (m) atomique / navire (m) à propulsion nucléaire⁹.

4. Смешанные:

– парусно-гребные: шебека – chebec – chebec (m)¹⁰, галиот – galiot – galiote (f)¹¹;

– парусно-моторные: яхта – yacht – yacht (m)¹², баркас – launch – barcas (f)¹³;

– моторно-гребные

III. Назначение

1. Военные корабли: военный корабль – naval ship – navire (m) militaire¹⁴, броненосец – ironclad ship – navire (m) cuirassé¹⁵, авианосец – aircraft carrier – port-avions (m)¹⁶, линкор – battleship – cuirassé (m)¹⁷, эсминец – destroyer – contre-torpilleur (m), destroyer (m)¹⁸.

В противоположность им все остальные суда считаются гражданскими – civilian vessel – navire (m) civile¹⁹.

2. Пассажирские суда – passenger ship – navire (m) à passagers²⁰: круизный лайнер – cruise liner / ship – vedette (f)

¹ См.: rowing boat // Cambridge English-Russian Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/rowing-boat?q=rowboat>; canot à rames [Электронный ресурс] // Bab.la: [сайт]. URL: <https://en.bab.la/dictionary/french-english/canot-à-rames> (дата обращения: 09.01.2023).

² См.: galley // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 8; galère // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/galère/35839>.

³ См.: gondola // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 53; gondole // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/gondole/37432>.

⁴ См.: Aleutian kayak // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 293; kayak // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/kayak/45337>.

⁵ См.: motor boat // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 477.

⁶ См.: motorboat // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/motorboat>.

⁷ См.: теплоход // Большой русско-английский словарь. С. 633; Bâtiment motorisé // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/bâtiment/8375#168592>.

⁸ См.: пароход // Большой русско-английский словарь. С. 405; vapeur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/vapeur/80131>.

⁹ См.: Атомоход // Большой русско-английский словарь. С. 35; АТОМОХОД перевод на французский язык. Большой русско-французский словарь [Электронный ресурс] // Classes.ru : [сайт]. URL: <https://classes.ru/all-french/dictionary-russian-french-universal-term-1141.htm> (дата обращения: 16.01.2023). Далее – Большой русско-французский словарь (с указанием ссылки на конкретную интернет-страницу).

¹⁰ См.: chebec // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 748; chebec // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/chebec/15033>.

¹¹ См.: galiot // Новый большой англо-русский сло-

варь. Т. 2. С. 8; galiote // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/galiote/35905>.

¹² См.: yacht // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/yacht>; yacht // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/yacht>.

¹³ См.: launch // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 328; barcas // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/barcas/7998>.

¹⁴ См.: naval ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 500.

¹⁵ См.: броненосец // Большой русско-английский словарь. С. 58; БРОНЕНОСЕЦ // Большой русско-французский словарь. URL: https://classes.ru/all-french/dictionary-russian-french-universal-term-3577.htm#БРОНЕНОСЕЦ_перевод_французский.

¹⁶ См.: авианосец // Большой русско-английский словарь. С. 26; АВИАНОСЕЦ // Большой русско-французский словарь. URL: <https://classes.ru/all-french/dictionary-russian-french-universal-term-110.htm>.

¹⁷ См.: battleship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 200; cuirassé // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/battleship>.

¹⁸ См.: destroyer // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/destroyer>; Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/contre-torpilleur/18900>.

¹⁹ См.: navire civil [Электронный ресурс] // Linguee: [сайт]. URL: <https://www.linguee.com/french-english/translation/navire+civil.html> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁰ См.: passenger ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 638; Navire à passagers // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/passager/58452#158355>.

de croisière¹, океанский лайнер – oceanic liner – paquebot (m)².

3. Грузовые суда – cargo ship – navire (m) de charge³. Эквивалентным считается понятие «торговое судно» – merchant ship – navire (m) de commerce (marchand)⁴, которое предназначено для перевозки грузов и пассажиров по найму.

– сухогрузные суда – dry cargo ship⁵: навалочник – bulk carrier (bulker) – vraquier (m)⁶, контейнерное судно – container vessel / ship – porte-conteneur (m)⁷, ролкер – ro-ro vessel / ship – roulier (m)⁸;

– танкеры (наливное судно) – tanker (liquid cargo ship) – navire (m) citerne⁹: нефтяной танкер – oil tanker – pétrolier (m)¹⁰;

– смешанного типа (или комбинированные суда); в условиях технологического прогресса судостроительной области и борьбы за грузопотоки комбинированные суда получают дополнительный стимул развития, Гуляев И. А. и Роннов Е. П. в своей статье приводят анализ современной классификации комбинированных судов неограниченного плавания в рамках Регистров [3];

– специализированные – specialised cargo vessel – navire (m) d'assistance: лихтеровоз – lighter aboard ship – porte-barge (m)¹¹, каботажное судно – coaster / coastal trading vessel – caboteur (m)¹², рабовладельческий корабль – slave ship – navire (m) négrier¹³. Некоторые классификации относят к специализированным грузовым судам и пассажирские.

4. Грузопассажирские.

5. Спортивные: скиф – skiff – skiff (m) (voilier)¹⁴, рафт – raft – raft (m)¹⁵, гоночная

¹ См.: cruise ship // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/cruise-ship>; Vedette de croisière // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vedette/81242#176758>.

² См.: океанский лайнер // Большой русско-английский словарь. С. 371; Bâtiment, navire marchand // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/marchand/49374#173803>.

³ См.: cargo ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 323; Navire de charge // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/charge/14743#152382>.

⁴ См.: merchant ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 438; navire marchand // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/marchand/49374#173803>.

⁵ Rules for the Classification and Construction of Sea-Going Ships. Part I. Classification [Электронный ресурс]. URL: <https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?type=rules3&d=C17212D4-FFEC-4827-AF08-55E46C359F33&f=2-020101-174-1> (дата обращения: 10.01.2023). Далее – Rules for the Classification and Construction of Sea-Going Ships. Part I. Classification; Правила классификации и постройки морских судов. Часть I. Классификация.

⁶ См.: bulk carrier // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 289; vraquier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/vraquier/1015228>.

⁷ См.: container vessel // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 445; porte-conteneur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/porte-conteneurs/1012259>.

⁸ См.: ro-ro ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 109; roulier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/roulier/69303>.

⁹ См.: tanker // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/tanker>; navire-citerne // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/navire-citerne/53597>.

¹⁰ См.: oil tanker // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 450; pétrolier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/petrolier/59646>.

¹¹ См.: лихтеровоз (перевод: с русского на английский) [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://translate.academic.ru/лихтеровоз/ru/en/>; porte-barge // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/porte-barge/1012257>.

¹² См.: coaster // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 399; caboteur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/caboteur/11753> (дата обращения: 16.01.2023).

¹³ См.: navire négrier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/negrier/53733> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁴ См.: skiff // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/skiff/72192> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁵ См.: Рафт (энциклопедическая справка) [Электронный ресурс] // UREX – Урал-Экспедиция: [сайт]. URL: <https://www.urex.ru/help/rafty12345/rafty123456/> (дата обращения: 16.01.2023); raft //

яхта – racing yacht – racer (m)¹, и многие другие. Следует отметить классификацию спортивных судов по назначению, по району плавания и по основному двигателю, которая была принята Государственным комитетом РФ по физической культуре и спорту.

6. Промысловые: рыболовное судно – fishing vessel – navire / marine (f) de pêche², сейнер – seiner – senneur (m)³, траулер – fishing trawler – chalutier (m)⁴, китобойное судно – whaler – baleinier (m)⁵, судно для ловли сельди – herringer / herring boat – harenguier (m)⁶, судно для ловли тунца – tuna boat – thonier (m)⁷, рыбоконсервная плавучая база – factory ship – navire-usine (m)⁸. Последнее можно частично отнести к грузовым и торговым судам.

7. Прогулочные: маломерное судно – small craft⁹, прогулочное судно – pleasure

craft – bateau (m) de plaisance¹⁰, яхта – yacht – yacht (m)¹¹. В разных странах технические критерии маломерного судна отличаются.

8. Суда специального назначения – special purposeship – navire (m) de services¹²; буксир – tug / tugboat – remorqueur (m)¹³, ледокол – icebreaker – brise-glace (m)¹⁴, спасательное судно – salvage / wrecking tug – vedette (f) de sauvetage¹⁵, спасательная шлюпка – lifeboat – canot (m) de sauvetage¹⁶, пожарное судно – fireboat – bateau-pompe (m)¹⁷, научно-исследовательское судно (НИС) – research vessel – navire (m) d'exploration¹⁸, плавучий маяк – light ves-

Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/raft/66198>.

¹ См.: racer // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/racer/65159>.

² См.: fishing vessel // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 662; Marine de pêche // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/marine/49491#181312>.

³ См.: seiner // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 185; senneur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/senneur/72080>.

⁴ См.: fishing trawler // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 557; chalutier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/chalutier/14371>.

⁵ См.: whaler // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 708; baleinier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/baleinier/7600>.

⁶ См.: herringer // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 142; harenguier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/harenguier/1008621>.

⁷ См.: thonier // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/thonier/77001>.

⁸ См.: factory ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 1. С. 728; navire-usine // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/navire-usine/53601>.

⁹ См.: маломерное судно (перевод: с русского на английский) [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://translate.academic.ru/маломерное%20судно/ru/en/>.

¹⁰ См.: pleasure craft // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 713; bateau de plaisance // Cambridge English-French Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/french-english/bateau-de-plaisance>.

¹¹ См.: yacht // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/yacht/81947>.

¹² См.: Правила классификации и постройки морских судов. Часть I. Классификация; Rules for the Classification and Construction of Sea-Going Ships. Part I. Classification; Navire de services – Définition [Электронный ресурс] // Techno-science.net : [сайт]. URL: <https://www.techno-science.net/definition/14232.html> (дата обращения: 16.01.2023).

¹³ См.: tug // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/tug?q=tugboat; remorqueur // Cambridge English-French Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/tug-boat?q=tugboat>.

¹⁴ См.: icebreaker // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 200; brise-glace // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/brise-glace/11238>.

¹⁵ См.: salvage // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 138.

¹⁶ См.: lifeboat // Cambridge English-Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/lifeboat; canot de sauvetage // Cambridge English-French Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-french/lifeboat> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁷ См.: bateau-pompe // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/bateau-pompe/8284>.

¹⁸ См.: научно-исследовательское судно (перевод: с русского на английский) // Академик. URL: <https://translate.academic.ru/научно-исследовательское%20судно/ru/en/>.

sel – bateau-phare (m)¹, госпитальное судно – hospital ship – navire-hôpital (m)², учебное судно – training ship – navire-école (m)³.

IV. Положение к воде

1. Надводное водоизмещающее судно (displacement ship) – плавающее на поверхности воды.

2. Подводные: подводная лодка – submarine (submersible) – sous-marin (m) (submersible (m))⁴ (считается военным судном), батискаф – bathyscaphe – bathyscaphe (m)⁵, спасательный глубоководный аппарат – deep-submergence rescue vehicle⁶ (который можно отнести к судам специального назначения как спасательное).

3. Глиссирующие: глиссер – hydroplane (boat) – hydroglisseur (m)⁷.

4. Судно на подводных крыльях – hydrofoil – hydroptère (m)⁸.

5. Парящие над поверхностью воды: судно на воздушной подушке – hovercraft – aéroglisseur (m)⁹.

V. Исторический аспект

1. Недействующие.

2. Историческое судно – судно, которое, исходя из своего возраста, техниче-

ских характеристик и конструкции, раритетности, значения для сохранения традиционных принципов мореплавания или методов внутреннего судоходства, или значения с исторической точки зрения, заслуживает того, чтобы быть сохранённым, и эксплуатируется для демонстрационных целей, или его точная копия¹⁰. Например, учебный трёхмачтовый фрегат «Херсонес» эксплуатируется Государственным морским университетом им. адмирала Ф. Ф. Ушакова. К этому же виду можно отнести корабли-музеи (например, крейсер 1-ого ранга Балтийского флота в Санкт-Петербурге, линкор «Висконсин» в Норфолке, тральщик «Калипсо» во Франции) и корабли-реплики (барк «Индевор» 1994 года в Великобритании). В Норвегии в музее Осло хранится тростниковая лодка «Ра-2» Тура Хейердала.

3. Действующее судно – любое современное судно, находящееся в эксплуатации военного или гражданского флотов.

V. Самонавигация: автономное / беспилотное судно – autonomous / unmanned vessel – navire (m) autonome¹¹; подводный дрон – underwater drone – drone (m) sous-marin¹².

Нельзя не отметить перспективное направление развития автономной навигации, которое реализуется рядом инновационных проектов в России, Европе и Азии. Например, новейшее научно-иссле-

¹ См.: light vessel // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 354; bateau-phare // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-bateau-feu/8329>.

² См.: navire-hôpital // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/navire-hôpital/53599>.

³ См.: training ship // Новый большой англо-русский словарь. Т. 3. С. 547; navire-école // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/navire-école/53598>.

⁴ См.: sous-marin // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/sous-marin/7303>.

⁵ См.: bathyscaphe // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/bathyscaphe/8313>.

⁶ См.: Deep Submergence Rescue Vehicle – DSRV [Электронный ресурс] // Military.com : [сайт]. URL: <https://www.military.com/equipment/deep-submergence-rescue-vehicle-dsrv> (дата обращения: 16.01.2023).

⁷ См.: hydroplane // Новый большой англо-русский словарь. Т. 2. С. 195; hydroglisseur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/hydroglisseur/40727>.

⁸ См.: hydroptère // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/hydroptère/40788>.

⁹ См.: aéroglisseur // Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/aéroglisseur/1308>.

¹⁰ См.: Историческое судно // Правила классификации и постройки морских судов. Часть I. Классификация. С. 5.

¹¹ Wright G. R. Unmanned and Autonomous Ships: An Overview of MASS. New York: Routledge, 2020. 288 p.; Un troisième projet de navire autonome en Norvège [Электронный источник] // Le Marin : [сайт]. URL: <https://lemarin.ouest-france.fr/secteurs-activites/shipping/43513-un-troisieme-projet-de-navire-autonome-en-norvege> (дата обращения: 20.01.2023).

¹² См.: Juniper A. The best underwater drones and ROVs in 2023 [Электронный ресурс] // Digital Camera World : [сайт]. URL: <https://www.digitalcameraworld.com/buying-guides/best-underwater-drones> (дата обращения: 01.02.2023); Drones sous-marins [Электронный ресурс] // studioSPORT : [сайт]. URL: <https://www.studiosport.fr/drones/sous-marins-c2260.html> (дата обращения: 01.02.2023).

довательское судно «Пионер-М» передано Севастопольскому государственному университету в конце 2022 года для исследования акваторий Чёрного и Азовских морей. Компания HD Hyundai разрабатывает первое в мире беспилотное коммерческое судно. Проблематику внедрения данных технологий в навигации, взаимосвязь с существующим законодательством [12, с. 9], вопросы маневрирования и безопасности, рисков и перспектив развития рассматриваются различными специалистами и учёными [1; 10; 13].

Заключение

Исследование корпуса плавсредств морского и речного транспорта позволяет сделать следующее заключение. В результате анализа номинаций типов судов в контексте трёх языков выявлены определённые культурно-исторические особенности соответствия классификационных эквивалентов. Во-первых, не все суда имеют эквиваленты в других языках в силу исторических обстоятельств. Например, ряд названий поморских лодок северных районов России: шняка, раньшина, карбас, осиновка, сойма, шитик и

другие. Во-вторых, в силу технологической эволюции некоторые суда можно рассматривать в разных планах на разных этапах их исторического развития. Например, фрегат перетерпел ряд видоизменений от трёхмачтового парусного и гребного торгового или военного судна до пароходно-фрегата и эскортного противолодочного корабля, со времён Второй Мировой войны принадлежащего классу эсминцев. Современное понимание яхты варьируется как парусное, моторное, прогулочное, спортивное судно разных районов плавания (морские или для внутренних водоёмов). В-третьих, класс военных кораблей имеет различные классификации в разных странах: в России боевые корабли классифицируются по рангу, в США по бортовому номеру (hull number), в Великобритании по номеру вымпела (pennant number). В-четвёртых, так же следует принять во внимание разные реестры стран: Российский морской регистр судоходства, Lloyd's Register of Shipping (Регистр Ллойда), Bureau Veritas (Бюро Веритас) во Франции.

Дата поступления в редакцию 21.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Волынчиков И. Б. Перспективы роботизации в морском судоходстве // Молодой ученый. 2018. № 7 (193). С. 29–33.
2. Горбань Л. В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: дисс. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2008. 196 с.
3. Гуляев И. А., Роннов Е. П. Классификация и архитектурно-конструктивные особенности комбинированных судов // Научные проблемы водного транспорта. 2020. № 62. С. 40–50. DOI: 10.37890/jwt.vi62.38.
4. Емельянов Е. Ф. Устройство, конструкция и элементы теории судна. Владивосток: Типография Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, 2002. 144 с.
5. Епифанцева Н. Г., Куракина С. Н. Государственная языковая политика Франции как фактор развития и усиления роли французского языка в мире // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 10.01.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-2-1074.
6. Жирова И. Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 5. С. 60–66.
7. Козловская О. Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии (на материале английского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 468 с.
8. Сосунова Г. А. Профессионально-ориентированная пресса: функционально-семантическая характеристика французских таможенных текстов и их перевод на русский язык: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2017. 495 с.

9. Harmony of the Seas?: Work, faith, and religious difference among multinational migrant workers on board cargo ships / Sampson H., Turgo N., Cadge W., Gilliat-Ray S., Smith G. // *Ethnic and racial studies*. 2020. Vol. 43. Iss. 16. P. 287–305. DOI: 10.1080/01419870.2020.1776362.
10. Misra S. C. Design principles of ships and marine structures. Boca Raton, FL: CRC Press, 2016. 488 p.
11. Norchi C. H., Lynch A. H. Arctic Navigation and Climate Change: Protections from Science for Law of the sea // *International Law Studies*. 2022. Vol. 99. P. 490–516.
12. Suri M. Autonomous vessels as ships – the definition conundrum // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. Vol. 929: The 3rd International Conference on Maritime Autonomous Surface Ship (ICMASS 2020) (11-12 November 2020, Ulsan, South Korea). Article 012005. DOI: 10.1088/1757-899X/929/1/012005.
13. Tung H. Unmanned maritime systems and unmanned maritime vehicles // *Maritime and Transport Law News*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 13–15.

REFERENCES

1. Volynchikov I. B. [Prospects for robotization in maritime shipping]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2018, no. 7 (193), pp. 29–33.
2. Gorban' L. V. *Voyenno-morskaya leksika russkogo yazyka v sinkhronii i diakhronii: diss. ... kand. filol. nauk* [Naval vocabulary of the Russian language in synchrony and diachrony: PhD thesis in Philological Sciences]. Murmansk, 2008. 196 p.
3. Gulyaev I. A., Ronnov E. P. [Classification and design features of combined ships]. In: *Nauchnyye problemy vodnogo transporta* [Russian Journal of Water Transport], 2020, no. 62, pp. 40–50. DOI: 10.37890/jwt.vi62.38.
4. Yemel'yanov Ye. F. *Ustroystvo, konstruktsiya i elementy teorii sudna* [Structure, design and elements of the theory of the ship]. Vladivostok, Far Eastern State Technical Fisheries University Publ., 2002. 144 p.
5. Yepifantseva N. G., Kurakina S. N. [French state linguistic policy as a main factor in developing and strengthening the role of the French language in the world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 2. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru> (accessed: 10.01.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-2-1074.
6. Zhirova I. G. [On the translation of the extra-linguistic components from the Russian language into English]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2013, no. 5, pp. 60–66.
7. Kozlovskaya O. G. *Kognitivnyye i strukturno-semanticheskiye osobennosti morskoy terminologii (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): diss. ... kand. filol. nauk* [Cognitive and structural-semantic features of marine terminology (on the material of English and Russian languages): PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2005. 468 p.
8. Sosunova G. A. *Professional'no-oriyentirovannaya pressa: funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika frantsuzskikh tamozhennykh tekstov i ikh perevod na russkiy yazyk: diss. ... dokt. filol. nauk* [Professionally oriented press: functional and semantic characteristics of French customs texts and their translation into Russian]. Moscow, 2017. 495 p.
9. Sampson H., Turgo N., Cadge W., Gilliat-Ray S., Smith G. Harmony of the Seas?: Work, faith, and religious difference among multinational migrant workers on board cargo ships. In: *Ethnic and racial studies*, 2020, vol. 43, iss. 16, pp. 287–305. DOI: 10.1080/01419870.2020.1776362.
10. Misra S. C. Design principles of ships and marine structures. Boca Raton, FL: CRC Press, 2016. 488 p.
11. Norchi C. H., Lynch A. H. Arctic Navigation and Climate Change: Protections from Science for Law of the sea. In: *International Law Studies*, 2022, vol. 99, pp. 490–516.
12. Suri M. Autonomous vessels as ships – the definition conundrum. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 929: The 3rd International Conference on Maritime Autonomous Surface Ship (ICMASS 2020) (11-12 November 2020, Ulsan, South Korea), article 012005. DOI: 10.1088/1757-899X/929/1/012005.
13. Tung H. Unmanned maritime systems and unmanned maritime vehicles. In: *Maritime and Transport Law News*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 13–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Епифанцева Наталия Глебовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: nepifantseva@yandex.ru

Яковлева Полина Петровна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения; старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: pauline903@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Epifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education;
e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru

Polina P. Yakovleva – Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, State University of Education; Senior Lecturer, Department “Foreign languages”, Russian University of Transport (MIIT);
e-mail: pauline903@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанцева Н. Г., Яковлева П. П. Классификационная характеристика номинаций типов судов на материале английского, французского и русского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 41–53.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-41-53

FOR CITATION

Epifantseva N. G., Yakovleva P. P. Classification characteristics of the nominations of types of vessels based on the material of English, French and Russian. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 41–53.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-41-53

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61

О СООТНОШЕНИИ РЕЧЕВОГО И ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Зарипов Р. И.*Военный университет имени князя Александра Невского**Министерства обороны Российской Федерации**125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить соотношение речевого и информационно-психологического воздействия как форм коммуникативного влияния на человека и общество.

Процедура и методы. Соотношение речевого и информационно-психологического воздействия устанавливается на основе анализа авторитетных научных источников за последние 30 лет, однако проведённое исследование можно считать выполненным и в диахроническом ключе, поскольку различные механизмы коммуникативного воздействия на человека и общество прослеживаются автором начиная с древних времён вплоть до изобретения первых технических средств распространения массовой информации. В работе используются преимущественно индуктивно-описательный и сопоставительный методы изложения.

Результаты. Установлена сущность речевого воздействия как одной из составных частей информационно-психологического воздействия в контексте массовых информационно-коммуникационных процессов. Выявлен общий механизм информационно-психологического воздействия в массовой коммуникации, реализующийся в сложной поликодовой и мультимедальной форме медиатекста.

Теоретическая и практическая значимость заключается во введении в лингвистическую науку, а именно в одно из её направлений – лингвистику информационно-психологической войны – универсального термина «информационно-психологическое воздействие», который заполняет лакуну, образовавшуюся в результате расширения инструментария актуальных средств воздействия на адресата за пределы сугубо речевых, и объединяет все существующие подходы к обоснованию невербального воздействия в массовой коммуникации, устраняя тем самым нежелательную терминологическую поливалентность.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие; коммуникативное влияние; массовая коммуникация; речевое воздействие

ON THE CORRELATION OF VERBAL AND INFORMATION-PSYCHOLOGICAL IMPACT

R. Zaripov*Prince Alexander Nevsky Military university of the Ministry of Defense of the Russian Federation**ulitsa Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the correlation of verbal and information-psychological impact as forms of communicative influence on individuals and society.

Methodology. The correlation of verbal and information-psychological impact is established based on the analysis of authoritative scientific sources for the past 30 years, but the study can be considered conducted in a diachronic way, as various mechanisms of communication impact on a person and society are traced by the author since ancient times up to the invention of the first technical means of mass communication. The work uses mainly inductive-descriptive and comparative methods of presentation.

Results. The essence of verbal impact as one of the components of information-psychological influence in mass communication has been established. The general mechanism of information-psychological influence in mass communication, which is realized in a complex polycode and multimodal form of media text, has been revealed.

Research implications. The significance of the study lies in the introduction into linguistic science, namely into one of its areas – the linguistics of information-psychological warfare – the universal term “information-psychological impact”, which fills the gap caused by the expansion of the toolkit of actual means of influence on the addressee beyond the purely verbal ones, and unites all existing approaches to the substantiation of non-verbal influence in mass communication, thereby eliminating the undesirable terminological polyvalence.

Keywords: information-psychological impact; communicative influence; mass communication; verbal impact

Введение

До появления в XIX в. фотоаппарата преднамеренное коммуникативное воздействие на человека с целью управления его психическими состояниями, мыслями и поведением в обычной жизни практически полностью сводилось к воздействию речевому. Круг информационных источников адресата в то время составляли лишь члены социальной группы, окружавшие его в процессе повседневной жизнедеятельности, и краткие указатели устно-письменного характера, встречавшиеся ему в ряде коммуникативных ситуаций: вывески, объявления, анонсы. Последнее при этом было доступно только для образованной аудитории, в разной степени дополнявшей свой информационный фон театральными представлениями, газетами и книгами, число которых первоначально было весьма невелико.

Естественно, комплексное информационное воздействие, включавшее и невербальные элементы, оказывалось на реципиента и ранее. Оно применялось на всём протяжении истории в отдельных сферах человеческой жизнедеятельности и было связано с непосредственным, а не опосредованным физическим (зрительным, слуховым) контактом субъекта и объекта информации. Так, не связанное

с передачей знаков человеческого языка аудиальное сопровождение вербальной коммуникации находило своё выражение в музыке или иных звуковых эффектах; визуализация ораторских выступлений того времени обычно сводилась к зрительному восприятию говорящего и окружающей его обстановки. В военной сфере в целях дезинформации, запугивания и деморализации противника ещё в древнюю эпоху начали использоваться «устрашающая боевая раскраска воинов, свирепые боевые кличи, специальные шумовые (удары копьями или мечами о щиты и др.) и визуальные (использование огненных валов, летучих “змеев” и др.) эффекты, слухи и прокламации, распространяемые лазутчиками» [5, с. 8]. Культура и искусство также с самых давних времён применялись в качестве средств передачи информации и концептуальных смыслов: через наскальную живопись первобытные люди выражали своё психоэмоциональное состояние, сохраняли различные сведения о местности и быте, передавали друг другу различные сообщения; на определённом этапе развития общества из народных празднеств, включавших песнопения, танцы и ритуальные действия, появился театр. Применительно к цивилизации Руси

следует отметить сочетание графемки, иллюстраций (иконического элемента) и текста в лубочном изобразительном искусстве и церковной культуре, отражавшейся, в частности, в издании рукописных книг, например, «Книги житий святых».

Тем не менее доля вербальных элементов в общественном взаимодействии дотехнической эпохи была несоизмеримо выше невербальных по объективным причинам, связанным с недостаточным уровнем развития сферы публичной коммуникации и отсутствием технических возможностей совмещения в едином коммуникативном потоке аудиовизуальных и речевых компонентов. Как следствие, основная информационная нагрузка на реципиента заключалась в речевом воздействии собеседника, оратора или автора письменного текста.

Вербальное (речевое) и невербальное речевое воздействие

В работах отечественных лингвистов речевое воздействие соответствует влиянию при помощи слова, не ограничиваясь при этом лингвистической сферой этого феномена. Субъект-объектные отношения в этом процессе подразумевают речевое регулирование одним участником коммуникации деятельности другого (других) или, соответственно, его собственное столкновение с внешним влиянием в вербальной форме [6, с. 24]. Таким образом, сущность речевого воздействия состоит в реализации комплекса *языковых* средств, используемых для влияния на сознание и поведение человека [2, с. 1–2], причём эффективность этого воздействия может достигаться не только за счёт «логичности или аргументированности сообщения», но и «за счёт экспрессивно-эмоциональных компонентов разговорной речи» [4, с. 26].

Безусловно, речевое воздействие в его традиционном понимании как эффективности общения между людьми [12,

с. 3] и влиянии посредством речи¹ предполагает также учёт ряда несловесных элементов, способствующих достижению коммуникативного результата. Тем не менее, эти элементы рассматриваются «исключительно в их соотношении с речью» [12, с. 57], а их предназначение состоит лишь в её дополнении и сопровождении. По сути они представляют собой паралингвистические и некоторые (но не все) экстралингвистические компоненты, которые соответствуют ситуации *речевого* контакта говорящего с собеседником или аудиторией и определяются как невербальное *речевое* воздействие [Там же]. К последним относятся внешность и зрительный контакт коммуникантов, их поведение и расположение в пространстве, стиль общения, временные параметры и т. д.

С другой стороны, определение речевого воздействия как регулятора «поведения реципиента с помощью обращенной к нему *речи* (устной, письменной, через средства массовой информации)»² означает, что экстралингвистические компоненты, не задействованные в сопровождении речевых действий участников коммуникации, к нему не относятся. В этой связи И. А. Стернин справедливо обращает внимание на то, что невербальное воздействие может быть не только речевым – например, зрительным, физическим и др. [12], то есть выходящим за рамки речевого процесса вообще и речевого акта как произнесения высказывания в частности.

Как следствие, невербальным закономерно считается и такое воздействие, которое не связано с применением языка и сопровождающими его экстралингвистическими элементами. К нему относится

¹ Сковородников А. П. Речевое воздействие // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / под ред. А. П. Сковородникова; 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: СФУ, 2014. С. 533.

² Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 276.

сторона коммуникативного сообщения, которая не касается процесса речепродуцирования и не опирается, по точному выражению Е. Ф. Тарасова, на визуальные (для письменного текста) и звуковые (для звучащего текста) образы слов [13, с. 13]. В противовес невербальному *речевому* воздействию здесь уместно говорить о невербальном *неречевом* воздействии, а в противовес *речевому* произведению – о *неречевом* произведении.

В наборе экстралингвистических факторов особую роль играют такие элементы, которые выводят характеристики межличностной, публичной и, прежде всего, массовой коммуникации за пределы традиционного вербального взаимодействия в сферу более объёмного, мультимодального обрамления сообщения, а именно неязыкового аудиального и визуального сопровождения, не связанного непосредственным образом с речевым произведением. В этом случае коммуникация в своём многомерном наполнении обеспечивает более высокий уровень воздействия и вынуждает органы слуха и зрения, которые ранее ориентировались лишь на кинетические и фонетические характеристики речи адресанта, подключаться к восприятию дополнительной невербальной информации, выражающейся в аудиовизуальном наполнении поликодового сообщения. Кроме того, в условиях массовой коммуникации аудитория обычно испытывает большее доверие именно к невербальной информации, чем к вербальной [11].

С. Г. Кара-Мурза в качестве примера приводит феномен телевидения, которое «оперирует одновременно текстом, музыкой и зрительно воспринимаемыми движущимися образами», в результате чего «обладает исключительно высокой, магической способностью сосредоточивать, рассеивать и переключать внимание зрителя» [7, с. 198]. Эффективность сочетания различных форм вербального и невербального воздействия заключается в том, что такой подход «мобилизует

периферические системы внимания» и «обеспечивает большую избыточность информации в центральной интегрирующей системе. Чем больше избыточность, тем меньших усилий требует восприятие сообщения» [Там же]. Как следствие, при задействовании сразу нескольких анализаторов человека коммуникатору становится гораздо легче оказать на него деморализующий эффект [8, с. 104].

Дополним от себя – эффект может быть разным в зависимости от прагматической цели адресанта. Современные информационно-коммуникационные технологии образуют опосредованное коммуникативное пространство в пространстве действительном, неvirtуальном и сочетают систему наиболее действенных способов воздействия на реципиента через его органы зрения и слуха, по своим структурно-функциональным характеристикам объединяя *вербальное (речевое), невербальное речевое и невербальное неречевое* воздействие. Как следствие, в рамках комплексного информационного воздействия в массовой и – в отдельных случаях – других формах коммуникации речевое воздействие как органичная совокупность первых двух компонентов выступает частью более сложного феномена.

Информационно-психологическое воздействие

Здесь мы приходим к выводу о том, что в медиатексте реализуется не только речевое воздействие. Элементы различных семиотических систем, функционирующие в современных средствах коммуникации, выводят степень их коммуникативного влияния на адресата на качественно иной уровень *информационно-психологического* воздействия, которое вписывается в современную концепцию ведения информационной (или уже – информационно-психологической) войны, в широком смысле определяющейся как противоборство в информационной сфере и средствах массовой информации для

достижения различных политических целей¹. С точки зрения науки о языке информационно-психологическое воздействие как относительно новое явление не создаёт терминологических коллизий и заполняет в ней лакуну, образовавшуюся в результате расширения сущности воздействия на адресата за пределы сугубо речевого, что, в свою очередь, влечёт за собой необходимость введения термина, который объединяет лингвистическую и экстралингвистическую стороны коммуникации, средства первой из которых реализуют вербальное (речевое) воздействие, а второй – невербальное речевое и невербальное неречевое воздействие. Такая конфигурация позволяет систематизировать все возможные варианты воздействия на адресата в медиaprостранстве и проводить его комплексный анализ на интернаучном уровне, так как анализ невербальных и смешанных семиотических систем лежит «за рамками собственно лингвистического исследования – в сфере социальной психологии, культурологии, политологии» и т. д. [3, с. 115]. Таким образом, информационно-психологическое воздействие – это феномен междисциплинарного характера.

В науке существуют различные трактовки и интерпретации информационно-психологического воздействия, которое нередко рассматривают в качестве разновидности или считают равным психологическому, информационному, идеологическому, пропагандистскому и др. видам воздействия. При этом его неизменно анализируют в контексте массовых информационных процессов, направленных на формирование (изменение) мнений, отношений, настроений, поведения, удовлетворения потребностей людей и социальных групп. На наш взгляд, в наименовании термина необходимо сохранить значимость информационного компонента, который подчёркивает особую

роль и целевую функцию информации как источника ориентации (дезориентации) человека в окружающей среде и специфического средства воздействия на массовую аудиторию. Кроме того, феномен информационно-психологического воздействия указывает и на свой целевой объект – человеческую психику [1, с. 105; 10, с. 143; 14, р. 6].

О соотношении разных видов воздействия

В то же время не следует ошибочно полагать, что на фоне информационно-психологического речевого воздействие не обладает психологическими характеристиками или обладает ими не в полной мере. Процесс речевой интеракции в не меньшей степени обусловлен прагматическими и психологическими факторами, а речевое сообщение «создает или изменяет отношение аудитории к предмету коммуникации, влияя на психологическое состояние самой аудитории» [9, с. 329]. В то же время, несмотря на свою безусловную «психологичность», речевое воздействие не отвечает всем характеристикам информационно-психологического воздействия, поскольку оставляет за своими пределами значительную часть экстралингвистической коммуникации, не относящейся к своей невербальной стороне. Современное медиaprостранство представляет собой многомерное сочетание словесного и аудиовизуального ряда, последний из которых функционирует независимо, хотя и сопровождает и в определённых случаях даже замещает первый. Феномен информационно-психологического воздействия подразумевает соединение в тексте (его комбинированная основа отмечалась и ранее [3, с. 275]), а вслед за ним – и в поликодовом коммуникативном пространстве элементов разных семиотических систем, отражающих одновременное применение коммуникатором как вербальных, так и невербальных средств. Иными словами, в отрыве от аудиовизуального компонента неязыковой природы коммуникация в

¹ Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2011. С. 91.

медиатексте сводится к вербальной (речевой) и влечёт воздействие, аналогичное речевому в обычных условиях, не сопряжённых с виртуальной реальностью. Тем не менее на восприятие сообщения реципиентом так или иначе будет влиять наличие опосредованного коммуникативного пространства, созданного техническими средствами трансляции информации (экран телефона, компьютера или телевизора, наушники, колонки и т. п.), а также паралингвистических и экстралингвистических факторов, присущих невербальному речевому воздействию. Кроме того, отсутствие этого компонента в медиатексте не отменяет факт информационно-психологического воздействия на аудиторию, так как речевое воздействие есть его часть, хотя и усечённая. Если рассуждать в этой парадигме, то любое *речевое воздействие, оказываемое в сфере массовой коммуникации адресата, есть информационно-психологическое воздействие*, тем более что эти два феномена в некоторых ситуациях приравниваются специалистами друг к другу, например, при воздействии на противника или население с помощью листовок (визуальный компонент присутствует в них совсем не обязательно) [5, с. 12].

Наконец, удаление из медиатекста речевого наполнения так же не исключает информационно-психологическое воздействие, которое может осуществляться коммуникатором изолированно от языковой системы за счёт звукового и зрительного компонентов.

Заключение

Таким образом, в результате сопоставления речевого и информационно-психологического воздействия мы можем заключить, что *в контексте массовой коммуникации* первое является частью

второго, обладая в своём инструментарии лингвистическими, паралингвистическими и частью экстралингвистических средств, не выходящих за рамки сопровождения речевой деятельности (речевых действий участников коммуникации).

В современной системе межчеловеческой коммуникации речевое воздействие по-прежнему занимает ведущее положение, обеспечивая передачу бесконечных объёмов информации в её самой существенной части – языковой. Без человеческого языка, выступающего главным связующим звеном в процессе межличностного и общественного взаимодействия, остальные коммуникативные средства выглядели бы неполноценными, непригодными и недостаточными для его полного обеспечения. Вместе с тем, речевое воздействие объективно ограничено использованием языковых ресурсов и несловесных элементов, опирающихся на визуальные и звуковые образы слов, тогда как информационно-психологическое воздействие может включать кроме перечисленных элементов аудиовизуальный ряд в виде семиотических систем неязыковой природы, присущих поликодовой и мультимодальной форме функционирования медиатекста как основной единицы современной массовой коммуникации. Отсутствие каких-либо коммуникативных компонентов в структуре медиатекста не означает отсутствия информационно-психологического воздействия – оно в равной степени реализуется в рамках лингвистической, паралингвистической и экстралингвистической коммуникации в форме вербального (речевого), невербального речевого и невербального неречевого воздействия.

Дата поступления в редакцию 16.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А. Я., Макаренков А. А. Информационно-психологическое воздействие: понятийная схема описания // Военный академический журнал. 2019. № 4 (24). С. 102–109.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дисс. ... докт. филол. наук. М., 1990. 378 с.

3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие; 6-е изд., стер. М.: Изд-во «Флинта», 2018. 592 с.
4. Гаврилов Л. А. О функциях воздействия языка массовой коммуникации и языка межличностного общения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 23–26.
5. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы: учеб. пособие / В. В. Ефремов, А. Г. Караяни, А. Н. Размазнин и др.; под ред. проф. А. М. Кондакова. М.: ВА РВСН, 2000. 128 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью»; 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во: Эксмо, 2005. 832 с.
8. Караяни А. Г., Зинченко Ю. П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник для курсантов и студентов вузов. М.: МГУ, 2007. 172 с.
9. Кашлев Б. Ю., Панарин И. Н., Галумов Э. А. Информация, массовая коммуникация и международные отношения: учебное пособие; Дипломатическая академия МИД России. М.: Научная книга, 2005. 344 с.
10. Крук В. М., Исаев Д. А., Насонов К. А. Современные направления негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих. Способы распознавания и противодействия // Армейский сборник. 2022. № 8 (342). С. 143–150.
11. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Материалы научной конференции «Диалог 2001» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/> (дата обращения: 11.11.2022).
12. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
13. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 3–14.
14. Cluzel du F. Cognitive Warfare // Innovation Hub. June-November 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

REFERENCES

1. Antsupov A. Y., Makarenkov A. A. [Information-psychological impact: a conceptual description scheme]. In: *Voyennyy akademicheskyy zhurnal* [Military Academic Journal], 2019, no. 4 (24), pp. 102–109.
2. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod): diss. ... dokt. filol. nauk* [Linguistic theory of argumentation (cognitive approach): D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1990. 378 p.
3. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskiye osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical foundations and practice]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 592 p.
4. Gavrilov L. A. [On the impact functions of the language of mass communication and interpersonal dialogue]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 23–26.
5. Yefremov V. V., Karayani A. G., Razmaznin A. N. et al. *Informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstvo: sushchnost', soderzhaniye, metody* [Information and psychological confrontation: essence, content, methods]. Moscow, Military Academy of the Strategic Missile Forces Publ., 2000. 128 p.
6. Issers O. S. *Rechevoye vozdeystviye* [Speech impact]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 224 p.
7. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p.
8. Karayani A. G., Zinchenko Yu. P. *Informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstvo v voyne: istoriya, metodologiya, praktika* [Information and psychological confrontation in war: history, methodology, practice]. Moscow, Moscow State University Publ., 2007. 172 p.
9. Kashlev B. Yu., Panarin I. N., Galumov E. A. *Informatsiya, massovaya kommunikatsiya i mezhdunarodnyye otnosheniya* [Information, mass communication and international relations]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2005. 344 p.

10. Kruk V. M., Isayev D. A., Nasonov K. A. [Modern directions of negative information and psychological impact on military personnel. Methods of recognition and counteraction]. In: *Armeyskiy sbornik* [Army collection], 2022, no. 8 (342), pp. 143–150.
11. Pirogova Yu. K. [Strategies of communicative influence in advertising: the experience of typology]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii «Dialog 2001»* [Proceedings of the scientific conference “Dialogue 2001”]. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogoval/> (accessed: 11.11.2022).
12. Sternin I. A. *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Fundamentals of speech impact]. Voronezh, «Istoki» Publ., 2012. 178 p.
13. Tarasov Ye. F. [Speech impact as a problem of speech communication]. In: *Rechevoye vozdeystviye v sfere massovoy kommunikatsii* [Speech impact in the sphere of mass communication]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 3–14.
14. Cluzel du F. Cognitive Warfare. In: *Innovation Hub. June-November 2020*. Available at: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (accessed: 16.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарипов Руслан Ирикович – кандидат филологических наук, докторант кафедры французского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zaripov – Cand. Sci. (Philology), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of the French language, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зарипов Р. И. О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 54–61.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61

FOR CITATION

Zaripov R. I. On the correlation of verbal and information-psychological impact. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 54–61.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-54-61

УДК 81'367

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70

ОЦЕНОЧНАЯ АСИММЕТРИЧНОСТЬ ЧАСТИЧНОГО КАЧЕСТВА

Карасик В. И.*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина**117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация**Московский государственный лингвистический университет**119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы: характеристика оценочной асимметричности частичного проявления качества на материале русского и английского языков. Такая асимметричность, выражаемая аффиксально (суффикс *-оват*) и/или фраземно (*немного, a bit*), отражает общую характеристику оценочной квалификации объектов, состоящую в детализации отрицательного опыта и сведения положительного качества к норме.

Процедура и методы. Материал исследования: сплошная выборка из «Обратного словаря русского языка» и данные из «Национального корпуса русского языка» и «Британского национального корпуса».

Результаты. Приводятся объяснительные версии этого феномена: недихотомичность обозначения качества в естественном языке, более детальная характеристика отрицательных оценочных качеств, модальная квалификация объекта, регулярность окказиональных словообразовательных вариантов такой оценки, отсутствие номинаций для отсубстантивных коррелятов отрицательной оценки, фонетические ограничения. Важнейшей из них является признание большей значимости отрицательного опыта для осмысления реальности. Негативная оценка частичного качества объекта сопрягается с модальной автохарактеристикой субъекта речи, стремящегося показать комбинаторику этого качества и тем самым подчеркнуть объективность своей позиции. Показана специфика контекстуального уточнения частичной отрицательной оценки в предложениях со словами *«нагловатый, глуповатый, a bit puzzled, stupid, foolish, awkward, ashamed»*. Отмечена семантика уступительности в квалификации частичного отрицательного качества. Отсутствие градуальных вариантов положительного качества семантически превращает норму в точку отсчета.

Теоретическая значимость работы состоит в характеристике типов оценочной семантики, ее **практическая** ценность заключается в возможности использования результатов исследования в курсах аксиологической лингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: оценка, градация, частичное качество, аффиксация, словосочетание, отрицательный опыт

EVALUATIVE ASSYMETRY OF A PARTIAL QUALITY

V. Karasik*Pushkin State Russian Language Institute**ulitsa Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation**Moscow State Linguistic University**ulitsa Ostozhenka 38, build. 1, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To characterize the evaluative asymmetry of a partial quality manifestation as expressed in the Russian and English languages. Such asymmetry is expressed by means of affixes and/or collocations with an understatement marker “a bit”. It reflects the general tendency for evaluative characterization of objects expressed by detailing negative experience and reducing positive quality to the norm.

Methodology. The material of the study is the result of continuous sampling from the “Reverse Dictionary of the Russian Language”, “The National Corpus of the Russian Languages” and “The British National Corpus”.

Results. The article gives explanatory versions of the phenomenon. It includes the non-dichotomy principle of the quality description in natural language, a more detailed negative quality evaluation, modal qualification of the object, regularity of occasional word-formation variants of such an evaluation, absence of nominations for substantive correlates of negative evaluation, phonetic limitations. The most important one is the recognition of the greater significance of negative experience for understanding the reality. The negative assessment of a partial quality of the object is combined with the modal autocharacteristics of the speech subject, who seeks to show the combinatorics of this quality and thereby emphasize the objectivity of his position. The specificity of contextual clarification of partial negative evaluation in sentences with the words “impudent, silly, a bit puzzled, stupid, foolish, awkward, ashamed” is demonstrated. The semantics of compliance in the qualification of partial negative quality is noted. The absence of gradual variants of positive quality semiotically turns the norm into a reference point.

Research implications. The theoretical significance of the work is in the characteristics of evaluative semantics types, and the research implication of the paper is its applicability to Axiological Linguistics and Language and Culture studies and to teaching university students these disciplines.

Keywords: evaluation, gradation, partial quality, affixation, collocation, negative experience

Введение

Оценка является важнейшей разновидностью модусного осмысления реальности, т. е. определения объекта как хорошего или плохого, и поэтому она множественно и вариативно выражена в языке и коммуникативной практике. Различные аспекты оценочного значения детально описаны в научной литературе [2; 4; 5; 6; 7; 12]. Интересной особенностью оценочной семантики является асимметричность квалификации частичного качества. Сравним: *трусоватый, бедноватый, глуповатый* – **храброватый, *богатоватый, *умноватый* в русском языке и *a bit clumsy, a bit stupid, a bit tight* – **a bit accurate, *a bit diligent, *a bit smart* в английском. Можно заметить, что отрицательное качество допускает некоторую градацию, а у положительного качества такой градации нет.

Объяснительные версии оценочной асимметричности частичного качества

В семантическом плане частичное качество представляет собой констатацию

приближения к некоторой полноте характеристик объекта. Такая квалификация в русском языке во многих случаях не является оценочной: *коротковатый, зеленноватый, мутноватый*. Подобные номинации по своей сути приблизительны [1; 3; 8; 10]. В прагматическом плане такая номинация представляет собой коммуникативное смягчение, или митигативность [11]. Его важным проявлением в русском коммуникативном поведении является активное использование уменьшительных суффиксов (*Два билети́ка, пожалуйста*). В этом случае наблюдается сочетание двух модусных значений – оценки и модальности. С некоторыми оговорками к этому типу коммуникативного смягчения можно отнести игровую лексическую редупликацию с заменой инициального согласного в речи русскоговорящих билингвов из Средней Азии или Кавказа (*шашлык-машлык, туалет-мулет, кастрюля-мастрюля* и т. д.).

Словарные определения частичного качества показывают малую степень про-

явления этого качества: *трусоватый* – несколько *трусливый*, *нагловатый* – до некоторой степени *наглый*.

В «Обратном словаре русского языка»¹ содержится 207 прилагательных с суффиксом *-оват*. Эти единицы распадаются на две группы слов – оценочно-нейтральные и оценочно-маркированные, к первой группе относятся слова *голубоватый*, *длинноватый*, *седоватый* и др. (137), ко второй – *грубоватый*, *кривоватый*, *чудаковатый* и др. (70). Оценочно-нейтральные прилагательные составляют две трети единиц и характеризуют внешние признаки различных объектов (цвет, величина, консистенция, структура и др.). Некоторые из этих единиц носят характер терминов (*трещиноватый*, *известковатый*, *брусковатый*). Оценочно-маркированные прилагательные в основном дают характеристику поведения людей (*жуликоватый*, *пошловатый*, *жадноватый*). Единицы второго класса образованы от основ, обозначающих отрицательные качества объектов – как от существительных (*чудак*, *трус*, *франт*), так и от прилагательных (*страшный*, *скупный*, *мрачный*).

В центре нашего внимания находится вопрос: почему у оценочно-маркированных слов, обозначающих частичное проявление отрицательного качества, нет симметричных коррелятов с положительным качеством?

Первая объяснительная версия носит семиотический характер. В естественном языке дихотомические корреляции наблюдаются не всегда. Типичным выражением таких корреляций являются только контрадикторные антонимы (*живой* – *мёртвый*, *быстрый* – *медленный*) либо языковые образования с отрицательным префиксом (*смелый* – *несмелый*, *умный* – *неумный*). В ряде случаев у слов с отрицательной оценочной семантикой вообще нет положительных антонимов

(например, слова *пошлый* и *пошловатый* не имеют однозначных антонимов).

Вторая версия имеет психологическую природу. Положительное качество считается нормой, не допускающей градации. Так, скромность противопоставляется нескромному поведению, при этом разные варианты нескромного поведения вербализуются в двух вариантах – предельном и частичном (*наглый* – *нагловатый*). Соответственно, нечто оценивается как *хорошее* или *плохое*, при этом *плохое* может быть охарактеризовано как *плоховатое*. *Хорошее* такой градации не допускает. Отметим, что прилагательные, обозначающие отрицательное качество, могут характеризовать нечто неодушевлённое и метафорически – человека (*гнилой* и *гниловатый*).

Третья версия также является психологической и относится к сфере прагматики. Говорящий использует уменьшительный суффикс либо словосочетание с таким значением при характеристике отрицательного явления, желая показать своё личное субъективное отношение к предмету речи (*Грязновато в комнате*). Положительная оценка осмысливается как констатация объективной нормы (*В комнате чисто*), смягчение нормы выглядит абсурдно.

Четвёртая версия характеризует языковую технику образования прилагательных от существительных. У существительных *чудак*, *хлыщ*, *озорник* нет соотносимых противоположных коррелятов и соответственно – образованных от таких коррелятов прилагательных. В данном случае имеет место более дробная номинация отрицательно оцениваемых типов людей по сравнению с положительно оцениваемыми типами, поскольку положительная оценка считается нормой, естественным качеством, которое обозначается как ноль. Отметим особенность отсубстантивных прилагательных: они содержат сравнение с называемым субъектом: *придурковатый* – ведущий себя, как *придурок* [9].

¹ Обратный словарь русского языка: около 125 000 слов. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. 944 с.

Пятая версия уточняет третью: не у каждого существительного с отрицательно оцениваемым содержанием находится узואально образованное от него прилагательное, и не у каждого прилагательного, обозначающего предельное качество, есть корреляты с обозначением частичного проявления этого качества. Такие единицы часто оказываются окказиональными, конструируемыми по определённой модели. Например, *нудноватый*, *хиловатый*, *буйноватый*. В детской речи появляются слова типа *зловатый*.

Шестая версия смыкается с предыдущей, но акцентирует фонетические рестрикции на образование положительных коррелятов слов с выражением частичного качества: сравним антонимы *грубый* – *вежливый* и возможные корреляты *грубоватый* – **вежливатый*.

В списке единиц, приведённых в обратном словаре, обращают на себя внимание слова с положительной семантикой *щедроватый* и *крепковатый*. Вероятно, оценочное значение этих слов представляет собой осложнённую квалификацию объекта: положительно оценивается щедрость – желание и способность делиться с другими своими средствами. Частичное проявление этого качества выглядит странно. В данном случае критически оценивается либо показная, либо непонятная щедрость. Прилагательное *щедроватый* звучит иронически. Прилагательное *крепкий* противопоставлено слову *слабый*, имеющему коррелят *слабоватый*. Слово *крепковатый* меняет оценочную мотивировку: кто-либо не может справиться с крепко запертой дверью или каким-либо сопротивляющимся материалом. Перед нами не частичное проявление качества, а самооценка субъекта.

Контекстуальное уточнение семантики частичного отрицательного качества

Обратимся к данным контекстуального уточнения слов с частичным проявлением отрицательного качества (по

данным Национального корпуса русского языка¹). Показательны высказывания со словом «нагловатый».

В предложении может усиливаться частичная степень качества:

Утром неожиданно появился Саша Басов – мордастый, несколько нагловатый, толстый и бойкий дядя, лет 55 (Б. Вронский).

Из тёмной улицы нам навстречу вышел Он. Уверенный, чуть нагловатый. Сел перед нами и... улыбнулся! (Е. Орлова).

Уточняется семантика соответствующего качества, связанного с его характеристикой:

У столика сидел уверенный человек, чуть даже нагловатый, снисходительный, с лёгкой насмешечкой в глазу... (В. Шукиин).

Со щита у дороги смотрит сытый и нагловатый джентльмен (В. Песков, Б. Стрельников).

Был у меня в гостях глупый нагловатый Гаркави (К. Чуковский).

Правда, однажды веселый и нагловатый курсант Володька Замышляев, увидав у меня крохотную девичью фотографию, попросил посмотреть (К. Ванишенкин).

Некоторая степень проявления наглости сопрягается с уверенностью в себе, сытостью, глупостью и весельем.

Заслуживают внимания примеры с умножением отрицательных качеств в их частичном проявлении:

Простоватый, хамоватый, нагловатый... И где они могли подружиться? (М. Трауб).

Не опостылел ли он самому себе, этот вороватый, нагловатый, бескрылый и неистребимый трусишка? (Б. Окуджава).

Повторение прилагательных с частичным уменьшением качества свидетельствует о стремлении автора избежать категоричности. Сравним с примером выше (*глупый нагловатый*).

Интересны примеры с контрастным уточнением качества:

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.01.2023).

Я попросила его удалиться, может быть, и не очень ласково, человек он нагловатый, но, к счастью, очень самолюбивый, до скандала не дошло, он вышел, хлопнув дверью так, что командный пункт мог рухнуть (Т. Окуневская).

Подхватив под локоть Лиходеица, крепко задумавшегося над тем, кого напоминает ему этот вежливо-нагловатый субъект, попугай быстро повёл его из парка (И. Краева).

Нагловатость как проявление неуважительности противопоставляется самолюбию и вежливости.

В примерах приводятся типичные способы проявления описываемого качества:

Один из пацанов, нагловатый хмырь с кривой улыбкой, бесстыдно осмотрел Ольгу с ног до головы (Е. Сухов).

Она редко выходила из дома, ее одинаково пугал как обезлюдевший центр, так и горластый, нагловатый рынок, где приходилось торговаться, а этого она как раз и не умела (Б. Васильев).

На всю сотню весельчак и похабник, бессовестный и нагловатый Егорка Жарков вступал в разговор, подмигивая и грязно улыбаясь (М. Шолохов).

Нагловатое поведение выражается в бесстыдном взоре, горластости, грязных улыбках.

Обратимся к примерам частичного проявления интеллектуальной несостоятельности.

Прилагательное «глуповатый» характеризует людей целиком либо какое-то определённое качество их поведения.

Глуповатым может быть смех и энтузиазм:

Светлые распушенные волосы, расчесанные на две стороны, глаза голубые, платье-сарафан до земли, туфли на платформе, голос капризной красавицы и довольно глуповатый смех (А. Славовский).

На всех лицах – глуповатый радостный энтузиазм (Н. Климонтович).

Такая характеристика соответствует известной установке, сформулированной ещё в библейском тексте: «Сердце

мудрых – в доме плача, сердце глупых – в доме веселья» (Еккл., 7:4). Обратим внимание на сочетание отрицательных качеств – капризность и глуповатость. Энтузиазм признаётся глуповатым со стороны тех, кто пессимистически оценивает усилия энтузиастов.

Подчёркивание личного отношения к характеризуемому человеку показывает типичную комбинаторику отрицательных качеств личности:

Теперь этот глуповатый и алчный лысый человек представлял собою не более, как очень опасное свидетельское звено в этой, и без того бездарной, цепочке (В. Кунин).

Афанасий, отнюдь не Аполлон, человек занудливый и глуповатый, считался заурядным натурщиком, с которым мало кто хотел иметь дело (Ю. Трифонов).

И он таки успокоил ее, этот неуклюжий и глуповатый журналист Каммерер (А и Б. Стругацкие).

Определённая степень интеллектуальной несостоятельности комбинируется с алчностью, занудством и неуклюжестью. Отметим, однако, что названные качества не показаны в их частичном проявлении. Применительно к алчности, по-видимому, такое наименование блокируется стилевым признаком («алчный» – слово высокого стиля, сравним возможное образование «жадноватый»). В других примерах ограничение на использование соответствующих прилагательных объясняется, по-видимому, фонетическими причинами.

Глуповатым обычно бывает вид кого-либо:

Оказалось, что у Анны упало зрение, пришлось надеть очки, и, как ни подбирали оправу в самых лучших салонах, вид в очках у нее получился глуповатый (О. Славникова).

Несмотря на глуповатый вид, они такое умеют придумать, до чего нам за всю жизнь не додуматься (Ю. Калинина).

Обратим внимание на скрытую семантику уступительности в приведённых

примерах: несмотря на А имеет место Б. Мы понимаем, что вид может быть глуповатым, но такое впечатление бывает ошибочным. Этот модус изложения характеризует позицию субъекта речи как человека, стремящегося к объективной оценке положения дел. Такой контраст очевиден в высказывании, показывающем обманчивость внешнего вида.

Показательны примеры с нанизыванием контраста:

Недалекий, но порывистый, глуповатый, но благородный, хвастливый, но кристальной честности человек, Плетнев свято верит в прекрасные фразы, которые Бубенцов, актерствуя, войдя в свою провокаторскую роль, экзальтированно декламирует для единственного зрителя (Э. Рязанов).

Он наивный мальчик и глуповатый, чем-то еще совсем неиспорченный, а чем-то сильно подлый (Ю. Нельская-Сидур.).

Его преподавал демобилизованный после ранения на фронте капитан – мужчина глуповатый, но добродушный (Е. Рубин).

Парень полноватый, лысоватый. Глуповатый. Глаза добрые (М. Палей).

С одной стороны, человек может быть недалёким, глуповатым и хвастливым (эти качества характеризуют интеллектуальную несостоятельность), но, с другой стороны, он показан как порывистый, благородный и честный субъект (дана этическая оценка поведению). Видна ирония повествователя: низкая степень интеллекта комбинируется с благородством и честностью. В другом примере мы видим, что признаки «наивный, глуповатый, неиспорченный» могут сочетаться с резко отрицательной оценкой личности («сильно подлый»). Такая модальная полифония характеризует не только объект описания, но в большей степени субъект оценки. Примеры, в которых показана комбинация глуповатости и добродушия, соответствуют известному стереотипу описания умных людей как не очень добрых.

Приведённые примеры показывают, что частичное проявление отрицательно-

го качества дублируется наречиями, обозначающими небольшую степень чего-либо, и уточняется близкими по смыслу словами, показывающими сферу поведения людей. Слова, обозначающие рассматриваемое качество, часто относятся к сфере разговорной речи.

Аналогичные характеристики частичного проявления отрицательного качества прослеживаются и в английском языке на материале словосочетаний со значением преуменьшения (*a bit puzzled, stupid, foolish, awkward, ashamed*). Использовались данные Британского национального корпуса (BNC)¹.

Говорящий приводит основания для объяснения своего замешательства и недоумения:

I am a bit puzzled about your remark of applying today's standards to what happened 40 years ago. Я немного озадачен вашим замечанием относительно использования сегодняшних стандартов по отношению к тому, что произошло 40 лет назад.

I'm a bit puzzled by how you would deal with racist chanting outside a stadium. Я немного озадачен тем, как можно относиться к расистским лозунгам вне стадионов.

I'm a bit puzzled about your second question because it seems to be exactly the same as the first. Я немного озадачен вашим вторым вопросом, так как он полностью соответствует первому.

Смягчение такого недоумения в определённой мере соответствует английской коммуникативной стратегии преуменьшения (*understatement*). По сути дела, позиция говорящего является вполне определённой.

Обратим внимание на модальность акцентированной вероятности:

The reporters seemed a bit puzzled and frustrated by what was released. Казалось, что репортёры немного озадачены и расстроены тем, что было опубликовано.

¹ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 20.01.2023).

Глагол *seem* поддержан сочетанием *a bit*.

Выражение частичной оценки недоумения уточняется аспектуально либо дополнено констатирующим введением:

I am getting to be a bit puzzled by some of the conflicting viewpoints and I shall try to explain why. Я немного прихожу в недоумение по поводу противоречивых точек зрения и постараюсь объяснить, почему.

I admit to being a bit puzzled by picking either love or hate for this book. Признаюсь, что я немного озадачен тем, что к этой книге относятся либо с любовью, либо с ненавистью.

Можно заметить, что частичная оценка странного положения дел сочетается с дополнительными модальными смысловыми обертонами. Уверенность такой градации не допускает: **I am a bit sure, *I am a bit certain, *It is a bit evident.*

Оценка частичного преуменьшения отрицательного качества может приобретать гротескный характер:

... you're throwing money to get money which is, which is a bit stupid. Вы выбрасываете деньги, чтобы получить деньги, и это немного глуповато.

Перед нами пример полной нелепости, и преуменьшение по сути дела является принятой в англоязычном общении условностью.

Обратим внимание на самооценку говорящего:

Sometimes you feel a bit stupid asking someone for a hand. Иногда чувствуешь себя глуповатым, когда просишь помочь.

Этот пример показывает пессимистическую оценку излишней веры в человеческую доброту.

Преуменьшение может свидетельствовать о критической оценке стереотипных реакций:

It is easy in this situation for classmates to consider such a child a bit stupid and for the teacher to consider the problem to be a cognitive one. В такой ситуации одноклассники легко могут посчитать ребёнка глуповатым, а для учителя это проблема когнитивного порядка.

Despite it all, though, you may end up looking a bit foolish if you find you've been barking up the wrong tree. Be humble enough to learn from this so that you can increase your gains elsewhere. Несмотря ни на что, тем не менее вы будете выглядеть немного глуповато, если окажется, что вы ошиблись в своих предположениях. Наберитесь скромности и сделайте выводы и в будущем в другой ситуации вы окажетесь в выигрыше.

Школьникам свойственно весьма категорично оценивать поведение тех, кто от них чем-то отличается, и учитель должен это принимать в расчёт. Ошибка в предположении фразеологически выражена в английском языке оборотом *"to bark up the wrong tree"* (букв. «лаять не на то дерево»), пришедшим из ситуации охоты на енотов, которых собаки загоняли на дерево, но иногда енотам удавалось незаметно перепрыгнуть на другое дерево, а охотничья собака лаем сообщала хозяину о том, что зверь находится на прежнем месте. Это выражение образно показывает ситуацию типичной ошибки.

Известно, что с определёнными типами людей бывает трудно общаться:

I mean he's a genius, so he is a bit awkward to get along with. Я хочу сказать, что он гений, и поэтому с ним бывает сложно ладить.

Преуменьшение в приведённом примере является стандартным описанием сложностей в общении с нестандартными людьми.

Заслуживает внимания преуменьшение при описании чувства стыда:

I mean we all live in a society where people wear clothes and we'd probably feel a bit ashamed if we didn't have to wear any, but if you grew up in a society where nobody wears clothes, you wouldn't, wouldn't bother about it for one moment. Я имею в виду, что мы все живём в обществе, где люди носят одежду, и нам было бы немного стыдно, если бы у нас её не было, но, если бы вы выросли в обществе, где никто не носит одежду, вы бы ни на мгновение не стали из-за этого беспокоиться.

Then she rode home feeling a bit ashamed that she hadn't been as brave as she felt sure a proper Brownie ought to have been in face of danger. Потом она поехала домой, немало стыдясь того, что не была такой смелой, каким, как она полагала, должен быть настоящий Брауни перед лицом опасности.

Чувство стыда относится к неприятным переживаниям и поэтому допускает градацию в сторону преуменьшения.

Заключение

Оценочная асимметричность частичного проявления качества, выражаемая

аффиксально и/или фраземно, отражает общую характеристику оценочной квалификации объектов, состоящую в детализации отрицательного опыта и сведения положительного качества к норме. Негативная оценка частичного качества объекта сопрягается с модальной автохарактеристикой субъекта речи, стремящегося показать комбинаторику этого качества и тем самым подчеркнуть объективность своей позиции. Отсутствие градуальных вариантов положительного качества семиотически превращает норму в точку отсчёта.

Дата поступления в редакцию 20.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович С. В. Аппроксимация как семантическая категория (на материале немецкого, русского и белорусского языков) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2008. № 2. С. 3–19.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
3. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
4. Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 550–551.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Занадворова А. В. Полезная дрянь и ценная фигня. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи // Русская речь. 2022. № 6. С. 50–62. DOI: 10.31857/S013161170023736-8.
7. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
8. Никишенкова Ю. В. Выражение значения приблизительности в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 17 с.
9. Огольцева Е. В. Образный потенциал деминутивов в структуре устойчивого сравнения // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 370–375.
10. Сахно С. Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 29–36.
11. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2010. 380 с.
12. Wright G. H. von. The varieties of goodness. New York: The Humanities Press, 1963. 222 p.

REFERENCES

1. Adamovich S. V. [Approximation as a semantic category (on the material of the German, Russian and Belarusian languages)]. In: *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology], 2008, no. 2, pp. 3–19.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1998. 896 p.
3. Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 3 (27), pp. 7–20.

4. Vendler Z. [About the word good]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. Lingvisticheskaya semantika* [New in foreign linguistics. Iss. X. Linguistic semantics]. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 550–551.
5. Volf Ye. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.
6. Zavadvorova A. V. [Polesnaya dryan' ('useful rubbish') and tsennyyi fignya ('valuable garbage'). On some cases of changing the assessment in informal colloquial speech]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 2022, no. 6, pp. 50–62. DOI: 10.31857/S013161170023736-8.
7. Markelova T. V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in Russian]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts Publ., 2013. 300 p.
8. Nikishenkova Yu. V. *Vyrazheniye znacheniya priblizitel'nosti v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Expression of the meaning of approximation in modern German: PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhniy Novgorod, 2000. 17 p.
9. Ogoltseva Ye. V. [The figurative potential of diminutives in the structure of sustainable comparison]. In: *Ratsional'noye i emotsional'noye v russkom yazyke* [Rational and emotional in Russian]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012, pp. 370–375.
10. Sakhno S. L. [Approximate naming in natural language]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1983, no. 6, pp. 29–36.
11. Takhtarova S. S. *Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyy i etnokul'turnyy aspekty)* [The category of communicative softening (cognitive-discursive and ethno-cultural aspects)]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2010. 380 p.
12. Wright G. H. von. The varieties of goodness. New York, The Humanities Press, 1963. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Karasik – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; Prof., Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карасик В. И. Оценочная асимметричность частичного качества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 62–70.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70

FOR CITATION

Karasik V. I. Evaluative asymmetry of a partial quality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 62–70.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫХ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Королева М. Ю.*Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова
299028, г. Севастополь, ул. Дыбенко, д. 1а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение, анализ и систематизация основных способов образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили статьи журнала "Janes Defense" с 2020 по 2022 г., отобранные методом сплошной выборки. Проведён структурный анализ сложнопроизводных военных терминов. В ходе исследования преимущественно были использованы методы наблюдения, обобщения, описания результатов, количественный анализ.

Результаты. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в рассматриваемых нами текстах преобладают термины, образованные синтаксическим способом.

Практическая значимость заключается в определении и систематизации наиболее распространённых и частотных способов образования сложнопроизводных военных терминов, что позволяет использовать полученные результаты в процессе изучения иностранного языка курсантами в военном вузе.

Ключевые слова: военная терминология, способы образования, сложнопроизводные термины, суффиксация, префиксация, словосложение

THE WAYS OF COMPOUND DERIVATIVE MILITARY TERMS FORMATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

M. Koroleva*Nakhimov Black Sea Higher Naval School
ulitsa Dybenko 1a, Sevastopol 299028, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider, analyze, and systematize the main ways of formation of English compound derivative military terms.

Methodology. The materials for the study were the articles of Jane's Defense Weekly published from 2020 to 2022, selected by the continuous sampling method. A structural analysis of compound derivative military terms is carried out. In the course of the study, methods of observation, generalization, description of results, and quantitative analysis were mainly used.

Results. The analysis carried out allows us to draw the following conclusion: in the texts we have considered syntactic methods of terms formation prevail.

Research implication lies in the identification and systematization of the most common and frequent ways of forming compound derivative military terms, which allows to use the results obtained in the process of studying a foreign language by cadets at a military university.

Keywords: military terminology, methods of terms formation, compound terms, suffixation, prefixation, composition

Введение

Развитие и совершенствование имеющихся технологий способствует тому, что терминологическая лексика, необходимая для обозначения появляющихся понятий и явлений также находится в постоянном развитии, благодаря чему в большинстве случаев авторы используют сложнопроизводные термины в военной и военноморской сфере. Активное употребление сложнопроизводных военных терминов обусловлено рядом экстралингвистических факторов: техническим прогрессом (создание новых или модернизация уже имеющихся образцов вооружения и техники); процессами глобализации, происходящими во многих областях науки; пересмотром или определением приоритетных задач, стоящих перед командованием Вооружёнными Силами или ВМФ; разработкой подходов, внедрением новых тактических приёмов и проводимых на их основе действий и операций.

Овладение военной терминологией является неотъемлемой частью профессионального дискурса военных специалистов и требует особого внимания в процессе подготовки будущих офицеров ВМФ в вузе, в том числе и в ходе иноязычной подготовки. Следует отметить, однако, что если овладение профессиональной русскоязычной терминологией происходит достаточно быстро и естественно, то овладение военной терминологией на иностранном языке в ряде случаев представляет определённые трудности, связанные с правильным пониманием, точным переводом, самостоятельным воспроизведением и использованием обучающимися, в связи с национальной вариативностью и особенностью образования терминов.

Анализ работ, посвящённых рассмотрению и изучению понятия «термин», позволяет установить актуальность данного вопроса применительно к различным областям науки, интерес исследователей к проблеме определения его сущности, а также отметить разнообра-

зие мнений в восприятии самой дефиниции понятия «термин».

Основатель российской терминологической школы Лотте Д. С. писал, что термин – это слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах одной сферы [13, с. 4].

С точки зрения терминоведения Лейчик В. М. предлагает следующее определение термина: «термин – лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [12, с. 31–32].

В работе Гринева-Гриневича С. В., Сорокиной Э. А. и Молчановой М. А., посвящённой определению термина, рассмотрены причины неоднозначного понимания понятия «термин», определены наиболее существенные признаки данного понятия и сформулировано его ёмкое определение, которое авторы конкретизируют как «специальную лексему, именующую понятие, в которой отражен минимум существенных признаков термина» [4, с. 723].

Исходя из неизменности понимания термина в разделе «Гносеологическое терминоведение» Гринев-Гриневич С. В. приводит ряд гносеологических функций, которые выполняют термины, а именно: фиксация знания, открытие нового знания, передача знания [5, с. 208].

Таким образом, осознание роли и функций, которые выполняет терминологическая лексика в профессиональном дискурсе, знание и понимание основных способов образования сложнопроизводных военных терминов, а также умение переводить и употреблять их в речи обуславливают актуальность выбора темы исследования.

Цель работы – рассмотреть и систематизировать основные и наиболее распространённые способы образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке.

Материалом для исследования послужили статьи, новостные материалы, обзорные статьи журнала “Janes Defense”¹, размещённые на сайте журнала с 2020 по 2022 год.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) изучить структуру современных сложнопроизводных военных терминов в статьях журнала “Janes Defense”;

2) определить и проанализировать способы образования сложнопроизводных военных терминов, характеризующихся наибольшей производительностью;

3) провести систематизацию способов образования сложнопроизводной военной терминологии.

Для решения поставленных задач проведён анализ структуры военных терминов, определены способы образования современных военных терминов, с помощью количественного анализа выявлены наиболее частотные и распространённые способы образования терминологических единиц в текстах по военной тематике.

Обзор литературы

Анализ литературы по теме позволил определить ряд вопросов, представляющих наибольший интерес для учёных, занимающихся изучением терминологии, а именно: сопоставительные исследования терминов иностранного и русского языков, способы образования терминов определённой профессиональной области, способы перевода.

Являющийся объектом формирования, хранения и передачи профессиональных знаний термин, по мнению Новодрановой В. Ф., необходимо рассматривать «как результат когнитивной деятельности специалиста, заключающийся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний» [14, с. 150].

В работе Алексеевой Л. М. и Мишлановой С. Л., посвящённой исследованию механизма терминологизации в медицинском дискурсе, определение понятия терминологии как комплексной системы позволяет осуществить разграничение её составляющих – терминопорождения и терминофиксирования [1, с. 93]. Авторы указывают, что терминопорождение рассматривается в двух аспектах – концептуальном и функциональном. Применительно к нашей работе интерес представляет концептуальный аспект, который можно определить как «процесс конструирования терминологической единицы текстового характера, предназначенной для вербализации научного знания», который можно охарактеризовать как «динамический, многослойный, противоречивый и производный процесс, поскольку он является незавершённым с нечётко очерченными границами, использующий в качестве основы уже созданные языковые единицы» [1, с. 93].

Лейчик В. М., анализируя способы конструирования терминов, определяет следующие: 1) аффиксация, 2) словосложение, 3) образование словосочетаний, 4) создание гибридо терминов, т. е. соединение заимствованных / интернациональных и исконных элементов, 5) псевдозаимствование, т. е. образование терминов из заимствованных или интернациональных элементов [11, с. 93–94]. Основываясь на результатах нашей работы, отметим, что зафиксированное Лейчиком В. М. преобладание синтаксического и морфологического способов образования терминов в XX веке продолжает сохранять свою актуальность и сегодня [10, с. 68].

Гринев-Гриневич С. В. подчёркивает, что по форме термины любой области делятся на две основные группы: «слова (однословные, моноксемные термины) и словосочетания (многословные, полилексемные термины)» [5, с. 121]. Автор также приводит данные о том, что многословные термины составляют до 60%–80% от

¹ Janes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janes.com/> (дата обращения: 11.12.2022).

общего количества терминов в большинстве европейских языков [5, с. 121].

Саламатина Ю. В. рассматривает префиксальный, суффиксальный, синтаксический и аббревиационный способы словообразования как наиболее продуктивные, однако отмечает, что не все они применяются в равной степени и имеют разное значение в терминообразовании [15].

В работе Денисовой О. И., посвящённой изучению особенностей формирования и перевода авиационной терминосистемы с английского языка на русский, приведены наиболее характерные способы образования терминов: морфологический (словообразование), синтаксический, или аналитический (образование терминов-словосочетаний), лексико-семантический и заимствование [6, с. 82].

Алимурадов О. А и Лату М. Н., анализируя особенности терминологической номинации – когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств), выделяют термины первоначальные / первичные и термины производные / вторичные. Среди перечисленных авторами способов номинации вторичных терминов, приводятся следующие: «словосложение, аффиксация, формирование терминов, по структуре эквивалентных словосочетанию, формирование терминов, по структуре эквивалентных предложению (термин с предикацией), метафоризация» [2, с. 9].

Проводя классификацию терминов британского морского права с точки зрения структуры, Федотова А. Е. разделяет их на следующие типы: 1) корневые термины, основа которых совпадает с корнем; 2) производные термины, состоящие из основы и аффиксов; 3) составные термины, образованные с помощью сложения двух или более основ; 4) терминологические сочетания [16, с. 48].

Проблеме способов образования сложнопроизводных военно-морских терминов посвящена работа Куриц-

кой Е. В. и Дегтяренко К. А «Аффиксальное образование в военно-морской терминологии английского языка», в которой рассматриваются префиксы и суффиксы, используемые для образования сложнопроизводных военно-морских терминов и обладающие наибольшей продуктивностью [7]. Особый интерес представляет статья Курицкой Е. В. и Сушко В. Ю. «Способы образования сложнопроизводных военно-морских терминов», в которой показаны наиболее типичные способы терминологического словообразования: добавление к словам, входящим в терминологические словосочетания, аффиксов или полуаффиксов; присоединение к словосочетаниям причастий настоящего или прошедшего времени, числительных или прилагательных, сокращений и имён собственных [8].

Способы словообразования военных терминов

В нашей работе на основе качественного и количественного анализа текстов обобщены и систематизированы наиболее частотные и распространённые способы образования современных сложнопроизводных военных терминов, а именно: морфологический (префиксация, суффиксация, словосложение и аббревиация) и синтаксический (образование сложнопроизводных терминов с помощью сочетания двух и более слов различных частей речи: существительных, причастий, прилагательных, числительных). В ходе работы нами было проанализировано 1115 терминов. Рассмотрим каждый из способов словообразования более подробно.

Способы морфологического словообразования общеупотребительной лексики в английском языке характерны и при образовании терминологической лексики из любой области научного знания, в том числе и для образования военных терминов [9, с. 14].

Одним из наиболее распространённых и продуктивных способов сло-

вообразования военных терминов можно считать способ, при котором ключевой словообразующей единицей является простое слово, составляющее основу более сложного термина, образованного с помощью аффикса: суффикса или префикса. Количество сложнопроизводных военных терминов, образованных **морфологическим способом** составило 506 единиц (45%) от общего количества.

Специфика деятельности Вооружённых Сил РФ и стран изучаемого языка, а также задачи, поставленные перед ними, обуславливают и лексический состав текстов, который во многом концентрируется вокруг слов: противодействие, подавление, нейтрализация, защита и оборона. Кроме этого, существование актуальных тенденций и проведение разработок в данной сфере также определяет тематику и лексику текстов. Подробный анализ текстов по военной тематике позволил нам выявить префиксы counter-, anti-, un- как одни из наиболее продуктивных, в меньшей степени используются префиксы: re-, de-, dis-, pre-, super-, semi-.

Префикс **un-** употребляется в большинстве случаев с прилагательными (часто в форме причастий прошедшего времени), придавая новообразованным словам значение противоположности. Например, armoured – unarmoured, classified – unclassified, manned – unmanned, authorized – unauthorized, powered – unpowered, stable – unstable, specified – unspecified, apologetic – unapologetic, exploded – unexploded. Однако необходимо отметить и наличие в текстах достаточно распространенного и часто употребительного глагола, образованного с помощью вышеуказанного префикса, а именно: to veil – unveil.

Значимое место занимает префикс **counter-**, применимый для образования имён существительных (редко глаголов), несущий значение противодействия. Например, counterespionage, (контрраз-

ведка) – counter- контр- и espionage – разведка, а также counterintelligence, counterinsurgency, counterstrike, countersign, counterpart, to counteract, to counterattack. Наиболее частотными можно считать: countermeasure, counter-terrorism, counter-piracy, counter-UAV, counter-unmanned aircraft system.

Префикс **anti-** используется для образования терминов, выражающих противодействие, придавая значение нейтрализации, защиты от действий противника: anti-tank, anti-shipping missile, anti-surface, anti-piracy, anti-armour, anti-ship.

Для выражения действия, противоположного тому, которое несёт слово-основа, применяются префиксы **de-** и **dis-**: to escalate – de-escalate, to contaminate – to decontaminate, to commission – to decommission, to code – to decode, to bark – to debark, to brief – to debrief, icing – de-icing. В случае с префиксом **dis-** характерны следующие примеры глаголов: to continue – to discontinue, to charge – to discharge, to mount – to dismount, to close – to disclose, to qualify – to disqualify, to integrate – to disintegrate, а также существительных: disarmament, disembarkation, disengagement.

Префикс **multi-**, придающий сложнопроизводным терминам значение множественности: multi-rotor, multirole, multi-mission, multipurpose, multi-engine, multisensory, multidomain, multiyear (MY) contract, multifaceted, multifunctional, multipronged, multi-dimensional, multisensory, multinational, multichannel, multilateralism, multifrequency, multibeam.

Префикс **re-**, присоединённый к глаголам, указывает на повторяемость действий: to refuel – дозаправлять топливом, to reload – перезарядить, to rearm – перевооружить, to recharge – перезарядить, to redeploy – передислоцировать, to replace – заменить, to re-examine, to reorganize – преобразовать, to re-route – изменить направление / маршрут, а также to re-test, to re-equip, to reaffirm, to reoccur, re-escalate, to redesign, re-issue, to refit, to re-configure, to rejoin, to revamp, re-evaluate, to reopti-

mise, to revitalize. Однако вышеуказанный префикс употребляется и для образования других частей речи: прилагательных (re-locatable, replaceable, reactive, reusable) и существительных (relocation, re-engineing, re-escalation, re-arming, recapitalisation).

В меньшей степени встречаются следующие префиксы:

pre-: pre-delivery trial, pre-training, pre-exercise, pre-launch, pre-set, pre-service (6 терминов);

super-: supercomputing, super-heavy (ICBM), super-large (MRL / multiple rocket launcher), supersonic (4 термина);

semi-: semi-autonomous, semi-heavy, semiconductor, semi-automatic (4 термина);

inter-: interconnectivity, interoperable, intercontinental, interaction (4 термина);

self-: self-reliance, self-protection, self-propelled, self-ignited, self-protection, self-sufficiency, self-defence (7 терминов);

in-: inaccuracy, inability, indefinite, indirect, insecure, inoperative, insubordinate, insecurity (8 терминов);

ex-: ex-PLAN China's People's Liberation Army Navy (PLAN), ex-US, ex-Chinese, ex-RN (Royal Navy), ex-UK, ex-USAF (US Air Force), ex-USN ship (US Navy), ex-Royal Fleet Auxiliary (RFA) ship, ex-HMS Cottesmore (9 терминов);

non-: non-kinetic, non-lethal, non-combatant, non-resident, non-state, non-toxic, non-compliance, non-performance (8 терминов);

post-: post-overhaul, post-coup, post-Mosquito drone, post-upgrade capabilities, post-quantum environment, post-life extension (LIFEX) overhaul (6 терминов);

sub-: submunitions, subsonic, subsystem, sub-unit, substandard, submerged, sub-contract, sub-machine gun, subsea (9 терминов).

Приведённые количественные показатели указывают на низкую производительность вышеуказанных префиксов в образовании сложнопроизводных военных терминов. На примере subsonic-supersonic-hypersonic можем проследить

постепенное развитие скоростей полёта. Количество таких терминов в текстах не большое, однако их роль и употребление имеют равноценное значение с вышеуказанными более производительными префиксами. Например, префикс hyper-, используемый для образования термина hypersonic, встречается в 115 текстах и указывает на актуальность и стремление разработки гиперзвуковых образцов вооружения и техники, способной развивать соответствующую скорость.

Значимое место в словообразовании имеют и суффиксы, среди которых наиболее распространёнными для образования сложнопроизводных военных терминов можно отметить следующие: -er, -or, -ment, -ion, -ation, -cation, -ing, -ance, -ous, -cal, -age, -able, -ible.

Добавление суффикса **-er** к таким словообразующим основам, как fight, bomb, destroy, позволяет образовать следующие военные термины: fighter – истребитель, bomber – бомбардировщик, destroyer – эсминец. В зависимости от контекста и семантики слова-основы, суффикс -er может быть использован для обозначения:

– аппаратов или техники: летательного аппарата (fighter, bomber), типа корабля (cruiser, minesweeper, minelayer, destroyer) или другого аппарата (underwater glider);

– элемента, детали или составной части конструкции (igniter, propeller);

– оборудования, технического прибора, устройства, инструмента (launcher, controller, finder, rangefinder, repeater, extinguisher, ruler, jammer, loader, stretcher);

– человека, занимающегося определённым видом деятельности (manufacturer, commander, engineer, trainer, observer, wiper, supplier).

Подобными же характеристиками обладает и суффикс **-or**, с помощью которого образуются следующие имена существительные: navigator, detector, interceptor, sailor, operator, indicator, instructor, inspector, surveyor, contractor, simulator.

Суффикс **-ment** используется для образования абстрактных существительных. Распространёнными примерами с вышеуказанным суффиксом служат следующие лексические единицы: employment, deployment, development, sustainment, engagement, measurement, assessment, concealment, enhancement, adjustment, equipment, department, replacement, commencement, involvement, movement, procurement, assignment, reinforcement, replenishment, commitment.

Суффикс **-ion**, употребляемый для образования абстрактных существительных, обозначает процесс или действие. Примерами употребления вышеуказанного суффикса служат такие существительные как: supervision, cohesion, proliferation, protection, integration, concentration, identification, evaluation, designation, validation, penetration, communication, detection, contamination, location, participation, deterioration, ventilation, rotation, inspection.

Подобным же образом употребляется и суффикс **-ation**: to compart – compartmentation, to restore – restoration, to authorize – authorization, to install – installation, to neutralize – neutralization, to visualize – visualization, to accuse – accusation, to configure – configuration, to preserve – preservation, to precipitate – precipitation, to mobilize – mobilization, to observe – observation, to transport – transportation, to implement – implementation, to examine – examination, to inform – information.

Высокой продуктивностью обладает суффикс **-ing**, позволяющий образовывать абстрактные существительные. Например, icing, piloting, warning, mooring, anchoring, towing, refueling, firing, loading, discharging, peacekeeping, briefing, berthing, shipping, training, flooding, fighting, diversifying, processing, tracking, shifting, delivering, positioning, targeting, watchkeeping, watchstanding, receiving, detecting, refueling, monitoring.

Суффикс **-al** участвует в образовании имён прилагательных от имён суще-

ствительных: convention – conventional, operation – operational, tactic – tactical, navigation – navigational, government – governmental, tide – tidal, constitution – constitutional, experiment – experimental, nation – national, region – regional.

От субстантивных и глагольных основ с помощью суффикса **-age** образуются термины, относящиеся к военному делу, судовождению: storage, anchorage, pilotage, hostage, sabotage, stowage, drainage, package.

Префикс **-able** или **-ible**, добавленный к слову-основе, образует имя прилагательное, имеющее определённое качество или способность. Например, flammable, inflammable, maneuverable, (un)predictable, (human)-wearable, actionable, perishable, preventable, recoverable, adaptable, sustainable, collapsible, combustible.

Префиксы **-ality** / **-ility** / **-ity**, добавленные к прилагательным, образуют существительные, обладающие определёнными качествами или характеристиками: stable – stability, maneuverable – maneuverability, serviceable – serviceability, flexible – flexibility, feasible – feasibility, compatible – compatibility, functional – functionality, durable – durability, lethal – lethality.

Суффикс **-cation** позволяет образовывать имена существительные: to notify – notification, to magnify – magnification, to modify – modification, to identify – identification, to classify – classification, to specify – specification.

Малочисленны, однако достаточно распространены слова, образованные с помощью суффикса **-ance**. Например, существительные: maintenance, performance, surveillance, severance, insurance, reconnaissance, clearance, allowance, endurance.

Наименьшей продуктивностью обладают суффиксы **-cal** и **-ous**, позволяющие образовывать имена прилагательные от имён существительных: meteorology – meteorological, biology – biological; autonomy – autonomous, mountain – mountainous, amphibian – amphibious.

Анализ текстов по военной тематике позволил выявить наличие сложнопроизводных военных терминов, сочетающих в себе префиксально-суффиксальный способ словообразования. К данной группе слов относятся: enrichment, redeployment, disqualifying, decommissioned, transshipment, transnational, transformation, air-droppable (bomb), unmanned. Анализ терминов позволил определить, что 52 термина (5%) образовано с помощью суффиксально-префиксального способа.

Характерным способом образования сложнопроизводных военных терминов можно считать **словосложение** – образование новых слов путём соединения основ двух или более слов, причём его модели очень разнообразны: warhead, battlefield, network, lifeboat, password, hatchway, solid-propellant. Значительное количество военной терминологической лексики образовано с помощью словосложения: codename, coverall, flaghoist, fiberglass, life-jacket, life-boat, coastguard, warship, lightweight, airframe, shipbuilding, battleforce, waterline, dogfight, airstrike, air-drop, seabed, airwing, airworthiness, testbed и т. д. Количество проанализированных терминов, образованных данным способом, составило 87 единиц (8%).

Синтаксический способ подразумевает образование терминов из сочетания двух или более слов. Учитывая уровень научно-технического развития вышеуказанный способ можно выделить как наиболее продуктивный и распространённый. Количество терминов, образованных с помощью данного способа, составило 609 единиц (55%).

Арбекова Т. И. определяет лексику, образованную данным способом, как «сложные образования», состоящие из нескольких слов [3, с. 21]. Примерами в военной сфере могут служить следующие терминологические единицы: понятие “aircraft carrier” – авианосец, образованное из двух слов “aircraft” и “carrier”; “combat management system” – система

боевого управления, состоящее из трёх слов: “combat” – бой, “management” – управление, “system” – система; термин “man-portable surface-to-air missile” – переносной зенитный ракетный комплекс.

На современном этапе развития военной терминологии, благодаря определённым тенденциям в словообразовании, достаточно распространён способ образования сложнопроизводных терминов, первым элементом которых является общепринятая в военной сфере аббревиатура. Примерами в данной группе могут служить следующие термины: SACLOS guidance system = semi-automatic command to line-of sight guidance system; HEAT warhead = high-explosive anti-tank warhead; HESH warhead = high-explosive squash head; NBC suit = nuclear, biological, chemical suit, а также: NBC reconnaissance vehicle, NBC decontamination systems; IR sensor = infrared sensor, IR homing warhead.

Большое количество сложнопроизводных военных терминов имеют многокомпонентный состав и образованы по одной из моделей, сочетающих в себе несколько слов. Рассмотрим подробнее термины, относящиеся к этой группе.

Первая группа представлена двухсловными сложнопроизводными военными терминами (табл. 1), образованными по следующим моделям: Noun+Noun, Adjective+Noun, Noun+Adjective, Noun+Participle I, Noun+Participle II, Adjective+Participle II. Всего 179 терминов (16%).

В табл. 2 представлены примеры трёхсловных терминов, образованные по следующим моделям: Noun + Noun + Noun, Adjective + Adjective + Noun, Adjective + Noun + Noun. Общее количество 164 термина (15%).

Анализ текстов по военной тематике, позволяет сделать вывод о распространённом использовании четырёх- и пятисловных сложнопроизводных терминов, которые представлены в табл. 3 и 4. Целесообразность их применения можно объяснить необходимостью передать с

Таблица 1 / Table 1

Модели образования двухсловных сложнопроизводных военных терминов / Models of two-word compound derivative military terms formation

Модель	Пример
Noun+Noun	log-book, engine room, wheel-house, radio room, propulsion system, ventilation system, performance characteristics, target acquisition, torpedo boat, missile guidance, flight deck, air-defense, ear-defenders, detection technology, implementation plan, jet propulsion, land force, satellite navigation, guidance system, target engagement и др.
Adjective +Noun	hypersonic speed, light caliber, explosive charge, explosive device, high-velocity bullet, direct support, situational awareness, coastal defense, artificial intelligence, amphibious capabilities и др.
Noun+Adjective	cost-efficient, cost-prohibitive
Noun+Participle I	sea-skimming, radar homing, data-sharing, direction-finding и др.
Noun+Participle II	rocket powered (aircraft), air-launched (missile), submarine-launched (missile), projectile based (weapon), deck-mounted (installation), ramjet-powered, state-owned, hydrogen-powered (UAV), laser-guided (missile), precision-guided (system), turret-mounted, weapon-mounted, power-operated, software-defined, surface launched и др.
Adjective+Participle II	cold-launched, high-powered, twin-engined (naval utility helicopters) и др.
Numeral+Noun	zero-emissions, 3D printing, four-step zoom.

Таблица 2 / Table 2

Модели образования трёхсловных сложнопроизводных военных терминов / Models of three-word compound derivative military terms formation

Модель	Пример
Noun+Noun+Noun	target acquisition system, launch-detection system, laser range-finder, laser target designator и др.
Adjective+Adjective+Noun	hypersonic glide vehicle, super-heavy ICBM, rigid inflatable boat и др.
Adjective+Noun+Noun	long-range missile, low-velocity bullet, light support weapon, low-cost satellite, long-range aviation, fast patrol vessels, unmanned ground vehicle, hypersonic missile systems и др.

помощью сложнопроизводного термина определённые технические характеристики соответствующего объекта или же его целевое назначение. Количество четырёхсловных сложнопроизводных терминов составило 185 единиц (17%), пятисловных – 81 единица (7%).

Модели, приведённые нами в работе, представляют собой образец того, каким образом функционируют сложнопроизводные военные термины в текстах профессиональной направленности. Дополнительными примерами могут служить следующие термины: ground-based early warning radar, medium-altitude long-en-

Таблица 3 / Table 3

Модели образования четырёхсловных сложнопроизводных военных терминов / Models of four-word compound derivative military terms formation

Модель	Пример
Adjective+Noun+Noun+Noun	global navigation satellite systems
Adjective+Adjective+Adjective+Noun	large-diameter unmanned underwater vehicles (LDUUVs)

Таблица 4 / Table 4

Модели образования пятисловных сложнопроизводных военных терминов / Models of five-word compound derivative military terms formation

Модель	Пример
Adjective+Adjective+Adjective+Adjective+Noun	light tactical unmanned aerial vehicle
Noun+Noun+Noun+Noun+Noun	intelligence, surveillance, target acquisition, and reconnaissance (ISTAR) capabilities

durance (MALE) / high-altitude long-endurance (HALE), production-linked incentive (PLI) scheme, high-mobility multipurpose wheeled vehicle (HMMW-V), high-speed anti-radiation missile, Naval fleet auxiliary force, Very High Readiness Joint Task Force (VJTF), high-explosive anti-tank/high-explosive squash head (HEAT / HESH) warhead, ARTISAN (Advanced Radar Target Indication Situational Awareness and Navigation), single-use shoulder-launched

weapon system, top-heavy mast-mounted fire-control radar, belt-fed light machine gun, high-altitude ultra-long-endurance solar-powered autonomous unmanned aerial vehicle (UAV), land-based direction-finding systems.

Отдельную группу составляют фразовые терминологические сочетания, образованные с помощью союзов and, or и предлогов of, over, которые представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Модели образования фразовых терминологических сочетаний / Models of phrase terminological combinations formation

Модель	Пример
с союзом and	command-and-control, infrared search and track system, operations and maintenance (O&M) costs, airborne early warning and control, fire-and-forget, size, weight, and power (SWaP) requirement, search-and-rescue;
с союзом or	friend-or-foe identification
с предлогом of	letter of acceptance (LOA), memorandum of understanding, line of communication

Заключение

Развитие науки и техники, проведение новых разработок в военной сфере, совершенствование имеющихся образцов техники и вооружения отражается и на лексическом составе языка. Стремление

к точной и краткой передаче информации, характерное как для устной, так и для письменной речи, позволяет выявить наиболее распространённые способы образования сложнопроизводных терминов, а также определённые тенденции

в использовании военных терминов в текстах. Современные тексты содержат термины, образованные аффиксальным способом, путём словосложения двух основ, а также многокомпонентные термины, состоящие из двух, трёх, четырёх и более компонентов, что позволяет автору полноценно передать определённые технические характеристики объекта и его целевое предназначение.

Изучив и проанализировав способы образования 1115 сложнопроизводных военных терминов, мы пришли к следующим выводам:

- 173 (15%) сложнопроизводных военных термина образованы префиксальным способом и 196 единиц (18%) – суффиксальным способом;
- с помощью словосложения образовано 87 терминов (8%);
- двухсловные сложнопроизводные термины составили 179 лексических единиц (16%), трёхсловные термины – 164

лексические единицы (15%), четырёхсловные – 185 терминов (17%);

– пятисловные термины представлены в количестве 81 лексической единицы (7%).

Общее количество терминов, образованных морфологическим способом, составило 506 единиц (45%), с помощью синтаксического способа образовано 609 терминов (55%), что позволяет сделать вывод об использовании синтаксического способа образования сложнопроизводных терминов как наиболее продуктивного.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в лингводидактике, в процессе обучения иностранному языку курсантов военных вузов, а также при подготовке военных переводчиков.

Дата поступления в редакцию 12.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М. Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2002. 200 с.
2. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Особенности терминологического номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-2 (1). С. 6–13.
3. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (практический курс). М.: Высшая школа, 1977. 240 с.
4. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.
5. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
6. Денисова О. И. Особенности формирования и перевода авиационной терминосистемы с английского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 79–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-79-83.
7. Курицкая Е. В., Дегтяренко К. А. Аффиксальное образование в военно-морской терминологии английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2 (85). С. 338–343. DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-2.25.
8. Курицкая Е. В., Сушко В. Ю. Способы образования сложнопроизводных военно-морских терминов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88). С. 312–317. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.20.
9. Левицкий Ю. А. Морфология английского языка: учеб. пособие. М.: ЛКИ, 2016. 136 с.
10. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63–73.
11. Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.
12. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

13. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики; Акад. наук СССР. Ком. техн. терминологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
14. Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сборник научных трудов, посвящённый юбилею В. М. Лейчика. М., Рязань: Пресса, 2003. С. 150–155.
15. Саламатина Ю. В. Способы терминообразования в английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 162–169. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-78-1-162-169.
16. Федотова А. Е. Типология терминов английского морского права как показатель системности терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 45–53. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-45-53.

REFERENCES

1. Alekseyeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditinskiy diskurs: teoreticheskiye osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2002. 200 p.
2. Alimuradov O. A., Latu M. N. [The features of the terminological nomination: cognitive-semantic approach (on the basis of the Chinese and English terminology of martial arts)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2008, no. 1-2 (1), pp. 6–13.
3. Arbekova T. I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka (prakticheskiy kurs)* [Lexicology of the English language (practical course)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977. 240 p.
4. Grinev-Grinewicz S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. A. [Reconsidering the definition of the term]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2022, vol. 13, no. 3, pp. 710–729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.
5. Grinev-Grinewicz S. V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, «Akademiya» Publ., 2008. 304 p.
6. Denisova O. I. [Peculiarities of formation and translation of aviation terminology from English into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 5, pp. 79–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-79-83.
7. Kuritskaya E. V., Degtyarenko K. A. [Affixal word formation in English naval terminology]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 7-2 (85), pp. 338–343. DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-2.25.
8. Kuritskaya E. V., Sushko V. Yu. [Ways of compound derivative naval terms formation in the English language]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 10-2 (88), pp. 312–317. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.20.
9. Levitskiy Yu. A. *Morfologiya angliyskogo yazyka* [Morphology of the English language]. Moscow, LKI Publ., 2016. 136 p.
10. Leychik V. M. [Optimal length and optimal structure of the term]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1981, no. 2, pp. 63–73.
11. Leychik V. M. [On the linguistic substrate of the term]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1986, no. 5, pp. 87–97.
12. Leychik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, Knizhnyy dom «Librokom» Publ., 2009. 256 p.
13. Lotte D. S. *Osnovy postroyeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of construction of scientific and technical terminology: Questions of theory and methodology]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1961. 158 p.
14. Novodranova V. F. [Problems of term formation in the cognitive and communicative aspect]. In: *Leksikologiya. Terminovedeniye. Stilistika* [Lexicology. Terminology. Stylistics]. Moscow, Ryazan, Pressa Publ., 2003, pp. 150–155.
15. Salamatina Yu. V. [Methods of term formation in English]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 2020, no. 1, pp. 162–169. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-78-1-162-169.
16. Fedotova A. Ye. [Typology of English maritime law terms as an indicator of the systemic nature of the given terminology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 45–53. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-45-53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королева Мария Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Черноморского высшего военно-морского училища имени П. С. Нахимова;
e-mail: sevas_mary@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia Yu. Koroleva – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Nakhimov Black Sea Higher Naval School;
e-mail: sevas_mary@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Королева М. Ю. Способы образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 71–83.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83

FOR CITATION

Koroleva M. Yu. The ways of compound derivative military terms formation in the English language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 71-83.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-84-97

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ: ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Лебедева А. А.¹, Новикова М. Г.²

¹ *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация*

² *Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена описанию трудностей социокультурологической адаптации текстов при переводе на другой язык, анализу влияния контекста на адекватность переводческих решений и поиску причин появления переводческих ошибок.

Процедура и методы. При работе со специально отобранными аутентичными англо- и русскоязычными текстами в рамках массово-информационного, юридического и научного дискурсов применялись такие методы анализа эмпирического материала, как контекстуальный и контрастивный.

Результаты получены на основе обобщения и структурирования значительного массива данных. Даны чёткие обоснования необходимости проведения многоаспектного анализа национальных культурологических особенностей носителей языка-донора и языка-реципиента с целью избежать возможных переводческих ошибок.

Теоретическая и практическая значимость. Авторы развивают теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривают социокультурологические и прагматические аспекты межъязыкового перевода. В статье приводятся примеры переводческих манипуляций при работе с английской терминологией. Исследование будет интересно преподавателям факультетов иностранных языков и переводчикам-практикам.

Ключевые слова: параллельный перевод, лингво-культурологический аспект, переводческие манипуляции, оптимальное переводческое решение, точность перевода, лексико-семантический анализ

SOCIOCULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN TRANSLATION: DISCOURSE AND COMMUNICATION APPROACH

A. Lebedeva¹, M. Novikova²

¹ *All-Russian State University of Justice
ulitsa Azovskaya 2 build. 1, Moscow 117638, Russian Federation*

² *Russian State University of Justice
ulitsa Novocheryomushkinskaya 69, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe difficulties of sociocultural adaptation in translation practices, and analyze the influence of the context on the translation adequacy as well as the reasons of translation errors.

© CC BY Лебедева А. А., Новикова М. Г., 2023.

Methodology. Such methods of empirical analysis as the contextual analysis as well as contrastive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian texts in mass media, legal and scientific discourse.

Results. The work presents generalization and structuring of a significant array of data. The need for carrying out a multidimensional analysis of national cultural peculiarities of the original text and target language speakers, in order to avoid translation mistakes, is substantiated as well.

Research implications. The authors develop the theory of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of terminological units in the humanitarian fields of knowledge, and focus on the sociocultural and pragmatic aspects of interlingual translation. The paper provides examples of translation manipulations applied in working with English terminology. The article will be of interest to teachers of foreign language faculties and translators.

Keywords: parallel translation, linguo-cultural aspect, translation manipulations, optimal translation solution, precision of translation, lexical-semantic analysis

Введение

Изучению стратегий перевода и методам обучения устному и письменному переводу в исследованиях последних лет посвящено большое количество работ, обобщающих коллективный и индивидуальный опыт переводчиков и преподавателей. Можно также констатировать неослабевающий интерес к изучению категорий и признаков дискурса, классифицируемого по различным основаниям: выделяют такие типы дискурса, как бытийный, ценностно маркированный, юмористический, интернет-дискурс, а также разнообразные виды институционального дискурса (в частности, политический, юридический, дипломатический, массово-информационный, рекламный, туристический, искусствоведческий, бизнес-дискурс, педагогический, научный, академический и др.). В рамках анализа стратегии устного и письменного перевода особое внимание часто уделяется национально-культурным особенностям перевода, изучению языковой картины мира, целый ряд трудов по переводоведению опирается на многоаспектные исследования языковой личности. Важными темами остаются исследования различных форм взаимодействия дискурсов (полидискурсивность, интердискурсивность, проективность), переводческий (предпереводческий) анализ.

В последние десятилетия при анализе основополагающих компонентов

достижения адекватности передачи лексико-семантической конфигурации текстов на другой язык особое внимание, как правило, уделялось сопоставлению лингвокультурологических особенностей авторского текста и его иноязычного эквивалента. Многие лингвисты рассматривали актуальные проблемы межкультурной адаптации текстов на основе сопоставления характерных черт лексико-грамматических, стилистических и лексико-семантических систем языка-донора и языка-реципиента, опираясь при этом на положение о взаимной обусловленности и диалектической связи культуры, сознания и языка параллельно с антропоцентрическим пониманием номинации явлений и объектов (см. [1; 3; 5–8; 14–20] и др.). Необходимость осмысления широкого круга вопросов, связанных с межкультурной адаптацией переводимых текстов, привела к созданию большого количества теорий перевода, например, психолингвистической теории перевода, теории уровней эквивалентности, теории закономерных соответствий, ситуативной модели, информационной теории, семантико-семиотической модели, функционально-прагматической модели и др. (см. об этом подробно в: [9; 10; 12]). Исследования в области формирования стратегии перевода, разработка и верификация новых моделей перевода не прекращаются все последние годы: к

примеру, в 2022 году Волковой Т. А. была предложена новая дискурсивно-коммуникативная модель [2], позволяющая сформулировать стратегию перевода на основе уровней текста, дискурса, окружающей действительности, коммуникации, параметров и категорий на каждом из уровней. Несмотря на большое количество трудов с глубоким анализом различных переводческих концепций и широкий пласт затрагиваемых в них аспектов, проблема поиска корректного иноязычного эквивалента остаётся открытой.

К вопросу о взаимной обусловленности языка, культуры и сознания

Межкультурные адаптивные переводческие стратегии и тактики обычно нацелены на формирование адекватного в рамках культуры языка-реципиента переводного текста. В межкультурной адаптации текста, как правило, учитываются не только лингвистические, но и культурологические и коммуникативно-информационные особенности как языка-реципиента, так и языка-источника. В числе базовых компонентов адекватности передачи лексико-семантической конфигурации текстовых фрагментов на другой язык выступают также точность и объективность передачи в языке-реципиенте авторской модальности видения реальности, представленной в оригинальном тексте. При этом принимающая культура, как правило, осуществляет так называемый лингвокультурологический «контроль» над корректностью перевода текстовых фрагментов, учитывая одновременно пространство оригинального переводимого текста. К примеру, Сунь Синкай на защите своей кандидатской диссертации «Лингвокультурологические особенности перевода художественного произведения Николая Островского “Как закалялась сталь” с русского языка на китайский и английский» (27 мая 2022 года) [16], отвечая на вопрос, одинаково ли изображён образ Павки Корчагина в

китайской и английской картинах мира, рассказал, что в переводах на китайский язык (как и в национальной картине мира СССР в начале и середине XX в.) это стереотипизированный образ сильного, самоотверженного, храброго человека, способного на героический поступок. Этот роман и в начале XXI в. входит в программу обязательного чтения в школах КНР. В переводах же на английский язык Павел Корчагин показан одновременно ещё и истинным джентльменом, всегда вежливым и корректным, при этом данные черты поведения выписаны очень чётко. Соответственно в данном случае можно говорить о несовпадении лингвоидиологем в английском и китайском языках.

Лингвокультурология уже несколько десятилетий рассматривается многими исследователями (см. [11; 13] и др.) как отдельная лингвистическая дисциплина, основной единицей которой считается лингвокультурема – единица, отражающая проявления микро- и макрокультуры на языковом уровне (в некоторых зарубежных публикациях находим транслитерацию “linguaculturema”). В качестве альтернативных вариантов обозначения содержания лингвокультуремы часто также используются такие термины, как «концепт», «культурема», «лингвоидиологема», «лингвосапиентема», «культуруним» и др. «Концепт» обычно рассматривается как единица культурологии, отражающая специфику культуры носителя языка в форме слов, предложений, идиоматических выражений, сверхфразовых единств и т. п. Под «лингвосапиентемой» обычно понимают сверхконцепт, включающий в себя как концепты лексического фона, так и речеповеденческой тактики. В трактовке В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой [4] термин «культуруним» является объектом дисциплины «Интерлингвокультурология» и охватывает языковые единицы разных языков, закреплённых за элементами разных культур (в отличие

от монокультуральной «лингвокульту-ремы»). При этом культуронимы можно разделить на три подвида: полионимы (культуронимы, универсальные для многих культур мира), идионимы (типичные для конкретной культуры языковые элементы, как правило, беспереvodные единицы) и ксенонимы (лексико-грамматические единицы данного языка для наименования иноязычных культурных объектов). Встречающийся также в исследованиях термин «лингвоидиологема» идёт своими корнями к теории идиологе-мы М. М. Бахтина и используется в качестве экспликации какой-либо идеологии. В понятийный аппарат науки «траду-лингвокультурологии» (направления, изучающего соответствия лингвокульту-рем одной лингвокультуры в переводных иноязычных текстах других лингвокульту-тур), как правило, включают такие термины, как «традуктема» и «традуктемная капсула». При этом под «традуктемой» обычно подразумевают лексико-семан-тическое единство, содержащее в себе иноязычное соответствие лингвокульту-реме языка-источника в переводном тексте. По определению А. С. Овчинниковой [13, с. 20–21] традуктема может быть нулевой (если даётся буквальный перевод, не отражающий семантическую конфигурацию лексико-грамматической единицы языка-источника). Из перечисленных терминов для проведения сопоставительного анализа переводческих решений и описания методов перевода нам кажутся наиболее удачными «лингвокультурема», «концепт» и «традуктема» в вышеуказанных трактовках, хотя все упомянутые термины широко распространены в лингвистической литературе.

Переводческие манипуляции: дискурсивно-коммуникативный подход

Достижение корректности перевода обусловлено, прежде всего, поиском адекватного эквивалента на другом языке в зависимости от типа дискурса. К

примеру, английское существительное “commitment” может быть переведено на русский язык в разговорно-бытовом или массово-информационном дискурсе как «обязательство, приверженность», а в юридическом контексте – как «заключение под стражу, ордер на арест». Корректным русскоязычным эквивалентом слова “garnishment” будет «украшение», а в качестве юридического термина – «наложение ареста на имущество должника у третьего лица или на суммы, причитающиеся должнику с третьего лица» (*garnishment of account / of wages* – наложение ареста на счёт в банке / на заработную плату). В некоторых случаях наблюдается вариативность лексико-семантической конфигурации одного и того же термина в рамках одного дискурса: например, слово “custody”, в разговорно-бытовом дискурсе переводимое как «попечение, защита, охрана», в юридическом дискурсе может быть переведено как «тюремное заключение, лишение свободы» в уголовном праве, как «опека, опекунство» в семейном праве или как «забота о сохранности информации» (например, в базах данных) в информационном праве.

В новых научно-технических терминосистемах в языке-доноре и в языке-реципиенте (например, в паре английский – русский), как правило, не существует полностью устоявшихся корреляций национальных терминологий, что чётко прослеживается на примере беспилотных летательных аппаратов [19], кардиохирургии [18], электроэнергетики [8] и некоторых других сфер человеческой деятельности (см. [1; 3; 6–8; 14; 15; 20] и др.) и создаёт дополнительные трудности при переводе. В ориентированных на профессионалов текстах для обозначения «беспилотных летательных аппаратов», например, не всегда будет приемлем термин “drone” (дрон), так как он может применяться и для наименования малогабаритного летательного аппарата (в том числе для видеосъёмки), и для используемого в военных целях оружия.

В зависимости от целевой аудитории переводимого текста переводчик должен сделать выбор между такими терминами, как “Copter”, “Unmanned Aerial Vehicles” (UAV), “Remotely Piloted Aircraft” (RPA), “Unmanned Aircraft Systems” (UAS), “Remotely Piloted Aircraft System” (RPAS). На основании данных корпуса English Web 2020 (enTenTen20)¹ дистрибуцию данных терминов можно описать следующим образом [19]: UAS и RPAS находим в официальных документах национального и международного уровней; UAV и “drone” – для обозначения аппаратов гражданского и военного назначения в разных контекстах (при этом они понимаются в английском языке как видовое и родовое понятия); лексическая единица “copter” используется, когда речь идёт о беспилотном летательном аппарате с соосно расположенными моторами, как правило, квадрокоптере и его инженерных производных, или в случае сокращения от английского “helicopter” (вертолёт). Непростыми при переводе на русский язык могут быть и сокращения англоязычных терминологических словосочетаний с предлогом или союзом, нередко подвергающиеся компрессии с полным или частичным устранением служебных слов, например: DBSCAN (*Density-Based Spatial Clustering of Application with Noise*) – «плоскостный алгоритм кластеризации», AoA (*Angle of Arrival*) – «угол прибытия» в лексико-семантическом поле беспилотных летательных аппаратов и авиастроения.

Перевод текстов в рамках юридического дискурса обычно связан со сравнительным правоведением, проводящим сопоставительный анализ правовых систем разных государств, принципов правосудия и правовых норм, нередко одноимённых государственных и правовых институтов [1; 6; 7; 14]. Более того, при переводе нормативных актов и текстов законодательного типа, как правило,

необходимо достижение соответствия выбранного переводческого эквивалента терминологии законодательства страны языка-источника, в то время как в информативных ознакомительных текстах для общечитательской аудитории может быть достаточно свободного перевода терминов и контекстного комментария (см. примеры в: [1; 6; 7; 14; 21]). К примеру, в соответствии со статьёй 15 «Категории преступлений» Уголовного кодекса РФ² противоправные деяния, в зависимости от характера и степени общественной опасности, подразделяются на:

- преступления небольшой тяжести (за совершение которых максимальное наказание не превышает трёх лет лишения свободы);

- преступления средней тяжести (под которыми подразумеваются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы);

- тяжкие преступления (под которыми подразумеваются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы);

- особо тяжкие преступления (под которыми подразумеваются умышленные деяния, за совершение которых назначается наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание).

В системе общего права англоязычных стран находим только две основные категории правонарушений и соответственно два специализированных термина для обозначения типов преступлений

¹ enTenTen: Corpus of the English Web [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/ententen-english-corpus/> (дата обращения: 12.12.2022).

² См.: Уголовный кодекс РФ. Статья 15. Категории преступлений [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/33DvoB> (дата обращения: 12.12.2022).

“felony” и “misdemeanour” (нередко выделяют также третий тип правонарушений “administrative infraction”). При этом англоязычные источники обычно определяют “felonies” как “serious crimes that normally have a punishment of more than a year in prison” (серьёзные преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года), а “misdemeanours” как “less serious crimes where the penalty is usually less than a year in jail or even just a fine” (менее серьёзные преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее одного года или только штраф). При этом “misdemeanours”, как правило, имеют дополнительные буквенные обозначения, соответствующие степени тяжести: за правонарушение класса А предусмотрено тюремное заключение от 6 месяцев до 1 года, за правонарушение класса Б – лишение свободы от 30 дней до 6 месяцев. Указанная классификация (felony / misdemeanour) влияет на правовые последствия осуждения (например, тяжкое преступление “felony” может повлечь за собой потерю гражданских прав), на режим отбывания наказания, на разные условия ареста и другие процессуальные особенности расследования дела.

Что касается термина “administrative infraction”, то его можно перевести на русский язык как «административное правонарушение, административный проступок», и в правовой системе США он рассматривается в совокупности без какого-либо разграничения значений. В законодательстве РФ административное правонарушение определено как противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность (ст. 2.1. КоАП РФ¹). Объектами посяательства

при административных правонарушениях могут быть собственность, здоровье населения и общественная нравственность, общественный порядок, экология и т. д. При этом в трудах российских правоведов используются оба термина: и «административное правонарушение», и «административный проступок». Уточним при этом, что отрасли права в правовой системе РФ (в частности, административного и уголовного) чётко разграничены, и между ними нет пограничного состояния.

В конце XX в. (в 80-е – начале 90-х гг.) в англоязычных странах, в частности в США, Великобритании, Канаде, была ещё распространена классификация преступлений, основанная на порядке рассмотрения дела, на базе которой выделялись следующие типы правонарушений:

– *summary offence* (преступление, рассматриваемое в режиме упрощённого (ускоренного / суммарного) производства, – коррелирует с «особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» в законодательстве РФ (см. об этом подробно в [7]));

– *indictable offence* (правонарушение, преследуемое по обвинительному акту, часто рассматриваемое судом присяжных и нередко относящееся к категории особо тяжких преступлений);

– *offence triable either way* (или *hybrid offence*) – данным термином обозначалась группа правонарушений, которые могли преследоваться как в порядке упрощённого производства (при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением), так и по обвинительному акту. Решение о порядке производства по делу принималось во время предварительных слушаний (или специальным органом).

Как видно из приведённых выше классификаций правонарушений, в англосаксонском прецедентном праве и в российском законодательстве, основанном на принципах романо-германской правовой семьи, наблюдается несоответствие

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях РФ. Статья 2.1. Административное правонарушение [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/32ed9Q> (дата обращения: 12.12.2022).

категорий преступлений, что вызывает определённые трудности при переводе. В связи с этим в англоязычном варианте статьи 15 УК РФ термин «преступления небольшой тяжести» был переведён как “crimes of little gravity”, «преступления средней тяжести» – как “crimes of average gravity” и “medium-gravity crimes”, «тяжкие преступления» – как “grave crimes”, «особо тяжкие преступления» – как “especially grave crimes” (без использования слов “felony” и “misdemeanour”). Подобные сложности при передаче семантической конфигурации юридических терминов и понятий на другой язык наблюдаются и во многих других случаях (см. примеры в: [1; 5; 6; 7; 14; 21]).

Считаем целесообразным уточнить в данном контексте, что некоторые исследователи вообще считают достижение эквивалентности при переводе юридических текстов невозможным [22; 23]. Сторонники данной точки зрения ссылаются при этом на несовпадение по объёму значения и сферам употребления в разных юрисдикциях некоторых лингвистически эквивалентных терминов, на вариативность взаимосвязи концептов и понятий и их значимости в разных правовых системах [23, р. 8–12], на наличие в юридическом дискурсе непереводаемых языковых единиц (т. е. чуждых языку-реципиенту понятий и реалий) [22, р. 91]. Приверженцы противоположного подхода (см. [1; 5; 6; 7; 14; 21] и др.) обычно акцентируют внимание на возможности найти корректное переводческое решение с помощью контекстного комментария, лексико-семантического расширения и иных переводческих приёмов даже в случае принадлежности языка-донора и языка-реципиента к разным правовым системам, а также приводят в своих работах множество примеров поиска адекватного эквивалента юридических терминов в других языках.

Встречаются случаи сужения, расширения или изменения лексико-семантического значения переводных единиц

в языке-реципиенте по сравнению с их первоначальным значением в языке-доноре: например, с юридическими терминами “compliance-control” / «комплаенс-контроль» [7, с. 59], “novation” / «новация» [7, с. 81] и некоторыми другими [1; 7]. Частичное изменение семантической конфигурации можно проследить, на наш взгляд, со словом «хайп». Русскоязычные неологизм «хайп» воспринимают, с одной стороны, как кальку от английского слова *hype* со значением «агрессивной рекламы с целью формирования предпочтений потребителя, шумихи», т. е. используют в отношении бренда или человека, популярность которого пытаются искусственно раздуть (например, см. статью в газете «Мир новостей» от 26 мая 2021 года под заголовком «Пранк ради хайпа»¹, в которой речь идёт о блогере Эдуарде Биле, много раз пытавшемся, по мнению автора, устроить хайп ради своей популярности, в том числе пранк в магазине бытовой техники, где Биль на камеру издевался над продавцом, а затем ударил ногой подошедшего охранника, массовое ДТП 1 апреля 2021 года, виновником которого был Биль, и т. п.). С другой стороны, неоднократно встречаем в СМИ термин «хайп-проект», где словоформа «хайп» воспринимается как калька от англоязычной аббревиатуры *HYIP (High Yield Investment Program)*, расшифровываемой как «высокодоходный инвестиционный проект» и изначально понимаемой именно в этом значении, но в последние годы используемой в средствах массовой информации РФ, как правило, в значении «мошеннического проекта»². Приведём несколько текстовых фрагментов с примерами из статьи в газете «Мир новостей» от 19 октября 2022 года под заголовком «Разорительная игра в пирамиду»²: «У хайп-проектов небольшой срок деятельности» (речь здесь

¹ См.: Пранк ради хайпа // Мир новостей. 2021. № 22 (1431). С. 6.

² См.: Казанцева Е. Разорительная игра в пирамиду // Мир новостей. 2022. № 43 (1504). С. 6.

идёт о крупных отечественных пирамидах Finiko и «Кешбери», проработавших от 1 года до 2 лет); подзаголовок «Как отличить хайп-проект» (перечисляются отличительные признаки: очень высокий нереальный процент доходности, необходимость привлечения новых клиентов под лозунгами «партнёрских программ», броский дизайн в стиле «сногшибательный успех» с рассказом в 2-3 абзацах об источнике заработка); «Как только приток новых средств начинает ослабевать или, наоборот, достигает максимальных результатов, выплаты прекращаются и хайп-проект закрывается»; «Средняя доходность хайп-проекта составляет 6–40% в месяц или 72–480% в год». Как видно из приведённых примеров, в данном случае наблюдается частичное изменение семантической конфигурации лексической единицы «хайп» в термине «хайп-проект» в языке-реципиенте по сравнению с её первоначальным значением в языке-источнике.

Поскольку выбор эквивалента на другом языке связан с проблемой восприятия лексической единицы иноязычной аудиторией, то поиск адекватного способа передачи информации может привести к неожиданным переводческим решениям. К примеру, прямо в тексте может быть дан переводческий комментарий или расшифровка значения транскрибированного, транслитерированного или указанного на языке оригинала термина: «Операция “кэрри трейд” (стратегия получения прибыли на валютном рынке за счёт разной величины процентных ставок. – **Прим. ред.**)»; «Американские хеджфонды (инвестиционные фонды, которые объединяют деньги инвесторов и вкладывают их с целью получить максимальную прибыль при наименьших возможных рисках. – **Прим. ред.**) при попустительстве Банка России и с участием российских банков систематически играли на обвал курса рубля, а ЦБ после этого

взвинчивал ставку процента»¹; «Наталья Касперская заявила, что при использовании биометрии возникает “чудовищная проблема” – технология глубокой подделки Deepfake (подделка на фотографии, видео внешности и голоса человека, неотличимых от оригинала)»².

Нередко можно встретить параллельное употребление автором как англоязычных терминов и их аббревиатур, так и эквивалентов этих словосочетаний на русском языке: «Станет ли Земля “планетой оспы обезьян?” Другими словами, разразится ли пандемия №2 нынешнего столетия на основе вируса обезьяньей оспы monkeypox?»; «В марте 2021 года Фонд NTI (Nuclear Threat Initiative, инициатива по ядерной угрозе) провёл штабные учения по распространению в мире обезьяньей оспы»; «Головной разработчик американского биооружия НИИ медицины инфекционных заболеваний армии США (USAMRIID) Форт-Детрик, штат Мэриленд, давно работал с вирусом натуральной оспы и вирусом обезьяньей оспы якобы для создания вакцины»³; «В качестве основного куратора темы биооружия выступает Национальная межведомственная конфедерация биологических исследований (NICBR, на сленге тамошних чиновников – «Ник Бур»), располагающаяся в Форт-Детрик»; «Головным испытателем биооружия является НИИ сухопутных войск имени Уолтера Рида (Walter Reed Army Institute of Research – WRAIR)»; «Еще один разработчик и испытатель – Институт морских медицинских исследований (Naval Medical Research Institute – NMRI)»; «И вот еще одна важная структура – Национальный центр биотехнологической информации

¹ См.: Глазьев С., Митяев Д. Российская экономика недосчиталась триллиона долларов. И это не предел? // Аргументы недели. 2022. № 28 (823). С. 6.

² См.: Воробьев А. Биометрия в решетке // Мир новостей. 2022. № 50 (1511). С. 2.

³ См.: Садовников А. Оспа обезьян – лабораторный продукт США и Британии? // Аргументы недели. 2022. № 20 (815). С. 6. Далее – Садовников А. Оспа обезьян – лабораторный продукт США и Британии?

(The National Center for Biotechnology Information – NCBI) при Национальном институте здоровья (NIH) США»¹; «Владельцем товарных знаков завода с эмблемой “Москвич” с 2009 г. является германская фирма Volkswagen AG (“Фольксваген”), однако выпуск самих машин под этой торговой маркой возобновлять не стала и перевела автомобильный бренд “Москвич” в разряд “спящих”»; «В мае французский автоконцерн Renault практически передал свой завод “Рено Россия” (то, что от АЗЛК осталось) правительству Москвы»². Параллельное употребление в одном и том же тексте англоязычных терминов и сокращений и их эквивалентов на русском языке довольно часто встречается в наши дни в средствах массовой информации, что можно подтвердить большим количеством примеров.

Хотелось бы при этом уточнить, что в переводческой практике всегда было принято наименования промышленных концернов и различных фирм транскрибировать, а сокращения, как и названия газет и журналов, – транслитерировать или оставлять на языке оригинала. К примеру, в номере газеты «Мир новостей» от 14 декабря 2022 г. находим перевод названия *Facebook*³ посредством транскрибирования: «И сегодня даже “Фейсбук” Цукерберга позволяет своим пользователям прославлять батальон “Азов”»⁴. А в статье «Аномальная

слежка через смартфоны»⁶ в номере газеты «Мир новостей» от 4 января 2023 г. находим упоминание названия фирмы *Anomaly 6* на языке оригинала шесть раз, например: «Малоизвестная компания *Anomaly 6* (A6) занимается в нарушение международных и национальных законов распространением передовых технологий слежки через смартфоны»; «*Anomaly 6* собирает из смартфона информацию» и др. Вот ещё несколько примеров такого рода: «В сентябре 2019 года, накануне пандемии COVID-19, USAMRIID протестировал новую комбинированную вакцину JYNNEOS, которая была разработана датско-германской биотехнологической фирмой *Bavarian Nordic*»; «Кстати, упомянутая *Bavarian Nordic* 19 мая объявила о заключении контракта с европейской страной, которая не разглашается, на поставку вакцины против оспы *IMVANEX*® в ответ на новые случаи обезьяньей оспы»⁷. Упоминание в СМИ на языке оригинала названий газет, журналов, телеканалов, новостных сайтов, названий фирм и коммерческих программ, а также их аббревиатур – это распространённое явление. На второй странице газеты «Аргументы недели» от 7 декабря 2022 г.⁸ видим неоднократное упоминание названий газет *The Washington Post* и *The Global Times* на языке оригинала без перевода на русский язык. В СМИ можно встретить огромное количество текстовых фрагментов типа: «независимый американский новостной сайт *The Grayzone* пишет ...»; «компания заключила соглашение с такой же частной компанией военной разведки *Prevail Partners*»; «Новостная *Mint Press* пишет ...»; «Американская деловая газета *The Wall Street Journal* указывает ...»⁹; «Как пишет британский журнал *The Economist*, несмотря

¹ См.: Садовников А. Как работает программа американского биооружия // Аргументы недели. 2022. № 21 (816). С. 11. Далее – Садовников А. Как работает программа американского биооружия.

² См.: Леонов В. Китайский автопром как пример лентяям всего мира // Аргументы недели. 2022. № 48 (843). С. 4.

³ Facebook принадлежит компании Meta – признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Признан террористической организацией и запрещён в Российской Федерации.

⁵ См.: Иванов Н. Фашизм на службе западной демократии // Мир новостей. 2022. № 51 (1512). С. 9. Далее – Иванов Н. Фашизм на службе западной демократии.

⁶ См.: «Аномальная» слежка через смартфоны // Мир новостей. 2022. № 2 (1515). С. 4.

⁷ См.: Садовников А. Оспа обезьян – лабораторный продукт США и Британии?

⁸ См.: Аргументы недели. 2022. № 48 (843). С. 2.

⁹ См.: Аргументы недели. 2022. № 48 (843). С. 2.

на введенные ограничения, “экспорт сырой нефти из России остался на прежнем уровне, а цена нефти марки Urals близка к среднему уровню 2014–2020 годов”»; «в выходящей в Вашингтоне политической газете The Hill»; «все тот же журнал The Economist хорошо описал ...»¹; «Veterans Today пишет ...»; «Veterans Today цитирует офицера ЦРУ, заявившего ...»²; «В своем интервью The Guardian перебежчик утверждал, что ...»; «”Всякий, кто так поступит, пустит свою жизнь под откос”, – передает The Intercept»; «в беседе с телеведущим NBC Брайаном Уильямсом»³; «Из штаб-квартиры MI-6 в Лондоне ...»; «став агентом MI-6 ...»; «Четверо бодигардов из числа бывших бойцов SAS охраняют покой престарелой четы Зеленских ... Да плюс содержание двух бронированных Lexus LX тоже обходится в немалую копеечку»⁴; «Сбор зоонозных вирусов, имеющих потенциал перехода с животного на человека, США ввели в рамках программы PREDICT с 2009 по 2019 год»⁵; «Это не лазер, а похожий на него аппарат NanoFrazor ... С помощью NanoFrazor была изготовлена не только сама пластинка, но и вырезана на ее поверхности спираль с зашифрованной мелодией»⁶ и др. В новостной ленте Яндекса 25 декабря 2022 г. находим упоминание информационного агентства Reuters, новостного канала Fox News, а также немецких, французских и британских газет Die Welt, Die

Zeit, Le Figaro, Reseau International, The Telegraph, Daily Mail на языке оригинала без перевода. Приведем несколько текстовых фрагментов из новостной ленты упомянутой даты: «читателей Daily Mail возмутило рождественское обращение Зеленского»; «ведущий Fox News Карлсон назвал ложью года обвинения в адрес России в подрывах Nord Stream»; «читатели The Telegraph раскритиковали Байдена за ультиматум в адрес Лондона». Подобные примеры можно найти в новостных лентах Яндекса ежедневно.

Употребление на языке оригинала названий газет, журналов, информационных агентств и некоторых брендов типа «комплексы ПВО Patriot» предполагает не только понимание русскоязычной аудиторией семантической конфигурации данных лексических единиц, но и знание произносительной нормы всех этих названий на разных языках. И если преподавание английского языка доминирует во всех школах России в последние годы, то основами французского, испанского, немецкого, арабского и других языков владеют лишь немногие граждане. Однако, общепринятый переводческий стандарт именно таков.

Как известно, для более качественного перевода текстов, помимо транскрибирования и транслитерации, используют также такие приемы, как калькирование, переводческий комментарий, лексико-семантическую замену. В некоторых случаях употребление названий фирм или коммерческих программ на языке оригинала без перевода на русский язык, на наш взгляд, может быть не совсем корректно по отношению к не владеющим иностранными языками читателям, например, использование англоязычной версии лексической единицы *Spill Over* в следующем текстовом фрагменте: «Сейчас это направление продолжается в рамках программы Spill Over, но теперь, кроме Азии, работа ведется еще в Африке и

¹ См.: Крестьянинов В. Новый план США – морские пираты против России // Аргументы недели. 2022. № 48 (843). С. 10.

² См.: Иванов Н. Фашизм на службе западной демократии.

³ См.: Кондрашов А. Новый паспорт Эдварда Сноудена // Аргументы недели. 2022. № 48 (843). С. 20.

⁴ См.: Кондрашов А. Неудавшийся заговор. Как MI-6 спасла своего агента Зеленского // Аргументы недели. 2022. № 20 (815). С. 20.

⁵ См.: Садовников А. Как работает программа американского биооружия.

⁶ См.: Поплавская О. Новый рекорд! Крохотная пластинка с рождественской мелодией // Мир новостей. 2023. № 2 (1515). С. 21. Далее – Поплавская О. Новый рекорд! Крохотная пластинка с рождественской мелодией.

Латинской Америке»¹. Название мелодии на английском языке без перевода также может быть не очень понятно русскоязычной аудитории, не имеющей хорошей подготовки по иностранным языкам: «На нее² поместились только первые 25 секунд узнаваемой рождественской мелодии Rockin' around the Christmas Tree»³.

Заключение

Особенности применения различных переводческих стратегий и тактик, конкретных языковых трансформаций и деформаций обусловлены необходимостью преодоления межъязыкового и лингвокультурного барьеров для достижения адекватного восприятия иноязычного текста аудиторией. Переводной текст, как художественных произведений, так и ма-

териалов гуманитарных и точных наук, представляет собой социокультурный объект познания лингвокультурологического и культурно-исторического своеобразия многоуровневой языковой системы языка-источника. Соответственно качество адаптивного перевода во многом зависит от выбранных переводчиком деформационных и трансформационных моделей с учётом семантических, прагматических и информационно-коммуникативных особенностей переводимого текста.

Изучение различных моделей перевода и теоретических положений переводоведения позволяет сделать вывод об эволюционном переходе в последние десятилетия от лингвоцентристских переводческих теорий к культурологически ориентированным подходам, что создаёт необходимый фон для дальнейшей разработки проблем межкультурной коммуникации и сопоставительно-сравнительной типологии.

Дата поступления в редакцию 12.01.2023

¹ См.: Садовников А. Как работает программа американского биооружия.

² Речь в статье идёт о микроскопической музыкальной пластинке шириной 14 микрон и диаметром 40 микрон с записанной на ней рождественской песней, созданной учёными из Датского технического университета в единственном экземпляре.

³ См.: Поплавская О. Новый рекорд! Крохотная пластинка с рождественской мелодией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М.: Изд-во РУДН, 2008. 198 с.
2. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.
3. Жаманова Ю. В. Ошибки передачи профессиональной коммуникации наземного персонала (на материале перевода на русский язык романа А.Хейли «Аэропорт») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-2-77-86.
4. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие для вузов; 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 250 с.
5. Калиновская В. В. Страноведческий компонент в преподавании английского юридического языка // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании: материалы IV Московского юридического форума. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). М.: РГ-Пресс, 2017. С. 115–120.
6. Лебедева А. А. К вопросу о проблемах корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 96–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105.
7. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста: монография; 2-е изд., расш. и доп. М.: Де'Либри, 2018. 282 с.
8. Максимова Н. В. Современная электроэнергетическая терминология: структурный и семантический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 25 с.

9. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. 175 с.
10. Марчук Ю. Н. Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6-2. С. 70–73.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 413 с.
13. Овчинникова А. С. Сопоставительный анализ лингвокультурем и их соответствий в разноструктурных языках (на примере поэтических текстов В. С. Высоцкого и их переводов на английский, немецкий, испанский, итальянский и французский языки): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 28 с.
14. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантичность английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193.
15. Рзаева С. М. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский (на материале он-лайн газет и социальных сетей): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021. 23 с.
16. Сунь Синкай. Лингвокультурологические особенности перевода художественного произведения Николая Островского «Как закалялась сталь» с русского языка на китайский и английский: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 31 с.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2004. 350 с.
18. Ущенко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
19. Хухуни И. Г. Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 24 с.
20. Цепков И. В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 247 с.
21. Cao D. Translating Law. Buffalo: Multilingual Matters Ltd, 2007. 240 p. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
22. Sarsevic S. New Approach to Legal Translation. London: Kluwer Law International, 2000. 308 p.
23. Translation Issues in Language and Law / eds. Olsen F., Lorz A., Stein D. New York: Palgrave MacMillan, 2009. 245 p.

REFERENCES

1. Atabekova A. A. *Inoyazychnyye spetsial'nyye kontsepty v mezhkul'turnoy professional'no-oriyentirovannoy kommunikatsii* [Foreign language special concepts in intercultural professionally oriented communication]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 198 p.
2. Volkova T. A. *Diskursivno-kommunikativnaya model' kak sistema determinant strategii perevoda: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Discursive-communicative model as a system of determinants of the translation strategy: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 35 p.
3. Zhamanova Yu. V. [Incorrect interlinguistic transfer of ground services' professional vocabulary in a literary text (Russian translation of "Airport" by A. Hailey)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 2, pp. 77–86. DOI: 10.18384/2310-712KH-2017-2-77-86.
4. Kabakchi V. V., Beloglazova Ye. V. *Vvedeniye v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to interlinguoculturology]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 250 p.
5. Kalinovskaya V. V. [Country-specific component in teaching the English legal language]. In: *Pravo I ekonomika: mezhdistitsiplinarnyye podkhody v nauke i obrazovanii: materialy IV Moskovskogo yuridicheskogo foruma. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya)* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education: Proceedings of the IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings)]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 115–120.
6. Lebedeva A. A. [On the problem of correct legal terminology interlingual semantic transference]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 96–105. DOI: 10.18384/2310-712KH-2022-2-96-105.

7. Lebedeva A. A. *Osnovnyye printsipy professional'no oriyentirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov yuridicheskikh spetsial'nostey: formirovaniye professional'noy lingvokul'turologicheskoy modeli yurista* [Basic principles of professionally oriented foreign language teaching for students of legal specialties: formation of a professional linguocultural model of a lawyer]. Moscow, De`Libri Publ., 2018. 282 p.
8. Maksimova N. V. *Sovremennaya elektroenergeticheskaya terminologiya: strukturnyy i semanticheskiy aspekty: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Modern electric power terminology: structural and semantic aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2020. 25 p.
9. Marchuk Yu. N. *Modeli perevoda* [Models of translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 175 p.
10. Marchuk Yu. N. [Translation and language teaching]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011. no. 6-2, pp. 70–73.
11. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
12. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Nauka o perevode* [The Science of Translation]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 413 p.
13. Ovchinnikova A. S. *Sopostavitel'nyy analiz lingvokul'turem i ikh sootvetstviy v raznostrukturnykh yazykakh (na primere poeticheskikh tekstov V. S. Vysotskogo i ikh perevodov na angliyskiy, nemetskiy, is-panskiy, ital'yanskiy i frantsuzskiy yazyki): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Comparative analysis of linguistic cultures and their correspondences in languages of different structure (on the example of V. S. Vysotsky's poetic texts and their translations into English, German, Spanish, Italian and French): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 28 p.
14. Ozyumenko V. I., Chilingaryan K. P. [Polysemy of English legal lexis and the problems of translation]. In: *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2015, no. 2, pp. 180–193.
15. Rzaeva S. M. *Osobennosti perevoda neologizmov s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale on-layn gazet i sotsial'nykh setey): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Features of the translation of neologisms from English into Russian (on the basis of online newspapers and social networks): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 23 p.
16. Sun Xing kai. *Lingvokul'turologicheskiye osobennosti perevoda khudozhestvennogo proizvedeni-ya Nikolaya Ostrovskogo «Kak zakalyalas' stal'» s russkogo yazyka na kitayskiy i angliyskiy: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural features of the translation of Nikolai Ostrovsky's literary work "How the Steel Was Tempered" from Russian into Chinese and English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 31 p.
17. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Moscow State University Publ., 2004. 350 p.
18. Ushchenko O. I. *Osobennosti formirovaniya terminologicheskikh podsystem (na materiale terminologii kardiokhirurgii v angliyskom i russkom yazykakh): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Features of the formation of terminological subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2021. 24 p.
19. Khukhuni I. G. *Formirovaniye novoy nauchno-tekhnicheskoy terminosistemy (na materiale bespilotnykh letatel'nykh apparatov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Formation of a new scientific and technical terminological system (based on unmanned aerial vehicles): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 24 p.
20. Tsepkov I. V. *Lingvokul'turologicheskiye i pragmaticheskiye faktory perevoda terminov-realiy: diss. ... kand. filol. nauk* [Linguoculturological and pragmatic factors in the translation of realia terms: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 247 p.
21. Cao D. *Translating Law*. Buffalo, Multilingual Matters Ltd, 2007. 240 p. (Series: Topics in Translation, vol. 33).
22. Sarsevic S. *New Approach to Legal Translation*. London, Kluwer Law International, 2000. 308 p.
23. Olsen F., Lorz A., Stein D., eds. *Translation Issues in Language and Law*. New York, Palgrave MacMil-lan, 2009. 245 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

e-mail: lebsuch@yandex.ru

Новикова Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия;

e-mail: Novikova_mg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Lebedeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department head, Department of foreign languages, All-Russian State University of Justice;

e-mail: lebsuch@yandex.ru

Marina G. Novikova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of foreign languages, Russian State University of Justice;

e-mail: Novikova_mg@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедева А. А., Новикова М. Г. Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 84–97.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-84-97

FOR CITATION

Lebedeva A. A., Novikova M. G. Sociocultural and pragmatic adaptation in translation: discourse and communication approach. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 84-97.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-84-97

УДК 82-193.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108

СТРУКТУРА ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СУБЪЕКТНО-АДРЕСАТНЫЙ АСПЕКТ

Новикова К. А.*Кубанский государственный университет**350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов.**Процедура и методы.** Проведён сравнительный анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей к структурным особенностям энигматических текстов. Для выявления субъектов речи, типов и особенностей субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов использовались метод сплошной выборки, методы контекстуального и структурно-семантического анализа.**Результаты.** Исследование показало разнообразие субъектов речи в авторских энигматических текстах. Типы субъектно-адресатной структуры энигматических текстов, субъектом речи в которых выступает персонифицированный энигмат, демонстрируют различия в степени языкового взаимодействия нарратора и наррататора и эксплицитной реализации их ролей во внутритекстовой коммуникации.**Теоретическая и практическая значимость.** Полученные выводы вносят вклад в изучение авторских энигматических текстов. Языковой материал может быть использован в курсах по теории текста, стилистике, лингвопрагматике.**Ключевые слова:** адресат, наррататор, нарратор, субъект речи, субъектно-адресатная структура, энигмат, энигматический текст

THE STRUCTURE OF AN ENIGMATIC TEXT: THE SUBJECT-ADDRESS ASPECT

K. Novikova*Kuban State University**ulitsa Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the peculiarities of the subject-addressee structure of the author's enigmatic texts.**Methodology.** A comparative analysis of domestic and foreign researchers' approaches to the structural features of enigmatic texts has been carried out. The authors of the article used the continuous sampling method, methods of contextual and structural-semantic analysis to reveal subjects of speech, types and peculiarities of subject-addressee structure of the author's enigmatic texts.**Results.** The research revealed a diversity of speech subjects in the author's enigmatic texts. The types of subject-addressee structure of enigmatic texts, with a personified enigmatic subject of speech, demonstrate the differences in the degree of linguistic interaction between a narrator and a narratee and an explicit realization of their roles in the intra-text communication.**Research implications.** The findings contribute to the study of author's enigmatic texts. The linguistic material can be used in the courses on text theory, stylistics, linguopragmatics.**Keywords:** addressee, narratee, narrator, subject of speech, subject-addressee structure, enigma, enigmatic text

Введение

Изучение структурных особенностей энигматических текстов в русле антропоцентрического подхода непосредственно касается вопросов взаимодействия адресанта и адресата данных текстов. Целью нашего исследования является выявление особенностей субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов. Для реализации цели исследования в работе решаются следующие задачи: рассмотрение подходов к изучению структуры энигматического текста; определение субъектов речи авторских энигматических текстов; выделение типов субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов и описание их особенностей.

Новизна работы заключается в том, что впервые удаётся представить особенности субъектно-адресатной структуры авторских энигматических текстов именно на материале немецкого языка.

Материалом исследования послужили более 900 литературных немецкоязычных энигматических текстов, авторами которых являются писатели и поэты второй половины XVIII – первой половины XX вв.: И. К. Ауэрнхаммер (1793–1862), Э. Бушор (1886–1961), Ф. фон Эльсхольц (1791–1872), И. Ф. Кастелли (1781–1862), К. Т. Кёрнер (1791–1813), К. А. Кортум (1745–1824), Г. Х. Мостар (1901–1973), К. Тёпфер (1792–1871), И. Г. Тиле (1745–1824), И. П. Хебель (1760–1826), Ф. Шиллер (1759–1805), Ф. Шлейермахер (1768–1834) и др.

Обзор подходов к рассмотрению структурных особенностей энигматического текста

В отечественном и зарубежном языкознании подчёркивается структурное многообразие загадки как основного репрезентанта энигматических текстов [2; 18; 20; 22], а структура загадки анализируется с точки зрения разных подходов. Первые описания структурной органи-

зации касались исключительно вопросительной части загадки (энигматора), то есть отгадка (энигмат) оставалась за пределами научного интереса. Так, Р. Печ в 1899 г. выделил пять структурных элементов загадки: вводный рамочный, центральный называющий, центральный описательный, затрудняющий, заключительный рамочный. Рамочные элементы не являются неотъемлемой частью всех загадок и содержат, как правило, обращение к адресату, призыв к отгадыванию или указание на место событий, описываемых в загадке. Центральные называющие и описательные элементы – это замещающие и характеризующие энигмат языковые единицы. Затрудняющий элемент создаётся посредством кажущегося противоречия описываемых признаков энигмата и, также как и рамочные элементы, может отсутствовать в тексте загадки [20, р. 49–131]. Представления Р. Печа об организации загадки находят своё отражение в работах А. Тэйлора, Р. А. Жоржа, А. Дандеса и А. Шёнфельда, фокус исследования которых также сосредоточен на вопросной части энигматических текстов [21]. В 80-е гг. XX в. появляются исследования, объектом которых выступает структура загадки как совокупности вопросной и ответной частей. Обращаясь к терминологическому аппарату логики, Э. Кёнгес-Маранда выделяет следующие структурные составляющие загадки: явный термин (означающее метафоры, центральный компонент образной части), скрытый термин (означаемое, то есть отгадка), постоянная истинная посылка (характеристика, верная для означающего и означаемого), скрытые и явные переменные посылки (характеристики, указывающие на некоторое несоответствие означающего действительности и на условия, при которых означающее верно). Исследователь акцентирует внимание на том, что именно переменные посылки имеют приоритетное значение для нахождения скрытого термина [6, с. 256–257].

Семантическая структура загадки также рассматривается Ю. И. Левиным [11], А. Н. Журиным [5], А. Е. Туниным [15], А. Р. Махтаруллиной, Г. Р. Туктаровой [13] и др. При анализе структурных элементов Ю. И. Левин исходит из того, что загадка представляет собой «трансформированное» описание энigmaty, и выделяет ряд описательных элементов и типов их преобразования, применяя для их обозначения буквы латинского алфавита и репрезентируя каждую загадку в виде формулы. Кроме этого, вводится понятие point – «структурное начало в загадке, обычно несущее в себе элемент неожиданности – то, что выделяет загадку из класса обычных фраз, делая ее художественно значимой» [11, с. 293]. Внутренний семантический point затрагивает только вопросительную часть загадки, а внешний семантический point реализуется посредством непредсказуемого и необычного соотношения энigmaty и энigmaty и связан с эффектом обманутого ожидания [11, с. 283–302]. Видение семантической структуры загадки А. Р. Махтаруллиной и Г. Р. Туктаровой представляется более лаконичным и включает три структурообразующих элемента: денотат (закодированный объект); заместительный объект, имеющий общие характеристики с денотатом; описание, верное для заместительного объекта и для денотата [13, с. 129].

Ряд современных лингвистов исследует организацию загадки с точки зрения когнитивного подхода [1; 4; 7; 13]. По мнению М. Л. Ковшовой и О. С. Орловой, загадка является сложным знаком, части которого – исходный денотат и преобразованный денотат – дистанцированы друг от друга с определённой игровой интенцией. Дистанцирование осуществляется по субъектному, темпоральному и локальному аспектам: адресант / адресат; произнесение (чтение) преобразованного денотата происходит ранее воспроизведения исходного денотата; размещение исходного денотата в скобках или в от-

дельной части сборника. Декодирование преобразованного денотата приводит к закреплению «воссоединённого» знака в сознании адресата. М. Л. Ковшова и О. С. Орлова акцентируют внимание на способах категоризации и концептуализации знаний об окружающей действительности в данном знаке и предлагают анализировать структуру загадки посредством когнитивно-культурологического комментария. Когнитивный комментарий эксплицирует организацию метафоры в загадке. К её составляющим относятся исходная понятийная область-источник, область-приемник, типовой сценарий, понятийные компоненты, фреймы, типовые слоты [см. подробнее 7]. Культурологический комментарий охватывает этимологическую информацию, данные о соотношении преобразованного денотата с культурными кодами, указание на объём знаний и ассоциаций, пробуждаемых преобразованным денотатом в сознании реципиента [7].

С позиции теории речевых актов в структуре загадки описываются пропозициональный, локутивный и иллокутивный компоненты. Пропозицией, тем, на что ссылается каждая загадка, У. Фикс считает латентные знания, которые адресант намеревается «пробудить» у адресата. Эти знания должны основываться на общем опыте и чаще всего связаны с тематическими областями, ассоциирующимися с ощущением неуверенности и страха: смерть, время, устройство мира, космология, сексуальная сфера. Иллокутивный компонент – это постановка вопроса, призывающего к ответу. Отличием вопроса загадки от других вопросов является, по мнению У. Фикс, то, что он содержит в себе ответ. Данное отличие затрагивает и пропозициональный, и локутивный компоненты: способ формулировки подсказывает ответ или даже предопределяет его. Особенностью ответа представляется то, что он извлекает латентные знания. При этом, как отмечает У. Фикс, первостепенное значение имеет

не содержание ответа, а его поиск и нахождение [17, р. 199–200].

Анализ представленных подходов к изучению структурной организации загадки позволяет сделать вывод о том, что в современном языкознании вопросная часть загадки (энигматор) и ответная часть (энигмат) рассматриваются как целостный конструкт. Ответная часть представляется как исходный денотат, а вопросная часть содержит в себе преобразованный (закодированный) денотат как совокупность заместительного элемента и характеристик, верных для исходного и преобразованного денотатов.

Анализ эмпирического материала

Наряду с вышеизложенными подходами структура энигматического текста изучается также в аспекте субъектно-адресатной организации. При изучении данного аспекта подчёркивается наличие различных субъектов речи в загадках. Субъектом речи считается «носитель речи», лицо, которое изображает что-либо [9, с. 20]. В качестве субъекта речи могут выступать автор, рассказчик и персонажи произведения [3, с. 61]. Субъектное разнообразие отмечается в энигматических текстах разных эпох. Например, в большей части загадок древнеримского поэта Симфония субъектом речи выступает персонифицированный загаданный объект, для небольшого количества текстов типичной чертой является «отсутствие» субъекта речи и описание энигмата в третьем лице [19]. Загадки Эксетерского кодекса характеризуются тремя типами субъектов речи: повествование ведётся от лица загаданного объекта, от лица рассказчика или загаданный объект представляется без ссылки на рассказчика. Кроме того, в некоторых текстах, как и в загадках. Симфония, субъект речи вербально «взаимодействует» с адресатом, вовлекая его в ситуацию загадывания/отгадывания [23]. Подобная субъектно-адресатная структура упоминается исследователями

немецких, авторских русских, современных английских энигматических текстов [8; 10; 12; 14]. В изучаемых нами авторских немецкоязычных энигматических текстах XVIII–XX вв. также можно выделить три типа субъектов речи. Для наибольшего количества текстов анализируемого корпуса характерно повествование от первого лица, при этом в 495 текстах «загадывает» загадку сам энигмат, в 329 текстах субъектом речи выступает эксплицитно представленный нарратор¹. Наименьшую группу (162 текста) образуют энигматические тексты, в которых закодированный энигмат описывается нарратором, вербальное «присутствие» которого не выражено в тексте. Помимо этого, эмпирический материал отличается композиционным разнообразием: для текстов присуще различное вербальное «взаимодействие» субъекта речи, энигмата и адресата.

Рассмотрим подробнее особенности субъектно-адресатной организации энигматических текстов, субъектом речи которых выступает энигмат. С опорой на терминологический аппарат нарратологии, мы рассматриваем данный субъект речи как диегетического нарратора, «повествующего о самом себе как о фигуре в диегесисе», являющегося и субъектом повествования, и объектом повествуемой истории [16, с. 46]. Так как в большинстве текстов кодируется неодушевленный энигмат, то речь идёт об антропоморфном нарраторе. Следует отметить структурно-композиционную неоднородность текстов данной группы. Анализируемый материал демонстрирует наличие различных актуализируемых в тексте ролей нарратора и наррататора² и различную степень их вербального взаимодействия.

¹ См.: Нарратор – посредник между автором и повествуемым миром, носитель повествовательной функции [16, с. 10].

² Наррататор или фиктивный читатель – «адресат фиктивного нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ ... подразумеваемый образ адресата» [16, С. 54]

Нами были выделены четыре типа субъектно-адресатной структуры данных энigmatических текстов.

Примером первого типа субъектно-адресатной структуры служит энigmatический текст, в котором субъектом речи выступает энigmat «яйцо» («das Ei»):

Ich bin ein Haus, doch weiß kein Mensch mich zu erbauen;

Will, der drin wohnt, hinaus, muss er das Haus in Stücke hauen.

Ich bin ein Fass, doch ohne Spund und ohne Bänder;

Zwar ist mein Inhalt nass, doch just kein Witz- und Freudenspender.

Ein Ofen bin ich dann, der Wärme von sich strömt und Leben;

Doch schürt man mich nicht drinnen an, von außen wird mir Glut gegeben.

Und bin noch vielerlei, sogar die Zuflucht mancher Frommen, zu der allwöchentlich sie kommen.

*Nun sagt, was Ofen, Fass und Haus wohl sei?*¹

Персонифицированный энigmat эксплицируется посредством личного местоимения первого лица ед. ч. в именительном, винительном и дательном падежах («ich», «mich», «mir»), притяжательного местоимения «mein» и копулятивного глагола «sein» в форме первого лица ед. ч. «bin». С опорой на метафорические сравнения («Ich bin ein Haus ...; Ich bin ein Fass ...; Ein Ofen bin ich dann» / «Я дом ...; я бочка ...; я и печь») и на парадоксальные характеристики («Ich bin ein Haus, doch weiß kein Mensch mich zu erbauen» / «я – дом, но никто не знает, как меня построить»; «... ein Fass, doch ohne Spund und ohne Bänder» / «... бочка без пробки и обручей»; «Ein Ofen ... doch schürt man mich nicht drinnen an» / «печь, но меня не растапливают внутри»²) субъект речи описывает себя как закодированного энigmата. Помимо

этого, последняя строка текста, а именно вопрос-призыв к нахождению ответа, актуализирует роль загадывающего загадку у нарратора и отгадывающего загадку у нарратора: «Nun sagt, was Ofen, Fass und Haus wohl sei?» / «А теперь скажите, чем могли бы быть печь, бочка и дом?». Побудительная модальность высказывания реализуется глаголом «sagen» («сказать») в форме второго лица мн. ч. повелительного наклонения. Нарратор вовлекает нарратора в «диалог», результатом которого должно стать нахождение описанного закодированного энigmата.

Актуализация ролей загадывающего и отгадывающего загадку осуществляется не только посредством призыва к отгадыванию, но и с помощью подсказок нарратора. Так, в загадке³ об алфавите и финикийцах⁴, адресату сообщается, что часть отгадки была уже названа выше: «meinen Vater müsst Ihr kennen, *nannt ihn doch das Rätsel schon*; nun versucht es, mich den Sohn, *der hier vor Euch steht*, zu nennen» / «Вы наверняка знаете моего отца, *ведь его имя уже было названо в загадке*; теперь попытайтесь назвать меня, его сына, *который стоит здесь перед Вами*». В призыв назвать отгадку также включена подсказка, более сложно поддающаяся дешифровке и указывающая на местонахождение второго энigmата, а именно на то, что перед читающим располагаются буквы алфавита.

Вышеизложенное позволяет представить данный тип субъектно-адресатной структуры с помощью схемы (см. рис. 1).

Второй тип субъектно-адресатной структуры демонстрирует загадка, в которой закодирован энigmat «жизнь» («Das Leben»):

¹ См.: von Elsholtz F. Rätselgedicht Nr. 2593 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/593.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

² Здесь и далее перевод примеров наш – К. Н.

³ Robert L. Rätselgedicht Nr. 1616 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/RaetselGedichte/01/616.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Считается, что создателями первого алфавита были финикийцы. В данном энigmatическом тексте заместительными объектами алфавита и его создателей выступают «сын» и «отец».

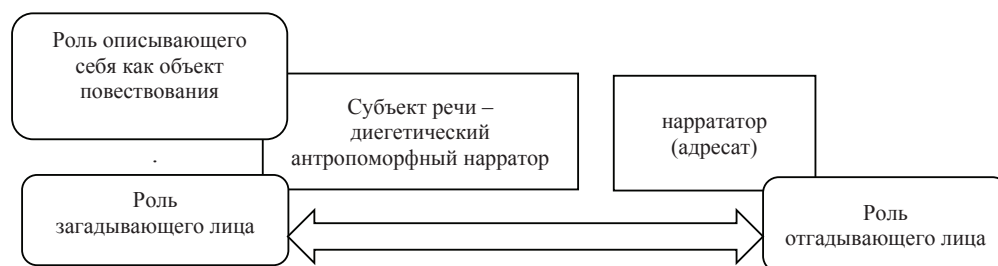

Рис. 1 / Fig. 1. Первый тип субъектно-адресатной структуры / The first type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором.

Beliebt bei jedermann vom König bis zum Bauer;
Teils angenehm und süß, teils ekelhaft und sauer;
Bald lang und bald sehr kurz, oft böse, oft auch schön,
Und dennoch würdest *du* hier ohne *mich* nicht stehn.
Du hast *mich* ganz umsonst, *mich* bestes Ding der Welt;
Vergebens kaufst *du mich* für Schmeichelei und Geld.
*Nun rate, was ich sei! Schreib' fünf*e nur und ja,
So ist die Antwort drauf in fremder Sprache da.¹

В данном типе коммуникативной структуры осуществляется двуплановое взаимодействие нарратора и наррататора: как объектов повествования и как загадывающего загадку и отгадывающего её. Самореференция нарратора реализуется посредством личного местоимения первого лица ед. ч. в именительном и винительном падежах (“*ich*”, “*mich*”), языковая экспликация нарратора – с помощью личного местоимения второго лица ед. ч. (“*du*”). Их взаимодействие как объектов повествования наблюдается при описании субъектом речи своей значимости для адресата: “... oft böse, oft auch schön, und dennoch würdest *du* hier ohne *mich* nicht stehn. *Du* hast *mich* ganz umsonst, *mich* bestes Ding der Welt; vergebens kaufst *du mich*

für Schmeichelei und Geld“ / «... часто злая, но часто и прекрасная, и всё же тебя бы не было здесь без меня. Ты получил меня даром, меня – лучшее, что есть на свете, и ты не купишь меня за лесть и деньги». Реализация ролей загадывающего и отгадывающего загадку осуществляется с помощью призыва отгадать, чем является энигмат и подсказки в виде совета написать цифру «пять» и слово «да» на иностранном языке². Средством выражения побудительной модальности выступают глаголы “*taten*” / «отгадывать» и “*schreiben*” / «писать» в форме второго лица ед. ч. повелительного наклонения.

Особенности взаимодействия нарратора и наррататора в следующем примере обусловлены отличительными чертами логогрифа – типа энигматических текстов, в котором закодированы несколько энигматов, семантически не связанных друг с другом, но имеющих сходный буквенный состав. При успешном декодировании одного из энигматов достаточно добавить или убрать определённую букву из обозначающего его слова для декодирования последующих энигматов. При этом в большинстве подобных текстов содержится метафорическое указание на то, какую именно букву следует удалить или добавить, например, «голова» (“*der Kopf*”) – первая буква первого энигмата, «шея» (“*der Hals*”) – вторая буква первого эниг-

¹ Kortum C. Rätselgedicht Nr. 3732 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/732.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

² Римская цифра «5» обозначается на письме как «V». Слово «да» на латинском – “*ita*”. Латинское слово “*Vita*” означает «жизнь».

мата. В анализируемом логогрифе закодированы энигматы «Клебер»¹ (“Kleber”), «печень» (“Leber”), «дикий кабан» (“Eber”), «виноградная лоза» (“Rebe”):

In Ägypten hab' *ich* einst gefochten,
Meine Lorbeer'n sah Germanien;
Was Talent und Tapferkeit vermochten,
Kannst du, Leser, glänzend an mir seh'n.
Nimm den Kopf mir, und zu einem Teile
Deines eig'nen Körpers werd *ich* gleich,
Fehlt der Hals mir überdies, dann eile,
Sonst spedir' *ich* dich ins Schattenreich;
Werd' *ich* endlich so noch umgekehrt,
Biet' *ich* Früchte dir von hohem Wert.²

Роль нарратора как загадывающего загадку актуализируется обращением к наррататору, которое выполняет функцию инструкции: “Nimm den Kopf mir, ...” / если ты заберёшь у меня голову (первую букву), а также наименованием наррататора «читатель» (Leser). Кроме того, в речь нарратора включены и другие инструкции для адресата по действиям с буквами слов, обозначающих закодированные энигматы: “Fehlt der Hals mir überdies ...” / «Если кроме этого у меня не будет шеи ...»; “Werd' ich endlich so noch umgekehrt ...” / «Если меня наконец пере-

вернут ...». Описание нарратором себя как зашифрованного энигмата происходит с вовлечением наррататора в это описание. Тем самым адресат также становится объектом повествования: “... zu einem Teile deines eig'nen Körpers werd ich gleich” / «я сразу же стану частью твоего собственного тела»; “eile, sonst spedir' ich dich ins Schattenreich” / «поспеши, иначе я отправлю тебя в царство теней»; “... biet' ich Früchte dir von hohem Wert” / «тогда я угощу тебя бесподобными плодами.

Такой тип субъектно-адресатной структуры визуализируется посредством схемы, представленной на рис. 2.

Третий тип субъектно-адресатной структуры отличается от предыдущих отсутствием в текстах языковых средств, эксплицирующих роли загадывающего и отгадывающего загадку у нарратора и наррататора. Их взаимодействие происходит только на уровне объектов повествования. Так, следующий пример представляет «диалог» между антропоморфным нарратором (энигмат «ботинки» (“Schuh”)) и наррататором («владелец ботинок»): “Füllen, drücken, schnüren, schleppen in den Kot kannst du uns: doch zittre vor der Not, wenn von uns sich einer wird verlieren” / «Ты можешь нас нагружать, давить, стягивать, тащить в нечистоты, но бойся нужды, если один из нас пропадёт»³.

¹ Клебер Жан Батист (09.03.1753, Страсбург – 14.06.1800, Каир), французский генерал.

² Auernhammer J. Ch. Rätselgedicht Nr. 7483. Logograph und Palindrom // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/483.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

³ Thiele J. G. Ph. Rätselgedicht Nr. 8067 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Thiele.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

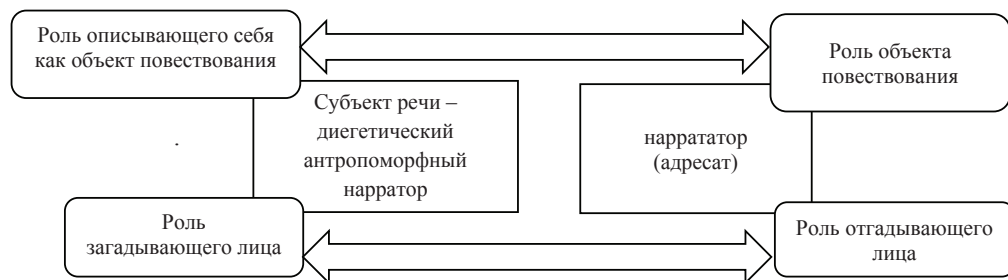

Рис. 2 / Fig. 2. Второй тип субъектно-адресатной структуры / The second type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

Самореференция субъекта речи реализуется с помощью личного местоимения первого лица мн. ч. в винительном падеже (“uns”), а вовлечение адресата в описание энigmatа эксплицируется личным местоимением второго лица ед. ч. (“du”) и модальным глаголом «мочь» в

соответствующей форме (“kannst”), а также глаголом «дрожать» в форме второго лица ед. ч. повелительного наклонения (“zittre”).

Данный вид субъектно-адресатной структуры схематично представлен на рис. 3.

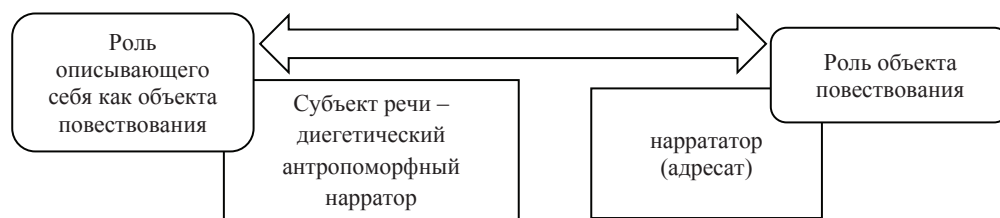

Рис. 3 / Fig. 3. Третий тип субъектно-адресатной структуры / The third type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

Энигматические тексты последней группы обнаруживают языковые средства актуализации нарратора исключительно в роли объекта повествования, в то время как маркеры эксплицитного изображения нарратора в какой-либо из ролей отсутствуют. Таким образом, данные тексты представляют собой монологические высказывания персонифицированных энigmatов о своих качествах, признаках, поступках в закодированной форме. Рассмотрим загадку с энigmatом «блoхa» (“Floh”):

*Bin von Natur ein Akrobat,
Der tolle Sprüng' in petto hat,
Womit er Weib und Kind und Mann
Zuweilen überraschen kann.
Zwar bin ich überall gehasst,
Und jeder wütend nach mir fasst!
Und wenn ich keinen Ausweg finde,
So geht's zu End' mit mir geschwinde.¹*

Языковая экспликация нарратора осуществляется, как и в вышеприведённых примерах, с помощью личного местоимения первого лица ед. ч. в именитель-

ном и дательном падежах (“ich“, “mir“) и копулятивного глагола “sein” в форме первого лица ед. ч. (“bin”). В описании себя нарратором можно выделить три основных закодированных характеристики: способность быстро передвигаться с помощью прыжков (“Bin von Natur ein Akrobat, der tolle Sprüng' in petto hat” / «Я от природы акробат, у которого в запасе прекрасные прыжки»); отрицательное отношение окружающих (“Zwar bin ich überall gehasst, und jeder wütend nach mir fasst!” / «Меня повсюду ненавидят, и каждый яростно пытается меня поймать») и вероятность быстрого прекращения существования (“Und wenn ich keinen Ausweg finde, so geht's zu End' mit mir geschwinde” / «А если я не найду выход, со мной быстро покончат»). Актуализация роли лица, загадывающего загадку, как и выявленность нарратора отсутствуют.

Схематичное изображение четвёртого типа субъектно-адресатной структуры представлено на рис. 4.

Заключение

Проведённое исследование показало, что немецкоязычные авторские энigmatические тексты XVIII–XX вв., как и английские и русские энigmatические

¹ Wöbbe E. Rätselgedicht Nr. 5233 // Website von Angela und Otto Janko. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/233.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

Рис. 4 / Fig. 4. Четвёртый тип субъектно-адресатной структуры / The fourth type of subject-addressee structure

Источник: составлено автором

тексты разных эпох, демонстрируют разнообразие субъектно-адресатной структуры. В наибольшем количестве текстов (50%) субъектом речи выступает энигмат, рассматриваемый нами как диегетический антропоморфный нарратор. Субъектом речи так же является рассказчик как эксплицитно представленный нарратор (33% текстов) и как имплицитно представленный нарратор (17% текстов). Анализ энигматических текстов, пове-

ствование в которых ведётся от первого лица, а именно от лица диегетического антропоморфного нарратора, позволил выделить 4 типа субъектно-адресатной структуры, отличающихся друг от друга степенью эксплицитно представленного взаимодействия нарратора и наррататора и языковой актуализацией их ролей во внутритекстовой коммуникации.

Дата поступления в редакцию 08.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 169–180.
2. Барабанова Н. В., Пермяков Г. Л. О логической структуре некоторых загадок // Паремиологические исследования: сборник статей. М.: Наука, 1984. С. 96–104.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 191 с.
4. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная природа русской народной загадки // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 168–172.
5. Журицкий А. Н. Семантическая структура загадки. М.: Наука, 1989. 128 с.
6. Кёнгес-Маранда Э. Логика загадок / пер. Н. Кузьминой // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. М.: Наука, 1978. С. 249–282.
7. Ковшова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2020. № 4 (4). С. 70–79.
8. Кондрашова С. С. Языковая картина мира в английской загадке: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 198 с.
9. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
10. Кузнецова Т. С. Загадки эксетерского кодекса в фольклорно литературном контексте средневековья: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 225 с.
11. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. М.: Наука, 1978. С. 283–314.
12. Левченко М. Н. Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82–89.
13. Мухтаруллина А. Р., Туктарова Г. Р. Когнитивно-семантическая структура текста загадки (на материале английского, русского и башкирского языков) // Перспективы Науки и Образования. 2017. № 6 (30). С. 126–132.

14. Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2019. 477 с.
15. Тунин А. Е. Новогреческие загадки в сопоставлении с балканославянскими: семантика и структура: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 299 с.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 430 с.
17. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 p.
18. Kamalova A. Народная загадка сквозь призму логического анализа // Acta Neophilologica. 2015. No. XVII (1). P. 5–16.
19. Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm // Graeco-Latina Brunensia. 2010. Vol. 15. Iss. 2. P. 101–115.
20. Petsch R. Neue Beiträge zur Kenntnis des Volksrätsels. Berlin: Mayer&Müller, 1899. 152 p.
21. Schönfeldt A. Zur Analyse des Rätsels // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1978. No. 97. P. 60–73.
22. Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen: Niemeyer, 1994. 353 p.
23. Williamson C. The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill: University of North Carolina, 1977. 484 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. [Meaning and sense of Russian parables in the aspect of cognitive pragmatics]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science And Culture], 2010, vol. 85, no. 6-2, pp. 169–180.
2. Barabanova N. V., Permyakov G. L. [On the logical structure of some riddles]. In: *Paremiologicheskiye issledovaniya* [Paremiological studies]. Mpscow, Nauka Publ., 1984, pp. 96–104.
3. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 191 p.
4. Dziuba E. V. [Linguo-cognitive nature of the Russian folk riddle] // *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2019, no. 37, pp. 168–172.
5. Zhurinski A. N. *Semanticheskaya struktura zagadki* [The semantic structure of the riddle]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 128 p.
6. Konges-Maranda E. [The logic of riddles]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka* [Paremiological collection. Proverb. Mystery]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 249–282.
7. Kovshova M. L., Orlova O. S. [On the semantic structure of riddles. Cognitive and culturalological comment as a means of research]. In: *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznaniye* [Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics], 2020, №4 (4), pp. 70–79.
8. Kondrashova S. S. *Yazykovaya kartina mira v angliyskoy zagadke: diss. ... kand. filol. nauk* [Language picture of the in the English riddle: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2017. 198 p.
9. Korman B. O. *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [The study of the text of a work of art]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. 110 p.
10. Kuznetsova T. S. *Zagadki ekseterskogo kodeksa v fol'klorno literaturnom kontekste srednevek'ya: diss. ... kand. filol. nauk* [Riddles of the Exeter codex in the folklore-literary context of the Middle Ages: PhD thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2008. 225 p.
11. Levin Yu. I. [The semantic structure of the riddle]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka* [Paremiological collection. Proverb. Mystery]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 283–314.
12. Levchenko M. N. [Riddle as a type of the text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 82–89.
13. Moukhtarullina A. R., Touktarova G. R. [The cognitive-semantic structure of texts of riddle (on the basis of English, Russian and Bashkir languages)]. In: *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2017, no. 6 (30), pp. 126–132.
14. Strukova T. V. *Enigmaticheskiye zhanry russkoy poezii: evolyutsiya i tipologiya: diss. ... dokt. filol. nauk* [Enigmatic genres of Russian poetry: evolution and typology: D. thesis in Philological Sciences]. Orel, 2019. 477 p.
15. Tunin A. Ye. *Novogrecheskiye zagadki v sopostavlenii s balkanoslavyanskimi: semantika i struktura: diss. ... kand. filol. nauk* [Modern Greek riddles in comparison with the Balkan Slavic ones: semantics and structure: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2012. 299 p.

16. Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2008. 430 p.
17. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin, Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 p.
18. Kamalova A. [The logical description of national ideas]. In: *Acta Neophilologica*, 2015, no. XVII (1), pp. 5–16.
19. Kelling V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm. In: *Graeco-Latina Brunensia*, 2010, vol. 15, iss. 2, pp. 101–115.
20. Petsch R. Neue Beiträge zur Kenntnis des Volksrätsels. Berlin, Mayer&Müller, 1899. 152 p.
21. Schönfeldt A. Zur Analyse des Rätsels. In: *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 1978, no. 97, pp. 60–73.
22. Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen, Niemeyer, 1994. 353 p.
23. Williamson C. The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill, University of North Carolina, 1977. 484 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета;
e-mail: kristinanovikova2012@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina A. Novikova – Senior Lecturer, Department of German Philology, Kuban State University;
e-mail: kristinanovikova2012@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новикова К. А. Структура энигматического текста: субъектно-адресатный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108

FOR CITATION

Novilova K. A. The structure of an enigmatic text: the subject-address aspect. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 98–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-98-108

УДК 811.11:81'373

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-109-118

ОПЫТ ОПИСАНИЯ КОГЕРЕНТНЫХ ФУНКЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕСЕН ПОП-ЖАНРА

Сорокина Ю. С.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы – выявление когерентных (текстообразующих) функций фразеологических единиц в современных англоязычных поэтических текстах песен поп-жанра.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе методов сплошной выборки, фразеологической идентификации, структурного и компонентного анализа, категоризации, классификации и описания. Выполнен анализ функциональных особенностей ряда отобранных фразеологизмов с целью выявления степени их участия в создании когерентности поэтического песенного текста.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что фразеологические единицы активно участвуют в создании связности поэтического песенного текста. Анализ показал превалирование фразеологических выражений и идиом (фразеологических единств и сращений) среди отобранных единиц, обладающих когерентными функциями.

Теоретическая и практическая значимость связаны с расширением представлений о текстообразующих функциях фразеологических единиц, а также с возможностью применения полученных результатов в рамках преподавания лексикологии, стилистики, теории текста и дискурса.

Ключевые слова: когерентные функции, текстообразующие функции, когезия, тексты песен, фразеологические единицы, функции фразеологических единиц

AN OVERVIEW OF DESCRIBING COHERENT FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN POP SONG LYRICS

Yu. Sorokina*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the coherent (text-forming) functions of phraseological units in modern English language pop song lyrics.

Methodology. The study was conducted with the help of the following methods: continuous sampling, phraseological identification, structural and component analysis, categorization, classification and description. An analysis of the grammatical and semantic features of certain selected phraseological units was carried out in order to identify the degree of their participation in the creation of coherence of a poetic song text.

Results. The study revealed that phraseological units are actively involved in creating the coherence of a poetic song text. The analysis showed the prevalence of phraseological expressions and idioms (phraseological units and fusions) among the selected units with coherent functions.

Research implications. The research results relate to the expansion of ideas about the text-forming functions of phraseological units, as well as to the possibility of applying the results obtained in teaching lexicology, stylistics, text and discourse theory.

Keywords: coherent functions, text-forming functions, cohesion, song lyrics, phraseological units, functions of phraseological units

Введение

Песни жанра «поп» (от англ. *popular*) на сегодняшний день – один из важнейших каналов распространения английского языка в мире. Любая песня, отражая внутренний мир исполнителя или его лирического героя, представляет собой эстетическую, эмоционально-нравственную интерпретацию многообразия окружающей действительности. Благодаря доминированию английского языка в музыкальной культуре многих стран англоязычные песни зачастую выступают средством формирования ценностных установок молодёжи и их картины мира, а также ярко и своеобразно передают чувства и эмоции авторов / исполнителей.

Англоязычный песенный дискурс представляет собой уникальный материал для лингвистических исследований в рамках антропоцентрической парадигмы. Тексты песен в языкознании рассматриваются как «малый стихотворный лирический жанр, существующий у всех народов и характеризующийся простотой музыкально-словесного построения» [10]. Как правило, это текст с полной мультимодальностью – нельзя отрицать, что любая песня воспринимается как единое целое с музыкой, голосом исполнителя, а зачастую и с сопровождающим её видеорядом (видеоклипом). Ряд исследователей отмечают, что несмотря на кажущуюся простоту даже поэтические тексты песен жанра «поп» представляют собой комплексное явление, которому присущи ряд конститутивных текстообразующих признаков – адресативность, модальность, диалогичность, интертекстуальность, когезия, когерентность и др. [1; 5; 8].

Многие лингвисты сходятся во мнении, что явления когезии (cohesion) и когерентности (coherence) текста следует изучать в тесной взаимосвязи, так как по сути они соотносятся друг с другом как частное и общее. Так, Л. Безутлая определяет когезию как «грамматические и лексические связи между отдельными соположенными частями текста», а когерентность – как «результат взаимодействия различных видов когезии, связующих текст в единое смысловое и логическое целое». Она же утверждает, что когерентность может быть присуща только тексту целиком, тогда как когезия реализуется на отдельных его участках [16]. Textoобразующая функция любых языковых единиц, согласно О. Г. Яблонской, проявляется в их способности выступать в роли связующих элементов текста, то есть наряду с лексическими и грамматическими средствами создавать целостность конкретного текста – структурную, коммуникативную, смысловую [15].

Современный песенный дискурс отличается повышенной эмотивностью и экспрессивностью, что влечёт за собой широкое использование в текстах песен фразеологических единиц. В данном исследовании в качестве рабочего определения фразеологической единицы выбрана формулировка, предложенная В. В. Виноградовым: «это лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [2]. Существует множество классификаций фразеологизмов, созданных в зависимости от исследуемых параметров данных словосочетаний, например, на основе их структуры, семантики, вариативности компонентов и т. п. [12]. Так, классификация В. В. Виноградова,

развитая и дополненная Н. М. Шанским и И. И. Чернышевой, делит фразеологизмы по степени семантической слитности на *фразеологические сращения, единства, сочетания и выражения* – именно эту типологию мы выберем в качестве основной для данного исследования [2].

Возвращаясь к теме текстообразующих признаков и участия различных элементов текста в создании его целостности, нельзя не поставить вопрос о наличии подобных функций у фразеологических единиц. Тогда как явления когезии и когерентности в различных типах текста (в том числе, в песенном) исследуются давно, именно участие фразеологических единиц в формировании когерентности – новое и недостаточное изученное направление на стыке лексикологии и лингвистики текста. Этим определяется актуальность и новизна данного исследования. Особый интерес представляют для нас когерентные функции фразеологизмов в песенных текстах – в силу эмоциональной нагруженности данного жанра, а также относительной компактности песен (возможность рассмотреть участие фразеологических единиц (далее – ФЕ) в создании связности целого стихотворного текста).

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении когерентных функций фразеологических единиц в песенном тексте, что требует решения следующих задач: отбор искомого языкового материала, классификация отобранных единиц с точки зрения их структурно-семантических особенностей, анализ участия фразеологизмов в создании когерентности песенного текста (коммуникативной, структурной и семантической). Для решения поставленных задач будут применены методы сплошной выборки по текстам песен, фразеологической идентификации с опорой на онлайн-словари англоязычных идиом¹, структурно-

го и компонентного анализа, категоризации, классификации и описания.

Исследование когерентных функций фразеологических единиц в текстах песен. Анализ материала

В данной статье на материале текстов современных англоязычных исполнителей поп-жанра проведён анализ когерентных (текстообразующих) функций фразеологических единиц. Под когерентными функциями (свойствами) понимается возможность участия фразеологизмов в создании структурной, смысловой и коммуникативной целостности текста [6]. Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных лингвистов в области лингвистики текста и фразеологии – Л. Безуглой [16], В. В. Виноградова [2], А. В. Глазкова [3], Е. С. Ереминой [4], М. Н. Левченко [6], В. И. Макарова [7], Е. Д. Павлычевой [9], И. В. Романовой [11], Ю. Е. Плотницкого [10], Т. Н. Федуленковой [17], В. П. Шабановой [13], А. Д. Шарифуллиной [14] и др. Материалом для исследования послужили 24 песни шести популярных англоязычных исполнителей (Justin Bieber, Ed Sheeran, Adam Lambert, Taylor Swift, Lady Gaga, Selena Gomez), в которых выявлено 47 фразеологизмов. Выбор творчества данных исполнителей обусловлен схожей тематикой их песен, а также длительной популярностью их музыкальных альбомов среди мировой аудитории в период 2017–2022 гг.

Рассмотрим ряд примеров фразеологических единиц в текстах исследованных песен и проанализируем их участие в текстообразовании. Необходимо отметить, что фразеологизмы были найдены в каждом песенном тексте, однако их количество и функции существенно отличаются у разных исполнителей. Согласно классификации В. В. Виноградова в рассмотренном материале были выявлены следующие типы единиц:

¹ См.: Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.11.2022); The Free Dictionary [Электронный

ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 20.11.2022).

1) фразеологические сращения и единства, часто объединяемые термином «идиома» или «идиоматическое выражение» (семантически неделимые, эквивалентны слову): *“to preach to the choir (to preach to the converted)”*, *“to be stuck in a cycle”*; *“to make the tables turn”*; *“to throw shade”*; *“to run for the hills”*; *“to go down in flames”*, *“to run in circles”*; *“to throw a fit”*, *“against all odds”* (всего 18 ФЕ);

2) фразеологические сочетания (устойчивые в своём составе обороты, которые образуются из слов со свободным и фразеологически связанным значением): *“perfect storm”*, *“rose-colored glasses”*, *“poker face”*, *“a diamond in the rough”* (всего 7 ФЕ);

3) фразеологические выражения (устойчивые в своём составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями, а также воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением): *“the sky is the limit”*, *“in the thick of healing”*, *“on top of the world”*, *“the grass ain’t always greener on the other side”*, *“Sick of being tired and sick of waiting”*, *“make the call”*, *“on the right track”*, *“make up one’s mind”* и др. (всего 22 ФЕ).

Для дальнейшего анализа участия обозначенных единиц в формировании когерентности песенного текста необходимо обозначить текстообразующие признаки, которые позволят нам сделать вывод о значимости конкретного фразеологизма для целостного восприятия песни.

Опираясь на методику исследования текстообразующих функций фразеологизмов, выполненного М. Н. Левченко на примере жанра детективного романа, рассмотрим участие отобранных нами ФЕ в создании коммуникативной, смысловой и структурной целостности песенного текста. Смысловая целостность подразумевает единство темы и идеи текста и отслеживается с помощью анализа анафорических и катафорических средств

связности. Коммуникативная целостность предполагает, что каждое последующее предложение в тексте опирается на предыдущее, продвигает высказывание от известного к новому, образуя тематические цепочки. Структурная целостность проявляется в наличии общетextовых категорий: темпоральности, модальности, локальности, персональности и др. [6].

1. ***to be sick and tired of something*** – испытывать сильное раздражение и усталость от чего-либо. Контекст: *“Round and around I’d go, addicted to the numb // Living in the cold // The higher, the lower, down, down, down // Sick of being tired and sick of waiting // For another kind of fix”* (A. Lambert, “Runnin’”).

Данное словосочетание можно отнести к фразеологическим выражениям, оно участвует в создании коммуникативной и смысловой целостности песни – главный герой выражает с его помощью отрицательные эмоции, метафорически говоря об «убегании» от надоевшего ему мира. Глагольная фразеологическая единица в составе выделенной строфы способствует формированию категорий модальности (модальный глагол *would*) и персональности (личные местоимения *I, we*), а также выступает в роли анафоры (связь с местоимением *I* в предшествующем тексте), продолжая и развивая гипотетические размышления протагониста о собственном будущем.

2. ***to go / run (round) in circles*** – ходить кругами, повторять бессмысленные однообразные действия. Контекст: *“I find it hard to tell you, // I find it hard to take: // When people run in circles, // It’s a very, very ... mad world ... mad world ...”*. (A. Lambert, “Mad World”).

Данный фразеологизм с вербальным компонентом можно отнести к фразеологическим единствам. Описываемая им ситуация является ключевой причиной разочарования главного героя в мире, что доказывает непосредственное участие единицы в создании единой тематической

ческой цепочки (является ремой, акцентной частью высказывания). С точки зрения структурной целостности текста этот сегмент помогает в создании категорий локальности (именная часть составного именного сказуемого *mad world*), темпоральности (временной союз *when*), персональности (личные местоимения *I, you*).

3. *a perfect storm* – «идеальный шторм», кризисная ситуация со множеством негативных факторов; *to turn tables* – разворачивать ситуацию на 180 градусов (в свою пользу). Контекст: “*Screaming, crying, perfect storms, // I can make all the tables turn, // Rose garden filled with thorns. // Keep you second guessing like // "Oh my God, who is she?"*” (T. Swift, “Blank Space”).

Две фразеологические единицы, расположенные на следующих друг за другом строчках этой песни, можно классифицировать как фразеологическое единство (глагольная ФЕ *to turn tables*) и фразеологическое выражение (*perfect storm*). С точки зрения коммуникативной и смысловой связности текста оба словосочетания усиливают и дополняют мысль главной героини: она может обернуть кризисную ситуацию в свою пользу, несмотря на душевные страдания. В данном случае отмечается участие обеих ФЕ в формировании категорий персональности (личные местоимения *I, you, she*) и модальности (модальный глагол *can*).

4. *(to be) on top of the world* – чувствовать себя на вершине мира, быть очень счастливым; *Sky's the limit* – предела нет, ограничений нет; *the grass is always greener on the other side* – по другую сторону забора трава всегда зеленее, хорошо там, где нас нет. Контекст: “*A couple of things I can't spell without 'U' // Now we are on top of the world, 'cause that's just how we do // Used to tell me, "Sky's the limit", now the sky's our point of view // You, you're the one that I argue with, // I feel like I need a new girl to be bothered with, // But the grass ain't always greener on the other side, // It's green where you water it*”. (J. Bieber, “As long as you love me”).

Выбранный фрагмент песенного текста содержит сразу три фразеологических выражения, с помощью которых герой передаёт свои чувства к девушке и описывает их взаимоотношения. В данном случае выделенные фразеологизмы участвуют в формировании категорий модальности (модальные глаголы *can't, need*), темпоральности (наречие времени *now*; глагольная конструкция, выражающая повторяющееся действие в прошлом *used to*), персональности (личные и притяжательные местоимения *I, you, we, me, our*), локальности (обстоятельства места *on the other side, on top of the world*; поговорка *sky's the limit*). Первая глагольная ФЕ “*(to be) on top of the world*”, гиперболизированно отражая текущее чувство эйфории автора, на лексико-синтаксическом уровне выступает в роли антитезы и противопоставляется ощущению персонажа в прошлом (*used to tell me “Sky's the limit”*) – ранее существовали границы его мечтаний, теперь их больше нет.

Крайне интересна смысловая нагрузка последнего выражения “*the grass ain't always greener on the other side*” (является по сути полноценным предложением): завершая мысль героя о том, что нет смысла искать новую девушку, данный фразеологизм выполняет катафорическую функцию (имеет смысл именно в связке с завершающим элементом “*It's where you water it*”) и замыкает тема-рематическую цепочку (акцентная мысль в данном предложении, метафорически обозначающая, что любые отношения требуют усилий и вложений). Семантическая связность текста, достигаемая при участии обозначенных ФЕ, завязана на развитии основной идеи певца: его девушка имеет недостатки, но всё же слишком хороша, чтобы менять её на другую. На синтаксическом уровне в данной песне необходимо отметить такие элементы, как повторы, эллиптические конструкции (*used to tell me*), диалогическое взаимодействие певца с лирической героиней

(обращения, обобщения с помощью личных местоимений *I, we, you*).

5. **against all odds** – несмотря ни на что, вопреки всему. Контекст: *“We are still kids but we're so in love, // Fighting against all odds, // I know we'll be alright this time”* (E. Sheeran, “Perfect”).

Данное фразеологическое единство – адвербиальная единица, участвует в формировании модальности текста (выражает оценочное отношение героя к событиям, повлиявшим на его отношения с девушкой – он уверен, что несмотря ни на что, они будут вместе, на что указывает глагольная связка с отсылкой к будущему *I know we'll be alright*).

6. **poker face** – непроницаемое и не выражающее эмоции выражение лица, как при игре в покер. Контекст: *“I'll get him hot, show him what I've got, // Can't read my, can't read my, // No, he can't read my poker face”* (Lady Gaga, “Poker face”).

Весьма популярный фразеологизм, который также вынесен в название данной песни, может быть охарактеризован как фразеологическое сочетание. В припеве песни единица выступает в роли дополнения и участвует в формировании категорий модальности (модальные глаголы *will, can't*) и персональности (личные и притяжательные местоимения *I, him, my*). Героиня с помощью данного выражения развивает идею о собственной способности скрывать истинные эмоции в присутствии мужчины, используя фразеологизм *poker face* в качестве ремы (акцентной части в конце предложения), что подтверждает участие словосочетания в коммуникативной целостности текста. Ритмичность поэтического текста строится в этой песне на многочисленных параллельных конструкциях и повторах ключевой ФЕ (*Can't read my, can't read my, // No, he can't read my poker face*).

7. **to run for the hills** – бежать без оглядки (стремглав, сломя голову). Контекст: *“If I had a highway, I would run for the hills // If you could find a dry way, I'd forever be still // But you're giving me a million*

reasons // Give me a million reasons” (Lady Gaga, “Million reasons”).

Выделенный фрагмент представляет собой цепочку из нескольких условных предложений, где связность текста во многом основана на категории модальности (условные предложения описывают нереальную гипотетическую ситуацию в настоящем времени с помощью глаголов в косвенных наклонениях: *If I had* (Subjunctive II), *I would* (Conditional Mood)). Формированию модальной когерентности текста, несомненно, способствует яркое и образное фразеологическое единство с глагольным компонентом *“run for the hills”* (сбежать в горы, убежать без оглядки), описывая гипотетические действия героини и её противоречивую натуру.

8. **to fall for something (hook, line, and sinker)** – влюбиться, попасться на крючок, заглотить наживку с потрохами; **rose-colored glasses** – «розовые очки», наивно-романтический взгляд на мир. Контекст: *“You promised the world and I fell for it // I put you first and you adored it // (...) // I saw the signs and I ignored it // Rose-colored glasses all distorted”* (S. Gomez, “Lose you to love me”).

Выбранный фрагмент песни описывает результат конфликта главной героини, её упрёки бывшему возлюбленному. В формировании коммуникативной, семантической и структурной целостности данного текста участвуют два фразеологизма – фразеологическое сочетание *“rose-colored glasses”* и фразеологическое единство с глагольным компонентом *“I fell for it”*, которое является сокращённой формой единицы *to fall for something (hook, line, and sinker)*. Так, на уровне смысловой когерентности ФЕ *“fell for it”* является анафорой по отношению к предшествующему элементу-гиперболе *“you promised me the world”* также, как и ФЕ *“rose-coloured glasses”* (отсылка к предыдущему элементу *“I ignored it”*). На коммуникативном уровне оба фразеологизма выступают в качестве ремы, являясь новыми и акцент-

ными элементами в предложении в силу своей образности и метафоричности. На структурном уровне указанные единицы способствуют формированию категорий персональности (личные местоимения *I, you*). В тексте песни присутствуют элементы диалогичности и монологичности (обращения, императивы), так как героиня постоянно обращается к лирическому герою и ожидает от него ответных действий.

Результаты и выводы исследования. Заключение.

Проведённый анализ фразеологизмов, отобранных в текстах современных англоязычных песен, демонстрирует непосредственное участие этих единиц в создании когерентности поэтического текста на трёх уровнях – структурном, коммуникативном, семантическом. Полученные результаты показали, что среди изученного языкового материала преобладают фразеологические выражения (22 ФЕ) и идиомы (фразеологические единства и сращения, 18 ФЕ), тогда как наиболее малочисленную группу составляют фразеологические сочетания (7 ФЕ).

Структурная когерентность песенных текстов во многом создаётся путём реализации категорий персональности и модальности (за счёт фразеологических единиц, включающих в себя личные и притяжательные местоимения, а также модальные глаголы), тогда как категории темпоральности и локальности отходят на второй план. На наш взгляд, данное явление можно объяснить субъективностью, оценочностью и эмоциональной заряженностью песен, отражающих глубокие душевные переживания лирических героев.

Участие фразеологических единиц в смысловой когерентности песен можно

проследить при выполнении ими анафорических и катафорических функций (особую активность здесь проявляют фразеологические выражения). Коммуникативная целостность песенных текстов, проявляемая в формировании тема-рематических цепочек, реализуется во многом благодаря глагольным фразеологическим единицам (в подавляющем большинстве рассмотренных примеров фразеологические единицы с вербальным компонентом выступают в роли ремы в предложениях, то есть, являются акцентными элементами, содержащими новую и ранее неизвестную часть высказывания).

Говоря о тематическом наполнении текстов исследованных песен, нельзя не отметить особую роль фразеологических единиц в создании ярких образов, передаче отрицательных и положительных эмоций персонажей. Большинство исследованных поэтических текстов содержит типовые песенные скрипты: воспевание любви или утрата возлюбленного, обострение конфликта с любимым человеком, потеря взаимопонимания, размышления о смысле жизни, иллюзии и т. п.; для них традиционно характерны повторы, эллиптические и параллельные конструкции; обращения, вопросы и императивы адресату песни (наличие черт монологичности и диалогичности).

Полагаем, что проведённый анализ когерентных функций фразеологических единиц доказывает участие фразеологизмов в формировании целостности песенных текстов на различных уровнях и может стать основой для продолжения исследований явления когерентности в текстах различных жанров на стыке лингвистики текста и фразеологии.

Дата поступления в редакцию 17.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова Е. В., Колесов И. Ю. Актуализация признаков песенно-поэтического текста в текстах жанров «рок» и «поп» // *Филология и человек*. 2021. № 1. С. 32–48. DOI: 10.14258/filichel(2021)1-03.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
3. Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2022. № 1. С. 13–24. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24.
4. Еремина Е. С. О некоторых функциональных особенностях английских фразеологизмов (на материале современной американской поэзии) // *Язык в жизни человека и общества: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора, почетного профессора МПГУ, заведующего кафедрой грамматики английского языка М. Я. Блоха*. (Москва, 28–29 ноября 2019 г.). М.: МПГУ, 2020. С. 99–104.
5. Клычкова М. А. Функционирование фразеологических единиц в песенном дискурсе (на материале англоязычных песен конца XX века – второй декады XXI века) // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1-2. С. 368–376. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-368-376.
6. Левченко М. Н. Когерентные характеристики фразеологизмов (на материале немецкого языка) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2021. № 1. С. 94–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-94-105.
7. Макаров В. И. Особенности реализации текстообразующей функции фразеологизмов и прецедентных феноменов // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2010. № 57. С. 60–62.
8. Николаева М. Н. Прагматические функции фразеологических единиц в песенном дискурсе (на материале текстов песен рок-группы “Queen”) // *Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Труновой О. В.* (Барнаул, 15 апреля 2022 г.). Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2022. С. 233–240.
9. Павлычева Е. Д. Роль фразеологии в современном политическом дискурсе // *Теория и практика языкового взаимодействия: материалы коллоквиума в честь юбилея профессора Л. А. Телегина* (Москва, 11 декабря 2020 г.) / отв. ред. Е. И. Абрамова. М.: МГОУ, 2021. С. 51–54.
10. Плотницкий Ю. Е. Эволюция англоязычного песенного дискурса в XX–XXI веках // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27. № 4. С. 131–138. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-131-138.
11. Романова И. В., Минаева Ю. В. Фразеологические единицы и их функции в английском языке // *Энигма*. 2020. № 21-3. С. 4–13.
12. Сорокина Ю. С. Вариативность фразеологических единиц, обозначающих понятие «агрессия», в английской, русской и испанской языковых картинах мира // *Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации* / под ред. Э. А. Сорокиной. М.: МГОУ, 2012. С. 22–27.
13. Шабанова В. П. Структурно-синтаксическая характеристика фразеологических единиц в рамках лексико-фразеологического поля // *Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы международной конференции* (Москва, 29–31 марта 2011 г.). М.: Российский университет дружбы народов, 2011. С. 367–370.
14. Шарифуллина А. Д. Функциональные особенности фразеологических единиц // *Образование России и актуальные вопросы современной науки: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции* (Пенза, 27–28 мая 2019 г.). Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. С. 273–275.
15. Яблонская О. Г. Специфика текстообразующих свойств фразеологизмов в художественном тексте // *Вестн БДПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*. 2019. № 3 (101). С. 94–98.
16. Bezugla L., Ostapchenko V. Intentionality of Poetic Discourse // *Theory and Practice in Language Studies*. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 248–253. DOI: 10.17507/tpls.1202.05.
17. Fedulenkova T. N. Pragmatic functions of Modern English Phraseology // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 74–83. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-8.

REFERENCES

1. Baklanova E. V., Kolesov I. Yr. [Actualization of song and poetic text features in the texts of “rock” and “pop” genres]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2021, no. 1, pp. 32–48. DOI: 10.14258/filichel(2021)1-03.
2. Vinogradov V. V. [On the main types of phraseological units in the Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 140–161.
3. Glazkov A. V. [Situationality as a basis of text coherence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 1, pp. 13–24. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24.
4. Yeremina Ye. S. [Towards some functional types of English idioms (in modern American poetry)]. In: *Yazyk v zhizni cheloveka i obshchestva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 28–29 noyabrya 2019 g.)* [Language in the life of a person and society: materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 28–29, 2019)]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2020, pp. 99–104.
5. Klychkova M. A. [Functioning of phraseological units in song discourse (on the material of English language songs of the late XX century – second decade of the XXI century)]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI century], 2022, no. 1-2, pp. 368–376. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-368-376.
6. Levchenko M. N. [Coherent characteristics of phraseological units (based on the German language)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 1, pp. 94–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-94-105.
7. Makarov V. I. [Features of the implementation of the text-forming function of phraseological units and precedent phenomena]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod State University], 2010, no. 57, pp. 60–62.
8. Nikolaeva M. N. [Pragmatic functions of phraseological units in song discourse (on the exemplar of the lyrics of the rock band “Queen”)]. In: *Aktual'nyye problemy filologii, perevodovedeniya i lingvodidaktiki v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Barnaul, 15 aprelya 2022 g.)* [Actual problems of philology, translation studies and linguodidactics in the system of modern humanitarian knowledge: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Barnaul, April 15, 2022)]. Barnaul, Altai State Pedagogical University, 2022, pp. 233–240.
9. Pavlycheva Ye. D. [The role of phraseology in modern political discourse]. In: *Teoriya i praktika yazykovogo vzaimodeystviya: materialy kollokviuma v chest' yubileya professora L. A. Telegina (Moskva, 11 dekabrya 2020 g.)* [Theory and practice of language interaction: materials of the colloquium in honor of the anniversary of Professor L. A. Telegin (Moscow, December 11, 2020)]. Moscow, Moscow Region State University, 2021, pp. 51–54.
10. Plotnitskiy Yu. Ye. [Evolution of the English-Speaking Song Discourse In The XX-XXI Centuries.]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2021, vol. 27, no. 4, pp. 131–138. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-131-138.
11. Romanova I. V., Minayeva Yu. V. [Phraseological units and their functions in English]. In: *Enigma* [Enigma], 2020, no. 21-3, pp. 4–13.
12. Sorokina Yu. S. [Variability of phraseological units denoting the concept of “aggression” in the English, Russian and Spanish language pictures of the world]. In: *Aktual'nyye problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Actual problems of the theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012, pp. 22–27.
13. Shabanova V. P. [Structural and syntactic characteristics of phraseological units within the framework of the lexical and phraseological field]. In: *Professional'no oriyentirovannoye obucheniye inostrannomu yazyku i perevodu v vuze: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 29–31 marta 2011 g.)* [Professionally oriented teaching of a foreign language and translation at a university: materials of the international conference (Moscow, March 29–31, 2011)]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2011, pp. 367–370.
14. Sharifullina A. D. [Functional features of phraseological units]. In: *Obrazovaniye Rossii i aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki: sbornik statey II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Penza,*

- 27–28 мая 2019 г.) [Education in Russia and topical issues of modern science: collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference (Penza, May 27–28, 2019)]. Penza, Penza State Agrarian University" Publ., 2019. S. 273–275.
15. Yablonskaya O. G. [Text-forming features of phraseological units in a literary text]. In: *Вестн. БДПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*, 2019, no. 3 (101), pp. 94–98.
16. Bezugla L., Ostapchenko V. Intentionality of Poetic Discourse. In: *Theory and Practice in Language Studies*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 248–253. DOI: 10.17507/tpls.1202.05.
17. Fedulenkova T. N. Pragmatic functions of Modern English Phraseology. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 74–83. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Юлия Сергеевна – доцент кафедры английской филологии, заместитель декана факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения;
e-mail: ius.sorokina@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Sorokina – Assoc. Prof., Department of English Philology, Deputy Dean, Faculty of Romance and Germanic Languages, State University of Education;
e-mail: ius.sorokina@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорокина Ю. С. Опыт описания когерентных функций фразеологических единиц в текстах современных песен поп-жанра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 109–118.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-109-118

FOR CITATION

Sorokina Yu. S. An overview of describing coherent functions of phraseological units in modern pop song lyrics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 109–118.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-109-118

УДК 81.163.6(450)

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-119-130

РЕЗЬЯНСКИЙ МИКРОЯЗЫК: СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК ИТАЛИИ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Фёдорова Л. Л.*Российский государственный гуманитарный университет**125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Оценка состояния резьянского микроязыка в условиях доминирующего итальянского и под влиянием словенского языка.

Процедура и методы. В соответствии с теоретической установкой А. Д. Дуличенко резьянский рассматривается как «литературный микроязык», имеющий собственную письменную традицию, развиваемую на разных диалектах. Грамматические и лексические особенности идиома демонстрируются в сопоставлении с параллельными текстами на словенском языке (а также итальянском); сопоставление письменных образцов разных резьянских диалектов показывает их фонетические различия.

Результаты. Анализ позволил показать существенные отличия резьянского идиома от словенского, обусловленные не только сохранением в резьянском общеславянских архаических черт, но и дивергентным развитием в условиях изолированного положения Резии и контактов с романскими языками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Особенности резьянского идиома, проиллюстрированные в статье, могут помочь поддержать его статус как литературного микроязыка, отличного от словенского. Это даёт шансы сохранению архаичного идиома с малым числом носителей, отстаивающих собственную идентичность в условиях доминирования итальянского.

Ключевые слова: литературные «микроязыки», резьянский идиом, словенский язык, этническое самосознание, языки под угрозой

Благодарности. Автор благодарит резьянскую коллегу Н. Клементе за предоставленные материалы по резьянскому языку.

RESIAN MICROLANGUAGE: THE ENDANGERED SLAVIC LANGUAGE OF ITALY

L. Fedorova*Russian State University for the Humanities**Miuskaya ploshad 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. To assess the state of the Resian microlanguage in the conditions of the prevailing Italian and under the influence of the Slovene language.

Methodology. In accordance with A. D. Dulichenko's theoretical setting, Resian is considered as a 'literary microlanguage' with its own written tradition developed in different dialects. Grammatical and lexical features of the idiom are demonstrated in comparison with parallel texts of Slovene (also of Italian), while comparison of written samples of different Resian dialects shows their phonetic differences.

Results. The analysis allowed us to demonstrate significant differences between Resian and Slovene, due not only to the preservation of Common Slavic archaic features in Resian, but also to divergent development in an isolated position of Resia and contact with Romance languages.

Research implications. The features of the Resian idiom illustrated in the article can contribute to maintaining its status as a literary microlanguage different from Slovene. This gives chances to preserve an archaic idiom with a small number of speakers defending their own identity in the conditions of Italian dominance.

Keywords: literary 'microlanguages', Resian idiom, Slovene language, ethnic identity, endangered languages

Acknowledgments. The author thanks the Resian colleague N. Clemente for the materials provided on the Resian language.

Введение

Резьянский идиом относится к южнославянским языкам и используется в Италии, в провинции Удине области Фриули – Венеция – Джулия в общине Резия. Его положение среди славянских диалектов вызывает споры, проблема его сохранения обостряется не только малым и сокращающимся числом носителей, но и недостаточной определённости его статуса: независимого языка или диалекта словенского языка.

В рассмотрении А. Д. Дуличенко в славянском мире наряду с крупными славянскими языками существуют и «микроязыки» с малым числом носителей; в настоящее время «Микрославия» насчитывает по крайней мере 20 литературных микроязыков, среди которых резьянский относится к подгруппе «островных», т. е. находящихся в окружении иного доминирующего языка (к островным относятся также южнорусинский на территории Сербии и Хорватии, градищанско-хорватский в Австрии, молизско-славянский в южной Италии, банатско-болгарский в Румынии и Сербии). Понятие микроязыка появилось в лингвистике первоначально по отношению к южнорусинскому идиому этнического меньшинства, далее в 1981 г. А. Д. Дуличенко выделил уже 12 подобных славянских идиомов, объединив их под названием литературных «микроязыков». Основанием для их выделения считается наличие письменной традиции, кодификация, полная или частичная стандартизация орфографии и

самосознание носителей идиома, не отождествляющих свой идиом с иным наречием или языком [6]. На рубеже XX и XXI вв., как отмечает Дуличенко, наблюдается подъём в сфере «Микрославии»: становление новых литературных микроязыков, формирование собственных литератур. Это область экспериментов, в каждом случае они могут дать разные результаты, однако предполагается, что этот процесс будет развиваться, в частности благодаря возросшим возможностям интернет-коммуникации [7]. Проблемы микроязыков, в частности диалектов русинского, изучаются на страницах журнала «Русин», а также «Вестника Московского государственного областного университета» (см., например [10]).

В лингвистическом мире, однако, трактовка подобных идиомов как языков / микроязыков или диалектов однозначно не решена, и для ряда конкретных примеров существуют противоположные точки зрения; позиция лингвиста может противоречить мнению носителей идиома. К таким идиомам принадлежит и резьянский, который многие лингвисты относят к диалектам словенского языка, но сами резьяне не считают себя словенцами, а свой идиом сохраняют как самостоятельный язык. Встаёт вопрос: кто же должен определять статус идиома: лингвисты или народ, который на нём говорит?

«Резья и резьяне»

Так называется труд Бодуэна де Куртенэ (1876) [2], одного из первых ис-

следователей в этой области; в нём описывается географическое положение, топонимика, история Резии и традиции населяющих его славян. Лингвистические исследования проводились Бодуэном в ходе нескольких экспедиций в Резию; их результатами стали труд «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875) [3], а также объёмные материалы для резьянского словаря, содержащие записи текстов от информантов. Над подготовкой к изданию словарных материалов работали Н. И. Толстой, издавший часть словаря Бодуэна (A–D) в 1966 г. [4], А. Д. Дуличенко и М. Матичетов, однако большая часть этих материалов всё ещё не опубликована.

Считается, что славянские племена обосновались в долине реки Резии в Альпах в период VI–VII вв., как и в других регионах Восточных Альп. Обособленное положение горной долины способствовало сохранению архаических черт славянского наречия, хотя языковые контакты и изменяющееся административное подчинение на протяжении веков обусловили проникновение германской и романской (итальянской, фриульской) лексики.

На небольшой территории (долина протянулась на 20 км с запада на восток) расположено пять крупных поселений, различающихся, в основном, особенностями произношения: Била (*San-Giorgio*), Нива (*Gniva*), Осояне (*Oseacco*), Солбиза (*Stolviza*), Раванца (*Prato di Resia*) – топонимы сохраняют парные названия, резьянское и итальянское. Как полагал Бодуэн де Куртенэ, заселение долины славянами могло проходить в несколько этапов, так что изначально различия между говорами могли быть более существенными, но они постепенно сглаживались; тем не менее в настоящее время можно говорить о наличии четырёх диалектных вариантов или говоров в пределах самого резьянского идиома.

Многие лингвисты склонны рассматривать резьянский в составе словенского диалектного континуума как диалект

словенского, входящий наряду с венецианско-словенским в приморскую группу диалектов; резьянский обнаруживает со словенским естественную структурную и лексическую близость (например, наличие двойственного числа и супина, высокий процент общей базовой лексики). При этом историческое развитие резьянского идиома и географические условия обособили его от словенских диалектов, способствовав сохранению архаических черт.

Непосредственными соседями резьян являются фриулы, их язык близок ретороманскому. Контакты с ближайшими словенцами в провинции Фриули (говорящими на венецианско-словенском диалекте) достаточно затруднены и горным ландшафтом (к ним можно попасть только через высокий горный перевал), и развившимися языковыми различиями, прежде всего фонетическими, в области вокализма и ударения, но также и грамматическими. Так, в резьянском используется определённый артикль, сохраняются аорист и имперфект, используются составные предлоги с наречной частицей *ta-/tu-*, в речи отмечается редупликация местоименных клитик. В результате между резьянами и словенцами отсутствует достаточный уровень взаимопонимания (несколько более высокий уровень взаимопонимания – с говорами долин Торре и Натизоне), что признают и лингвисты, относящие резьянский к словенским диалектам [15, р. 306]. Так что резьяне не считают себя словенцами, отстаивая собственную идентичность.

Таким образом, между резьянским идиомом и словенским существует своего рода конкуренция, при которой резьяне не принимают норм стандартного словенского языка, развивая собственный литературный микроязык. Интересно и то, что венецианские (фриульские) словенцы также не используют стандартный (литературный) словенский, так как на территории Италии его функции выполняет итальянский язык.

Необходимо отметить, что письменная традиция оформилась для словенского языка в конце XVI в., но словенский долгое время оставался языком крестьянства со множеством диалектов (в противопоставлении доминирующему немецкому языку элиты) и как литературный язык приобрёл прочные основания с включением в состав Югославии после II Мировой войны и далее с провозглашением независимости в 1991 г. Для резьянского появление первых текстов зафиксировано в конце XVIII в., а венецианско-словенский стал развивать письменную практику уже в последнее время; Дуличенко относит его к слабо развивающимся литературным микро-языкам.

Поскольку резьяне не проживают на территории Словении, они не ориентируются на нормы словенского языка и сопротивляются признанию словенского как общего литературного языка. Противостояние словенскому влиянию носит активную форму. Так, в 2004 г. более 1000 резьян (порядка 80%) выступили с петицией «Мы не словенцы, мы резьяне!»¹

Социолингвистическая характеристика

В социолингвистическом отношении резьянский идиом считается миноритарным языком Италии и объявлен находящимся под угрозой исчезновения, поэтому пользуется определённой государственной поддержкой. Число его носителей в Резии не превышает 1000 человек, в то время как в середине XIX в. их насчитывалась более 3 000 (к началу XX в. более 4 000). В большинстве своём резьяне дву- и трёхязычны (знают итальянский и фриульский). Молодые резьяне ищут работу в основном за пределами долины. Увеличивается число

смешанных браков, что создаёт преграды для усвоения языка в семье.

В Резии существует школа, в которой преподаётся резьянский язык и культура (общее образование на итальянском языке), в ней есть самая младшая группа (для детей 3–5 лет), начальная школа (для 6–11 лет) и средняя (для 12–14 лет). В 2021–2022 учебном году в школе насчитывалось 54 ученика². В старшие классы ученики переходят в итальянские школы вне Резии. Поскольку резьяне сопротивляются признанию словенского как общего литературного языка, они не стремятся внедрять его изучение в школах. Они оправданно считают, что навязывание детям норм словенского, подавляющих собственную языковую традицию и языковую интуицию, приведёт к утрате резьянского идиома.

В то же время за пределами Резии проживает достаточно много резьян, которые стремятся поддержать знание исконного языка как основу собственной этнической идентичности. Они обучаются на курсах резьянского, организуемых резьянскими активистами и проводимых по интернету.

Хотя обычно новые коммуникационные технологии рассматриваются как угрожающие функционированию малых языков, тем не менее именно они позволяют поддерживать их существование, объединять их носителей, создавать обучающие проекты, отмечает О. А. Казакевич: «К настоящему времени накоплен некоторый опыт использования информационно-коммуникационных технологий для поддержания функционирования малых языков, прежде всего в странах ЕС в рамках программы развития многоязычия. Основными коммуникативными сферами, через которые может осуществляться целенаправленное влияние на функционирование языков, являются сегодня образование, средства массовой информации и Интернет» [8, с. 15].

¹ «Siamo resiani e non sloveni» Mille firme per un referendum // Messaggero Veneto, 05.02.2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34JN9v> (дата обращения: 12.09.2022).

² По данным Н. Клементе (N. Clemente).

Поддержкой языка занимается общество по культуре Резии, Резьянский культурный центр, ассоциация «Идентичность и защита долины Резии» и другие ассоциации. Существуют интернет-сообщества, организуются встречи и праздники. На двух языках (итальянском и резьянском) до недавнего времени издавался приходской бюллетень *All'Ombra del Canin / Ta pod Čanynowo sinco* ('под тенью Канина'), журнал *Näs glas / La nostra voce* ('наш голос'). Резьянские авторы издают свои произведения, также публикуются переводы: в 1921 г. вышел перевод на резьянский «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери. Резьяне стремятся передать молодому поколению традиции и язык.

Ситуация с резьянским микроязыком во многом сопоставима с ситуацией в молизско-славянском, островном миноритарном идиоме южной Италии. Так же, как и в Резии, число носителей уменьшается и не превышает тысячи, «зонтичным языком» выступает итальянский, и хотя сам идиом лингвисты относят к сербско-хорватскому диалектному континууму, молизские славяне не отождествляют себя с хорватами – в отсутствие контактов с ними они считают себя итальянцами со славянскими этническими корнями¹ [1].

«Слова на плёнке»: сопоставление резьянского и словенского текстов

Можно продемонстрировать на текстовых примерах языковые различия резьянского и словенского языков.

Культурная ассоциация «Музей народа долины Резии» издала в 2009 г. на трёх языках (резьянском, итальянском

и словенском) записи резьян о традициях и обычаях своего народа, собранные в конце XX в. на резьянском языке. Старый уклад жизни сохранялся в долине до 1976 г. – времени крупного землетрясения. Сборник «Biside ta-na traku – Le parole su nastro – Besede na traku»², т. е. буквально «Слова на плёнке», содержит рассказы резьян о прошлом, что сообщается подзаголовком:

(1) Biside anu imprëšti od naših tih starih (букв. 'Слова и вещи / инструменты от наших старших').

(1a) Testimonianzi orale i materiali della vita di un tempo in Bal Resia (ит. 'Устные и материальные свидетельства жизни в старину в Долине Резия').

(1b) Besede in predmeti naših starih (словенск.).

Резьянская фраза содержит фриульское заимствование *imprëšti* ('инструменты, вещи'), чего нет в словенском. Итальянский перевод выполнен в более книжном стиле.

В сопоставлении резьянского и словенского заголовков, помимо материальных лексических различий, можно отметить включение клитик, удлиняющих резьянскую фразу: сложную предложную конструкцию *ta-na* (*ta* – местоименно-наречная частица типа 'там'), соответствующую предлогу *na* в словенском, наличие предлога *od* ('от') и определённого артикля *tih* перед субстантивированным прилагательным *starih* ('старых'), отсутствующих в словенском.

Сами тексты рассказов напечатаны по-резьянски целиком (в соответствии с устным текстом записи), причём на разных диалектах, а по-словенски и по-итальянски – в кратком пересказе.

В примере из «Введения» (*Tu-w počnet*) обнаруживается регулярное использование сложных предлогов *tu-w* (*tu* – аналогично *ta*), даже при инфинитиве (*počnet*

¹ По докладу Марко Биасио (Marco Biasio) "Slavic enclaves in Italy: some notes on Molise Slavic" в Институте современных языков, межкультурной коммуникации и миграций 14.12.2022. См.: Научно-образовательный институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций РУДН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rudn.ru/science/research-institutes/institut-sovremennyh-yazykov-mejkulturnoy-kommunikacii-i-migraciy> (дата обращения: 14.12.2022).

² Biside ta-na traku. Le parole su nastro. Besede na traku. Udine: Associazione culturale "Museo della Gente del Val Resia", 2009. 148 p. Далее – Biside ta-na traku.

‘начать’), что является своеобразной лексико-грамматической чертой:

(2) *Tu-w počnet <...> kako to jě bilo tu-w planini, da kako ni so dělali tu-w njivi, tu-w ozdë ano tu-w liwë.*¹

‘В начале (= ‘Введение’) <...> как это было на равнине, и что они делали в поле, в лесу и в конюшне (в хлеву)’.

Причём такие формы предлогов (*ta-na*, *tu-w* и под.) встречаются уже в первых письменных текстах – в переводе Катехизиса и молитв в XVIII в. Здесь уже можно говорить о грамматикализации предложной конструкции [12].

Можно также сравнить некоторые фразы, вынесенные в заголовки рассказов, на резьянском, итальянском и словенском, чтобы отметить другие особенности.

(3) *Tadej, somö rakle racjun to rosojansko, mi* (рез.)

(3a) *Allora, noi recitavamo le preghiere in resiano* (ит.)

(3b) *Takrat smo molili po resjansko* (словенск.)²

(в этом и в других параллельных примерах даётся буквальный перевод резьянского: ‘Тогда мы произносили молитвы на резьянском’).

Здесь обращает на себя внимание в резьянском личное местоимение, вынесенное в ударную конечную позицию, определённый артикль перед названием языка («розоянский»), разложенная глагольная конструкция ‘говорили молитвы’, где *racjun* – итальянское заимствование, от *orazione*). Резьянский язык называется *Rošajanske romonenj / langač* (последнее – фриульское заимствование).

(4) *W Sinto Lücijo, dölu w Vinčun.*

(4a) *In pellegrinaggio a Venzone per la festa Santa Lucia.*

(4b) *V Pušjo vas na dan sv. Lucije.*

(‘На святую Люцию вниз в Венцоне’)³

В этом примере можно отметить предложную конструкцию *dölu w* ‘вниз в’ (в словенском только ‘в’); резьяне обычно уточняют направление не только по горизонтали, но и по вертикали, поскольку это помогает ориентироваться в горной местности (об этом также в [11]). Вообще модели пространства, его концептуализация являются важными этноспецифическими характеристиками языка [5]; так, уточнение вертикальной ориентации, обусловленное условиями жизни в горах, присуще также и словацкому языку (см. об этом [9]). В примере обращает на себя внимание и несовпадение топонимических обозначений одного города (славяне часто дают собственные имена для иноязычных названий мест).

(5) *Ko ni so odili wun z Niškë ni so mäli krösno to ta-na artë.*

(5a) *Quando andavano in Austria avevano la “krösma” a spalla.*

(5b) *Po Awstriji so šli s „krosno” na hrbtu.*⁴

(‘Когда они ходили по Австрии, они несли эту «кросму» на спине’; «кросма» – короб, деревянный ящик (ср. *кросно*, по Фасмеру) или точильный станок; «Нишке» могли называть и Германию, и Австрию).

Здесь ещё один пример предложной конструкции ориентации: *wun z* ‘вверх через’ (*wun-čiz*), соответствующий словенскому *po*, сложный предлог *ta-na*, а также повторы личных местоимений.

(6) *Izdë w vasy si bila vidla köj no babico, ki na odila ščë ziz čamažoton.*

(6a) *In paese ho avuto modo di vedere solo una donna vestita ancora con il “čamažot”.*

(6b) *V vasi sem videla samo eno žensko, ki je še nosila čamažot*⁵.

(‘Там в деревне я, бывало, видела только одну женщину, которая ещё ходила в чамажоте’ (*čamažot* – вид платья, фриульское заимствование)).

¹ Biside *ta-na traku*. P. 4.

² Biside *ta-na traku*. P. 147. Рассказчик – Луиджа Негро (Luigia Negro), записано в 1999.

³ Biside *ta-na traku*. P. 147. Рассказчик – Катя Квалья (Catia Quaglia), записано в 1996.

⁴ Biside *ta-na traku*. P. 146. Рассказчик – Катя Квалья (Catia Quaglia), записано в 1997.

⁵ Biside *ta-na traku*. P. 145. Рассказчик – Луиджа Негро (Luigia Negro), записано в 1999.

В этой фразе встречается архаичная форма плюсквамперфекта, отсутствующего в словенском; начальная предложная конструкция включает наречие *izdë* 'там', в придаточном добавлено личное местоимение *na* 'она'.

Даже эти начальные наблюдения над письменными текстами позволяют заметить своеобразие резьянского языка в сравнении со словенским: усложнение предложных конструкций, более частое использование личных местоимений, определённого артикля, наличие форм плюсквамперфекта. Какие-то из особенностей являются архаическими, что-то перенято из фриульского, а некоторые черты, в частности предложные конструкции, видимо, развились на собственной почве. Кроме того, можно отметить и особый синтаксический строй с обилием коротких частиц (клитик), усложняющих синтаксическую структуру фразы, делающий речь более размеренной.

Вопросы кодификации и стандартизации орфографии

Для статуса микроязыка важна его кодификация, т. е. описание его нормативной грамматики на фоне имеющихся вариантов. Как отмечает Дуличенко, литературные микроязыки проходят путь становления и утверждения языковых норм аналогично тому, как это осуществляли признанные славянские языки.

Одним из ключевых моментов является появление первых письменных памятников и развитие письма в народной практике. Первые попытки записи текстов на резьянском ориентируются на итальянский вариант латиницы. Самый первый известный памятник – Резьянский катехизис 1797 г. – *Libri od luzi nebesche*, составленный Франко Доменико Мичелли (Franco Domenico Micelli), издан Бодуэном де Куртенэ в 1875 г. как приложение к «Опыту фонетики резьянских говоров» [3]. Полное название добавляет содержание катехизиса – *Hanu lutz od*

Dutrine hanu suveto pisme christiansche. Hogia nas, Credo, Salveregina, Angeli deji anu Comandominte Bohove, Te Suvete Canzonete ot Christiansche lezzi – в смешении латинских и славянских основ отчётливо прослеживается влияние итальянского языка. Второй известный текст – *Christianske Uzhilo* ('Христианское учение'), 1845–1850, издан Бодуэном в 1913 г. При сравнении этих текстов можно заметить определённые колебания в передаче согласных звуков с использованием диграффов. Собственные записи резьянских слов и текстов Бодуэном де Куртенэ выполнены в соответствии с разработанной им системой фонетической транскрипции с многочисленными диакритиками.

Важным шагом в стандартизации языка является установление нормативной орфографии, ориентированной на стандартизацию произношения и грамматическую унификацию вариантов. Первоначальную версию стандартной орфографии разработал Х. Стеенвийк (H. Steenwijk) с коллегами в 1994 г. [16], однако эта орфография окончательно не закрепилась, резьяне предпочитают писать каждый на своём диалекте (что и видно в текстах 2009 г.). В современной записи активно используются диакритики.

Развитию письменной традиции служит школьное образование. Как отмечает О. А. Казакевич, до 70-х гг. прошлого столетия во многих странах Европы основным языком образования служил государственный, использование малых языков подавлялось. «До недавнего времени образование почти повсеместно было инструментом сокращения функционирования малых языков. В настоящее время именно эту сферу более или менее успешно стараются использовать в качестве рычага для их сохранения и развития» [8, с. 18].

Интересен в связи с этим изданный в 2009 г. школьный учебник по резьянской грамматике, включающий пять последовательных вариантов текста: стандартный и четыре специальных, выделенных

разными цветами¹. Стандартный вариант выстроен лингвистами искусственно, остальные соответствуют произношению диалектов, используемых в поселениях Резии: *po-biskin* ('по-бильски', от *Била*), *po-njiwaskin* ('по-нивски', от *Нива*), *po-ošëjskeh* ('по-осойски', от *Осояне*), *po-solbaški* ('по-солбицки', от *Солбица*).

Основной текст учебника написан по-итальянски. Название учебника – *Nawüčimö se po näs!* 'Научимся по-нашему!', далее по-итальянски: *Impariamo nel resiano* 'Учимся резьянскому'. Подзаголовок по-резьянски: *Gramatika ša utruke* – 'Грамматика для детей' (см. рис. 1).

Тема «Существительные» открывается строчками резьянской народной песни про Марицу («Хороша моя Марица») рядом с изображением девушки в национальном костюме (см. рис. 2). В стандартной орфографии куплет записывается так:

(7) *Lipa mi Mariza | Rinina si ti | Ko ta na Rüščë pöjdëš | U filo cón ti prit*².

По-осойски этот текст выглядит так:

(7a) *Lipa mi Marizä | Rininä si ti | Ko ta-na Rüščë pöjdëš | U filo cón ti prit*³.

(Хороша моя Марица | Ты из семьи Ринин | Когда ты пойдёшь на Рушче (в горы) | я приду ухаживать за тобой')

Рис. 1 / Fig. 1. Обложка школьного учебника резьянского языка / The cover of the Resian language school textbook.

Источник: данные Нади Клементе

¹ *Nawüčimö se po näs! Impariamo nel resiano. Gramatika ša utruke*. Paluzza: Cortolezzis, 2009. 222 p.

² *Nawüčimö se po näs! Impariamo nel resiano. Gramatika ša utruke*. Paluzza: Cortolezzis, 2009. P. 9. Далее – *Nawüčimö se po näs!*

³ *Nawüčimö se po näs!* P. 135.

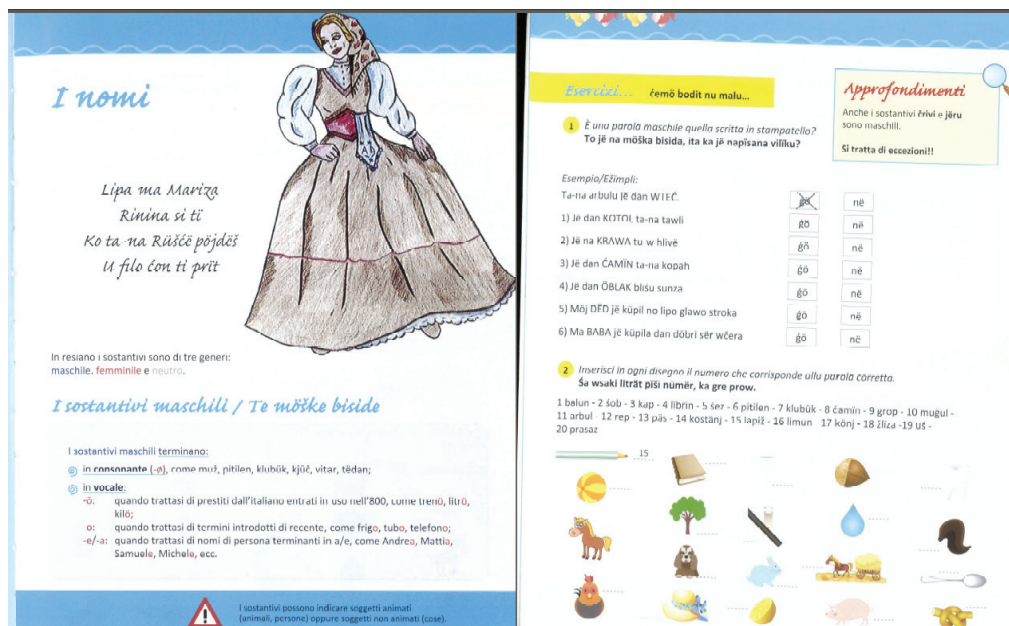

Рис. 2 / Fig. 2. Страницы 9–10 стандартной части учебника, тема «Существительные» / Pages 9–10 of the standard part of the textbook, the topic “Nouns”

Источник: данные Нади Клементе

Осойская запись отражает, помимо особого характера гласных, орфографическое объединение сложного предложения.

Можно сравнить пример упражнения стандартного варианта и осойского. Задание записывается по-итальянски, затем по-резьянски:

(8) È una parola maschile quella scritto in stampatello? (‘это слово мужского рода (букв. «мужское»), которое написано большими буквами?’)

(8a) *To jë na möška bisida, ita ka jë napī-sana viliku?*¹ – стандартный вариант.

(8b) *To ë na möškä basidä, ita ka ë napī-sanä valiku?*² – осойский вариант.

Осойский указывает особенности произношения, заметные как в окончаниях, так и в корневых основах. В примерах встречаются и отличия грамматического свойства (в падежных окончаниях: *ta-na tawli* – *tawle* ‘на столе’).

Таким образом, очевидно, что диалекты резьянского заметно различаются,

что осложняет создание и нормативной грамматики, и стандартной орфографии. Впрочем, возможно, на этом этапе достаточно научить детей писать на своём наречии, чтобы затем перейти к освоению единой унифицированной нормы.

Над этой задачей продолжают работать лингвисты и школьные учителя.

Теоретическим изучением своего языка занимаются и сами резьяне. Так, в 2020 г. в Италии опубликовано «Введение в грамматику резьянского языка» [13]. Автором издания является Н. Клементе (N. Clemente) – президент общества «Идентичность и защита долины Резии».

Как относятся резьяне к своему языку?

Как было отмечено, все резьяне дву- или трёхязычны. Отношение к резьянскому зависит от возраста: старшие поколения гордятся, что они имеют свой собственный язык, стараются поддерживать его в семье; молодёжь больше ориентируется на итальянский, чтобы сделать

¹ Nawüčimö se po näs! P. 10.

² Nawüčimö se po näs! P. 136.

карьеру, но сохраняет и родную речь. В школах устраиваются праздники, где дети поют резьянские песни, на молодёжных встречах исполняются резьянские танцы, играют на народных инструментах [14, p. 69].

Вопрос к носителю языка: на каком языке вы думаете?

– *И на резьянском, и на итальянском. Раз так, раз по-другому. Но когда я думаю по-резьянски, я чувствую себя собой – хорошо* (Н. Клементе).

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели ситуацию с резьянским микроязыком в Италии, статус которого неоднозначен. Специфика положения резьянского языка в современных условиях заключается не только в подчинении доминирующему государственному языку, не только в контактном взаимодействии с соседним фри-

ульским, из которых заимствуется лексика, но и в своеобразном соперничестве со словенским языком. Малочисленность носителей резьянского, с одной стороны, и генетическая близость со словенскими диалектами, с другой, создают угрозу его сохранению. Однако этническая самоидентификация резьян, не считающих себя частью другого народа, и языковые особенности идиома, сохранившего некоторые архаические черты славянского наречия и развившего в результате дивергенции собственные языковые особенности, отличающие его словенского, способствуют его поддержанию. Этому служит и творчество резьянских авторов, создающих свои произведения на резьянском языке, и просветительская и педагогическая деятельность по изучению резьянского языка и культуры.

Дата поступления в редакцию 12.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Биаззио М. Перформативы в резьянском и молизско-славянском микроязыках // ВАПросы языкознания. Мегасборник наностатей: сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна. М.: «Буки Веди», 2020. С. 409–414.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Резья и резьяне // Славянский сборник. Том III. СПб.: издание Петербургского отдела Славянского комитета, 1876. С. 223–371.
3. Бодуэн де Куртенэ И. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава – Петербург: Э. Венде и К^о; Д. Е. Кожанчиков, 1875. 208 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И. Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого) // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 183–226.
5. Гавриленко О. В. Проблемы взаимодействия человека и ландшафта в современных сравнительно-сопоставительных исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/> (дата обращения: 12.12.2022). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-1-805.
6. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.
7. Дуличенко А. Д. Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин. 2017. № 2 (48). С. 41–50. DOI: 10.17223/18572685/48/4.
8. Казакевич О. А. Поддержка малых языков с помощью информационно-коммуникативных технологий: зарубежный опыт // Представление языков народов России и стран СНГ в российском сегменте интернета: сборник трудов конференции. М.: Межрегиональный центр регионального сотрудничества, 2008. С. 15–26.
9. Корина Н. Б. Национальная специфика пространственных моделей в языке и культуре (руско-словацкий аспект) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/> (дата обращения: 12.12.2022). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-4-644.
10. Рупосова Л. П. Русины и русинский язык: история и современность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 3. С. 91–96. DOI: 10.18384/2224-0209-2012-3-584.

11. Фёдорова Л. Л. Топонимы Резии и выражение пространственных отношений в резьянском языке // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): материалы Международной научной конференции (Москва, 12–14 октября 2021 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 167–175. DOI: 10.31168/0459-6.26.
12. Фёдорова Л. Л. Грамматические фразеологизмы и другие виды идиом в резьянских текстах XVIII–XIX вв. и в современной практике // Славянская паремиология и паремиография петровского времени: взаимодействие «своего» и «чужого». СПб.: СПбГУ; Смоленск: СГУ, 2022. С. 56–61.
13. Clemente N. Introduzione alla lingua resiana. Udine, 2020. 125 p.
14. Clemente N. Resia – a Slavic enclave in Italy: culture and religion in 19th century texts // *Ethnologia Slovaca et Slavica*. T. 43 / ed. Botiková M. Bratislava: Univerzita Komenského, 2022. P. 63–85.
15. Dapit R. Identità resiana fra «mito» e ideologia: gli effetti sulla lingua // *Slavica Tergestina*. 2001. No. 9. P. 301–319.
16. Steenwijk H. Ortografia resiana = Tö jošt rozajanskë pisanjë (in Italian and Slovenian). Padua: CLEUP, 1994. 74 p.

REFERENCES

1. Biasio M. [Performatives in Resian and Molise Slavic microlanguages]. In: *VAProsy yazykoznaniya. Megاسبornik nanostatey: sbornik statey k yubileyu V. A. Plungyana* [Questions of Linguistics. Mega-collection of nanoarticles: a collection of articles dedicated to the anniversary of V. A. Plungyan]. Moscow, «Buki Vedi» Publ., 2020, pp. 409–414.
2. Baudouin de Courtenay I. A. [Rezja and rezjane]. In: *Slavyanskiy sbornik. Tom III* [Slavic collection. Volume III]. St. Petersburg, Peterburgskiy otdel Slavyanskogo komiteta Publ., 1876, pp. 223–371.
3. Baudouin de Courtenay I. *Opyt fonetiki rez'yanskikh govorov* [The experience of the phonetics of Rezyan dialects]. Varshava, E. Vende i K^o Publ., Peterburg, D. Ye. Kozhanchikov Publ., 1875. 208 p.
4. Baudouin de Courtenay I. [Rezyansky dictionary (edited by N. I. Tolstoy)]. In: *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic lexicography and lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 183–226.
5. Gavrilenko O. V. [Problems of man and landscape interaction in modern comparative and contrastive researches]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2013, no. 1, Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/> (accessed: 12.12.2022). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-1-805.
6. Dulichenko A. D. *Slavyanskiye literaturnyye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic literary microlanguages: issues of formation and development]. Tallin, Valgus Publ., 1981. 323 p.
7. Dulichenko A. D. [Slavic microlinguistics and slavic microphilology]. In: *Rusin* [Rusin], 2017, no. 2 (48), pp. 41–50. DOI: 10.17223/18572685/48/4.
8. Kazakevich O. A. [Support for small languages using information and communication technologies: foreign experience]. In: *Predstavleniye yazykov narodov Rossii i stran SNG v rossiyskom segmente interneta* [Representation of the languages of the peoples of Russia and the CIS countries in the Russian segment of the Internet]. Moscow, Mezhhregional'nyy tsentr regional'nogo sotrudnichestva Publ., 2008, pp. 15–26.
9. Corina N. B. [National specifics of spatial patterns in the language and culture (Russian-Slovak aspect)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2013, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/> (accessed: 12.12.2022). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-4-644.
10. Ruposova L. P. [Ruthenians and the Ruthenian language: their history and the present]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2012, no. 3, pp. 91–96. DOI: 10.18384/2224-0209-2012-3-584.
11. Fedorova L. L. [Toponyms of Rezya and the Expression of Spatial Relations in the Rezyan Language]. In: *Mezhkul'turnoye i mezh'yazykovoye vzaimodeystviye v prostranstve Slavii (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya S. B. Bernshteyna): materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 12–14 oktyabrya 2021 g.)* [Intercultural and interlingual interaction in the space of Slavia (to the 110th anniversary of the birth of S. B. Bernshtein): materials of the International Scientific Conference (Moscow, 12–14 October 2021)]. Moscow, Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 167–175. DOI: 10.31168/0459-6.26.

12. Fedorova L. L. [Grammatical phraseological units and other types of idioms in the Rezyan texts of the 18th–19th centuries. and in modern practice]. In: *Slavyanskaya paremiologiya i paremiografiya petrovskogo vremeni: vzaimodeystviye «svoeyego» i «chuzhogo»* [Slavic paremiology and paremiography of the time of Peter the Great: the interaction of “one's own” and “alien”]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., Smolensk, Smolensk State University Publ., 2022, pp. 56–61.
13. Clemente N. Introduzione alla lingua resiana. Udine, 2020. 125 p.
14. Clemente N. Resia – a Slavic enclave in Italy: culture and religion in 19th century texts. In: Botiková M., ed.: *Ethnologia Slovaca et Slavica, T. 43*. Bratislava, Univerzita Komenského Publ., 2022, pp. 63–85.
15. Dapit R. Identità resiana fra «mito» e ideologia: gli effetti sulla lingua. In: *Slavica Tergestina*, 2001, no. 9, pp. 301–319.
16. Steenwijk H. Ortografia resiana = Tö jošt rozajanskë pisanjë (in Italian and Slovenian). Padua, CLEUP, 1994. 74 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фёдорова Людмила Львовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: lfvoux@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila L. Fedorova – Cand. Sci. (Philology), Department Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Russian State University for the Humanities;
e-mail: lfvoux@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фёдорова Л. Л. Резьянский микроязык: славянский язык Италии под угрозой исчезновения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 119–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-119-130

FOR CITATION

Fedorova L. L. Resian microlanguage: the endangered Slavic language of Italy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 119–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-119-130

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.112.2`36

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-131-137

НЕМЕЦКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ ТАКСИСА

Архипова И. В.

Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в рассмотрении немецких девербативов на *-en*, *-ung*, *-t*, *-e* и безаффиксных образований через призму категории таксиса.

Процедура и методы. В статье проанализированы различные девербативы, употребляемые с предлогами темпоральной семантики *in*, *bei*, *mit*, *w* *hrend*, *vor*, *seit*, *nach*, *bis*. При проведении исследования применены следующие методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный и трансформационный.

Результаты. На основе анализа эмпирического материала было выявлено, что немецкие девербативы реализуют свой таксисный потенциал при условии сохранения ими вербальных признаков производящих глаголов. При употреблении с таксисными предлогами темпоральной семантики девербативы актуализируют категориальные значения примарного таксиса одновременности, предшествования и следования. Таксисный потенциал девербативов различной деривационной семантики вариабелен, он «варьируется» от абсолютного и «стабильного» к относительному и «нестабильному».

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию таксиса. Материалы и основные положения исследования могут быть использованы в практике преподавания теории языка и функциональной грамматики в высшей школе.

Ключевые слова: таксис, девербативы, таксисный потенциал, абсолютный таксисный потенциал, относительный таксисный потенциал, таксисный актуализатор, таксисный предлог, примарно-таксисные значения

GERMAN DEVERBATIVES THROUGH THE PRISM OF THE CATEGORY OF TAXIS

I. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University,
ulitsa Vilyuiskaya, 28, Novosibirsk 630126, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider German deverbatives in *-en*, *-ung*, *-t*, *-e* and non-affix formations through the prism of the category of taxis.

© CC BY Архипова И. В., 2023.

Methodology. The article analyzes various deverbatives used with the prepositions of temporal semantics *in, bei, mit, w hrend, vor, seit, nach, bis*. During the research, the following methods were used: hypothetical-deductive, inductive, descriptive, contextual and transformational method.

Results. Based on the analysis of empirical material, the study revealed that the German deverbatives realize their taxis potential if they save the verbal characteristics of generating verbs. When combined with taxis prepositions of temporal semantics, the deverbatives actualize such categorical values of primary taxis as simultaneity, precedence and following. The taxis potential of deverbatives of different derivational semantics is variable, it “varies” from absolute and “stable” to relative and “unstable”.

Research implications. The research results make a certain contribution to the taxis theory. The main provisions of the research can be used in teaching the language theory and functional grammar at a university level.

Keywords: taxis, deverbatives, taxis potential, the absolute taxis potential, the relative taxis potential, taxis actualizer, taxis preposition, primary taxis values

Введение

Вопросы семантики (лексической, аспектуальной, деривационной), а также синтаксической сочетаемости отглагольных имён существительных в германских языках рассматриваются в работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как И. В. Архипова, Е. В. Болотова, Е. Г. Бурмистрова, С. В. Зимин, Н. Н. Зольникова, К. Кноблех (С. Кноблех), В. Ульмер-Эрих (V. Ullmer-Ehrich), А. Росдёйтчер (A. Roßdeutscher), Х. Камп (H. Kamp) и др. [1–8]. Е. В. Болотова исследует словообразовательные и аспектуальные особенности некоторых немецких deverбативов, в частности, имён с агентивным значением [2; 3]. Н. Н. Зольникова описывает немецкие deverбативы в контексте словообразования, выделяя имена различной деривационной семантики [6]. Е. Г. Бурмистрова рассматривает проблемы синтаксической сочетаемости deverбативов с именами прилагательными в функции атрибутов (препозитивных, постпозитивных) [4]. Исследования зарубежных языковедов посвящены изучению вопросов семантики и синтаксиса имён определённой деривационной модели на -ung [7; 8].

Вне исследовательского поля, как правило, остаётся таксисный потенциал немецких deverбативов, реализуемый ими в условиях синтагматического контекста, в частности при употреблении с предложениями темпоральной семантики. *Под таксисным потенциалом deverбативов мы*

понимаем их способность к актуализации таксисных категориальных значений одновремени и разновременности при их употреблении с предложениями.

Цель настоящей работы – рассмотрение немецких deverбативов различных деривационных моделей, в частности, -en, -ung, -t, -e и безафиксных имён в контексте реализации их функционала, позволяющего им выступать в качестве актуализаторов таксисных категориальных значений. В связи с поставленной целью решены следующие задачи: исследованы стальные, процессуальные, акциональные и событийные имена различной деривационной семантики с позиций реализации их таксисных функций, а также выделены и описаны имена с абсолютным и относительным (стабильным, нестабильным) таксисным потенциалом.

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, а также контекстуальный и трансформационный методы. Методология данного исследования, включающая использование комбинированного ономато-семиологического подхода (от семантики к форме и от формы к семантике) к рассмотрению deverбативных имён существительных, позволила выявить и описать их таксисные функции, реализуемые в высказываниях с темпоральными предложениями. Принципиально новым при проведении функционально-семантического анализа таксисных deverбативов явилось использование ди-

агностического теста, позволившего выявить трансформационные возможности ревербализующихся имён и установить особенности их таксисного потенциала.

Результаты исследования

Среди немецких девербативов с различным таксисным потенциалом (абсолютным / относительным, «стабильным» / «нестабильным») в данной работе мы различаем: (1) статальные девербативы (*das Stehen, das Sitzen* и др.); 2) процессуальные девербативы (*das Schlafen, das Nachdenken, das Beobachten, die Erwartung, die Begeisterung, die Bewunderung, die Verwunderung*); 3) акциональные девербативы (*das Tanzen, das Gehen, das Fahren*); (4) событийные девербативы (*die Ankunft, die Abreise, die Ausreise, die Einreise, die Abfahrt, die Trennung, die Scheidung, die Vernehmung, der Abschied, der Angriff, der Überfall, der Weggang, der Auszug, der Fortzug, der Schlag, der Wurf*).

Девербативы на *-en* с абсолютным таксисным потенциалом

Немецкие девербативы на *-en* статальной, акциональной, процессуальной или событийной семантики следует характеризовать как имена с абсолютным таксисным потенциалом. Их функционально-таксисный потенциал стабилен и реализуется практически в любом синтагматическом контексте при их сочетании с темпоральными предложениями. Эти имена полностью сохраняют вербальные и аспектуальные свойства производящих их глаголов, характеризуясь максимальной степенью вербогенности. Они ревербализуемы, т. е. легко трансформируются в производящие их глаголы соответствующей лексической семантики, например:

(1) *Jede Bewegung schmerzt, besonders beim Schlafen*¹. → *Jede Bewegung schmerzt, besonders wenn man schläft*.

¹ Здесь и далее иллюстративный материал подобран из корпуса DWDS. См.: DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.10.2022).

(2) *Auch davon profitiert er beim Beobachten der menschlichen Mimik und Gestik.* → *Auch davon profitiert er, wenn er die menschliche Mimik und Gestik beobachtet*.

(3) *Im Stehen zieht er den langen Papierstreifen durch die Hände.* → *Wenn er steht, zieht er den langen Papierstreifen durch die Hände*.

(4) *Nach dem Tanzen war Singen auf dem Eis geplant.* → *Nachdem man getanzt hatte, war war Singen auf dem Eis geplant*.

Процессуальные имена *das Schlafen, das Beobachten*, статальный девербатив *das Stehen* и акциональный девербатив *das Tanzen* являются именами с абсолютным таксисным потенциалом. Диагностический тест на их ревербализацию (см. высказывания 1–4) подтверждает, что они ревербализуемы и в максимальной степени сохраняют вербальную семантику. При сочетании с предложениями темпоральной семантики *bei, in* и *nach* они выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных или собственно хронологических значений одновременно (см. примеры 1–3) и следования (см. пример 4).

Аффиксальные девербативы на *-ung* с относительным таксисным потенциалом

Немецкие девербативы на *-ung* характеризуются относительным таксисным потенциалом. Акциональные, процессуальные и событийные имена на *-ung* могут в силу своей деривационной семантики перфективировать неопределённые глаголы или вызывать итерацию предельных глаголов (*die Trennung, die Scheidung, die Vernehmung, die Übersiedlung, die Vernehmungen, die Unterredungen* и др.). В случае итерации они становятся актуализаторами итеративно-примарно-таксисных значений, например:

(5) *Nach der Scheidung kommt zunächst ein Hochgefühl der wiedergewonnenen Freiheit auf...*

(6) *Nach der Trennung versuchte er, „endlich selbständig zu werden“.*

(7) *Bei der Vernehmung* verhält sich Borowski widersprüchlich.

(8) Die Mutter starb kurz *nach der Übersiedlung nach Schweden* 1947 ...

(9) *Bei den Unterredungen mit Göttinger Professoren* erregte Franklin vor allem mit der Schilderung der von ihm in Philadelphia ins Leben gerufenen Akademie (des Vorläufers der heutigen University of Pennsylvania) Aufsehen.

(10) *Bei den Vernehmungen* erklärte er, dass er sich „wegen der durchgeführten Erschießungen in Litauen nicht schuldig“ fühle.

Акциональные и событийные девербативы *die Trennung, die Scheidung, die Übersiedlung, die Vernehmung* характеризуются «стабильным» таксисным потенциалом, позволяющим им в сочетании с темпорально-таксисными предложениями *nach* и *bei* актуализировать примарно-таксисные значения одновременности (см. пример 7) и следования (см. примеры 5, 6, 8). Словообразовательно-итеративные девербативы *die Unterredungen* и *die Vernehmungen* с темпоральным предложением *bei* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения одновременности (см. примеры 9, 10).

Процессуальные девербативы на *-ung* частично сохраняют вербальную семантику, перфективируя её (*die Verwunderung, die Begeisterung, die Bewunderung* и др.), например:

(11) *Nach der Verwunderung*, dass dergleichen vor fünf Jahren noch möglich war, kommt die Erleichterung, dass man seine Weine (und sein Essen) heute ohne Qualm genießen kann.

(12) *Nach der Begeisterung* und der positiven Reaktion im Februar habe ich damit zwar nicht gerechnet.

(13) Lieber beließ man es im Westen *bei der Bewunderung von Fotos und Zeichnungen*.

Девербативы процессуальной семантики *die Verwunderung, die Begeisterung, die Bewunderung* актуализируют примарно-таксисные значения следования (см. примеры 11, 12) и одновременности

(см. пример 13) при их употреблении с темпоральными предложениями *nach* и *bei*.

Данные имена характеризуются относительным таксисным потенциалом, поскольку в ряде случаев их ревербализация затруднена. Исключение составляют высказывания, содержащие предложно-девербативные конструкции развёрнутой или сложной структуры, например:

(14) *Bei der Begeisterung für das juvenile Zerlegen einer Kalaschnikow* stört kaum der Tod eines Studenten, der bei einer militärpatriotischen Übung in Rjasan umkippte. → *Wenn man sich für das juvenile Zerlegen einer Kalaschnikow begeistert*, stört kaum der Tod eines Studenten, der bei einer militärpatriotischen Übung in Rjasan umkippte.

В приведённом выше примере ревербализация процессуального девербатива *die Begeisterung* возможна благодаря сохранению им аргументной структуры производящего глагола.

Аффиксальные девербативы на -е и -t с относительным и «стабильным» таксисным потенциалом

К аффиксальным девербативам с так называемым «стабильным» таксисным потенциалом мы относим событийные имена на -е и -t (см. имена *die Abreise, die Einreise, die Ausreise, die Ankunft, die Abfahrt, die Flucht* и др.), например:

(15) *Bei der Abreise aus der Türkei* herrschte aber offenbar Verwirrung und Chaos.

(16) *Bei der Ankunft in tiefer Nacht* präsentierte es sich geradezu barbarisch.

(17) *Auch nach der Ankunft in der irischen Stadt Limerick* ändert sich die Farbe des Lebens.

(18) Am Bahnhof hatte er *vor der Abfahrt seines Zuges* um 20 Uhr 54 die Abendzeitung des nächsten Tages gekauft ...

В приведённых выше высказываниях событийные девербативы *die Abreise, die Ankunft* и *die Abfahrt* в сочетании с темпоральными предложениями *bei, nach* и *vor* актуализируют примарно-таксисные зна-

чения одновременности (см. примеры 15, 16), следования (см. пример 17) и предшествования (см. пример 18).

**Безаффиксные девербативы с
относительным и «нестабильным»
таксисным потенциалом**

Безаффиксные девербативы событийной и акциональной семантики *der Besuch, der Weggang, der Fortgang, der Abgang, der Wegzug, der Auszug, der Abschied, der Sprung, der Griff, der Wurf, der Rauswurf, der Schlag, der Eintritt, der Angriff, der Übergriff* и др. следует характеризовать как имена с «нестабильным» таксисным потенциалом. Таксисный потенциал способны реализовывать лишь событийные безаффиксные имена типа *der Besuch, der Angriff, der Übergriff, der Weggang, der Auszug* и др., например:

(18) Zombou hatte *bei dem Übergriff* unter anderem ein Schädeltrauma erlitten.

(19) *Bei dem Angriff auf den Hafen von Akaba* wurde ein jordanischer Soldat getötet.

(20) Er war *bei dem Besuch in seinem ehemaligen Wohnort Berlin* sowieso sehr auf Diskretion bedacht.

(21) *Nach dem Weggang der langjährigen Pfarrerin* war die Stelle zwei Jahre lang vacant.

(22) *Nach dem Auszug der Bewohner* wird das Pflegezentrum Villach renoviert.

Событийные девербативы *der Übergriff, der Angriff* и *der Besuch* с темпорально-таксисным предлогом *bei* реализуют свой таксисный потенциал, актуализируя примарно-таксисные категориальные значения одновременности (см. примеры 18–20). Событийные имена *der Weggang* и *der Auszug* с темпоральным предлогом *nach* актуализируют примарно-таксисное значение следования в высказываниях (21) и (22).

Некоторые безаффиксные девербативы *der Sprung, der Griff, der Wurf, der Schlag* и др. характеризуются «нестабильным» таксисным потенциалом. Они реализуют функцию таксисных актуализаторов при условии сочетания с темпорально-таксисными предлогами *bei, vor, nach, seit*, например:

(23) *Beim Sprung auf den Herd* schaltete die Katze die Kochplatten ein, so dass die Streu anfang zu brennen.

(24) *Kurz vor dem Sprung* habe Möllemann von der Aufhebung seiner Immunität und von den Durchsuchungsaktionen gegen ihn erfahren.

(25) Ben Noui war *nach dem Sprung durch eine Scheibe* in einem Hauseingang verblutet.

(26) Weder die Berliner Polizei noch das Bundesamt haben sich *seit dem Sprung des Mannes aus dem Fenster* gemeldet und entschuldigt.

В приведённых выше примерах акциональный девербатив *der Sprung* выступает в функции актуализатора примарно-таксисных значений одновременности, предшествования и следования. Разновидность примарно-таксисного значения маркирует темпоральный предлог, в частности, предлог *bei* маркирует одновременность, *nach* – следование, а *vor* – предшествование.

В других случаях, например, при употреблении с предлогом *mit* в модальном значении, они переходят в лексико-грамматический разряд или класс конкретно-предметных имён, например:

(27) *Mit einem Griff* trennt sie die Druckflächen der Presse ...

(28) Der Stör wird *mit einem Schlag auf den Hinterkopf* betäubt ...

Заключение

Таким образом, немецкие девербативы при условии сочетания с темпоральными предлогами способны к актуализации примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. Они наследуют вербальную семантику производящих глаголов, характеризуются различной деривационной семантикой и обладают гетерогенным таксисным потенциалом (абсолютным / относительным, «стабильным» / «нестабильным»), реализация которого позволяет им выступать в качестве таксисных актуализаторов.

Дата поступления в редакцию 08.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Таксисные актуализаторы в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37.
2. Болотова Е. В. Аспектуальная специфика девербативных агентивов в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 85–88.
3. Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1. С. 108–112.
4. Бурмистрова Е. Г. Влияние семантики девербатива на его сочетаемость с определительным прилагательным // Теория и методы лексикологических исследований: межвузовский сборник научных трудов / Ленинградск. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; редкол.: И. П. Шишкина (отв. ред.) и др. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1985. С. 45–51.
5. Зимин С. В. Грамматические трансформации глагольных форм с -ing-окончанием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 93–97.
6. Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
7. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft. 2002. Vol. 27. No. 3. S. 333–362.
8. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of -ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks / ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. S. 169–215. DOI: 10.1515/9783110226546.169.

REFERENCES

1. Arkhipova I. V. [Taxis actualizer in English]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 30–37. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-30-37.
2. Bolotova E. V. [Aspectual specifics of the verbal agentives in the German language]. In: *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty* [Foreign languages: linguistic and methodological aspects], 2017, no. 38, pp. 85–88.
3. Bolotova E. V. [On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts]. In: *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University], 2019, vol. 4, no. 1, pp. 108–112.
4. Burmistrova Ye. G. [Influence of deverbative semantics on its compatibility with a defining adjective]. In: *Teoriya i metody leksikologicheskikh issledovaniy* [Theory and methods of lexicological research]. Leningrad, Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1985, pp. 45–51.
5. Zimin S. V. [Grammatical transformations of verb forms with -ing ending]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 4, pp. 93–97.
6. Zol'nikova N. N. [Derivative models of verbal nouns in the German language]. In: *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and Culture of Russia], 2015, vol. 1, pp. 225–229.
7. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen. In: *Sprachwissenschaft*, 2002, vol. 27, no. 3, S. 333–362.
8. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of -ung-nouns. In: Rathert M., Alexiadou A., eds. *The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks*. Berlin, Walter de Gruyter, 2010. S. 169–215. DOI: 10.1515/9783110226546.169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романогерманских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Romance and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;
e-mail: irarch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипова И. В. Немецкие девербативы через призму таксиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 131–137.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-131-137

FOR CITATION

Arkhipova I. V. German deverbatives through the prism of taxis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 131-137.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-131-137

УДК 811.11-112:801.73

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-138-149

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ В НЕМЕЦКОМ ЛАНДШАФТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТИММА «ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВО»)

Беспалова Е. В.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
443086, Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Российская Федерация*

Аннотация

Цель – рассмотреть ландшафтный дискурс романа У. Тимма «Змеиное дерево» с когнитивно-прагматических позиций в аспекте социокультурных факторов.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ, позволивший в пошаговой процедуре анализа фрагментов ландшафтного дискурса романа провести их содержательный анализ, обозначить ключевые понятия и подтемы ландшафтного дискурса в романе, выявить проявления в нём социокультурных факторов и проинтерпретировать их влияние на понимание замысла автора.

Результаты. Доказана значимость ландшафтного дискурса для авторской концепции, обосновано влияние социокультурных факторов на формирование эксплицитного и имплицитного содержания, описано столкновение двух социумов и культур в ландшафтном дискурсе романа, проанализирован приём противопоставления эксплицитного и имплицитного как нового и известного в аспекте культуры.

Теоретическая значимость заключается в раскрытии потенциала ландшафтного дискурса в романе как полидискурсивном образовании за счёт использования социокультурных аспектов его анализа, что дополняет модель тематического дискурса.

Ключевые слова: импликация, индексация, культурный символ, ландшафтный дискурс, социальное поведение, социокультурное сообщество

GERMAN LANDSCAPE DISCOURSE: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS (BASED ON THE NOVEL BY U. TIMM “THE SNAKE TREE”)

E. Bespalova

*Samara National Research University
Moskovskoye shosse 34, Samara 443086, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the landscape discourse of U. Timm’s novel “The Snake Tree” from the view point of cognitive pragmatics considering social and cultural factors.

Methodology. The research is based on the framework of content analysis that allows a step-by-step procedure for analysis of the landscape discourse fragments in order to conduct their content analysis, identify the key notions and subtopics of landscape discourse in the novel, reveal manifestations of social and cultural factors, and interpret their impact on the understanding of the author’s intent.

Results. The importance of landscape discourse for the author’s concept is proved, the influence of social and cultural factors on the formation of explicit and implicit content is substantiated, the col-

lision of two societies and cultures in the novel landscape is described, the method of explicit and implicit contrasting as new and known in the aspect of culture is analyzed.

Research implications. The research investigates the potential of landscape discourse in the novel as a poly-discursive education by means of social and cultural aspects of its analysis, which complements the model of topic-oriented discourse.

Keywords: cultural symbol, implication, indexation, landscape discourse, social behavior, socio-cultural community

Введение

Во многих современных лингвистических исследованиях понятие «дискурс» как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой» [4, с. 231], предполагает обращение исследователей к его социокультурным параметрам, подразумевающим когнитивный и антропологический аспекты рассмотрения [11, с. 109]; дискурс, располагаемый тем самым в основе новой «когнитивно-дискурсивной» парадигмы, «представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез» [7, с. 5], рассматривается как многоуровневое явление, связанное с коммуникацией и когницией, особая «ипостась языка», культурно и ситуативно обусловленное языковое общение [3, с. 258]. Исследователи выделяют следующие существующие на сегодняшний день подходы к выделению типов дискурса: «объектный (о чём идёт речь?), субъектный (кто является участником общения?), инструментальный (каковы способы осуществления коммуникации?)» [Там же]. Достоинствами объектного (тематического) подхода считаются «неисчерпаемый материал для анализа и опора на результаты традиционных описаний различных текстов художественной, научной, публицистической литературы, включая детальные характеристики подязыков профессионального общения», однако, отмечается, что «этот подход не направлен на раскрытие ситуативных и личностных характеристик коммуникации»

[3, с. 259]. Представляется, что расширение тематического подхода к изучению ландшафтного дискурса за счёт привлечения социокультурных факторов создания и интерпретации текстов позволило бы сформировать более полное понимание этого феномена. Под **ландшафтным дискурсом** мы понимаем 1) конкретное коммуникативное событие, содержательная сторона которого определяется тематикой ландшафта, которое фиксируется в письменных текстах и устной речи разных дискурсивных практик, в том числе и в текстах художественной литературы, и 2) совокупность текстов ландшафтной тематики, образующих пространство ландшафтного дискурса, в котором в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов раскрывается ландшафтная проблематика.

Исследователи многократно обращались к проблемам соотношения дискурса и текста, дискурса и речевой деятельности человека, указывая на тот факт, что анализ дискурса раскрывает особенности когнитивной деятельности говорящего (см., например, [13]).

Являясь сложной комплексной формой художественной коммуникации, роман представляет несомненный интерес с точки зрения дискурсивного анализа: его текст может быть рассмотрен как «соединение многих дискурсов, как точка пересечения дискурсов, как интердискурсивное коммуникативное событие» [14, с. 133]. Автор, рассказчик, персонажи с их репликами, диалогами, размышлениями, являясь участниками реальной (автор – читатель) и романной (персонажи между собой) коммуникации, принадлежат определённой социальной группе и

культуре, выбирая языковые средства и оформляя текстовые фрагменты в соответствии со стереотипными жанровыми нормами и потребностями своей «индивидуальности», они говорят или пишут не только о теме (ландшафте), но и о себе, явным и неявным способом обнаруживая свои установки, приоритеты, ценности, которые могут быть считаны читателем / исследователем и проинтерпретированы с точки зрения смысла произведения, для понимания которого необходимо учитывать и определённые когнитивно и типологически обусловленные характеристики коммуникативного пространства, то есть вокругтекстовый фон.

Цель – рассмотреть ландшафтный дискурс романа с когнитивно-прагматических позиций в аспекте социокультурных факторов. **Материалом** анализа выступили фрагменты ландшафтного дискурса из текста романа У. Тимма «Змеиное дерево» (U. Timm. *Der Schlangenbaum*)¹, написанного в 1986 году. **Задачи** исследования состоят в выявлении ключевых понятий и форм реализации ландшафтного дискурса в романе; систематизации социокультурных факторов, влияющих на понимание его роли в творческом замысле автора.

Методология исследования

В нашем исследовании мы опирались на предложенную Р. Водак идею построения «дискурсивной социолингвистики», сущность которой проявляется в том, чтобы в равной степени изучать и текст и контекст, включающий участников коммуникации и их личностные и ролевые характеристики, описание ситуации общения (обстановки, места и времени, описание общественного института, в котором происходят коммуникативные действия, характеристику общества, частью которого является данный ин-

ститут, учёт места данного института в истории общества [16, р. 18]. Для характеристики персонажей существенны прослеживаемые культурные модели их поведения – некие модели, «которые возникают из коллективного опыта, связаны с системой культурных ценностей и разделяются большинством носителей культуры, ... осознаются носителями культуры как обязательные схемы поведения» [6, с. 123]. Информацию о социокультурных характеристиках персонажей мы извлекаем благодаря *индексальности*, маркирующей социальную практику и означающей, «что использование языка связано с социальными характеристиками людей» и «с ожидаемыми от них действиями ... Индексальные связи возникают вследствие рефлексивных ассоциаций у использующего язык человека с прошлым опытом, с предшествующими коммуникативными практиками, в которых он уже встречался с таким употреблением, с такой языковой формой» [15, с. 12]. Распознаванию имплицитных смыслов способствует *контекстуализация* – «речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом внешних неязыковых факторов как существенных смысловых опор, задающих рамки для интерпретации и понимания высказываний / текстов» [15, с. 13]. Для понимания культурно значимых смыслов релевантно понятие *культурная коннотация* – «узусальное воплощение культурной интерпретации в значение языковой сущности», «... наиболее ярко проявляется в образных средствах языка» [9, с. 15]. Содержание культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных установках культуры, т. е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека» [10, с. 27]. В ходе анализа проводится интерпретация эксплицитной и имплицитной информации. Под *имплицитным смыслом* понимается «всякий смысл, лингвистически не выраженный в сообщении, но воспринимаемый адреса-

¹ Timm U. *Der Schlangenbaum*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. 300 S. Далее в скобках указывается номер страницы с цитируемым иллюстративным материалом.

том как подразумеваемый, поддающийся интерпретации. ИмPLICITные, или скрытые смыслы существуют и определяемы только и именно в связи с тем, что выражено. ИмPLICITность рассматривается на двух уровнях: 1) на языковом как дополнительное значение – это сфера семантики; и 2) имPLICITные смыслы как контекстуально вариативные [15, с. 12–13].

Методология нашего исследования предполагает контент-анализ [ср. 8, с. 7–10]. Контент-анализ используется для изучения разных характеристик художественной прозы, например, для выявления конфликто содержащих вербальных компонентов и анализа конфликтогенности [12]. Наше исследование обращено к пространству ландшафтного дискурса романа и включает следующие шаги: выявление текстовых фрагментов ландшафтного дискурса, разработка и обозначение главных тематических категорий (обозначение главных подтем и ключевых понятий ландшафтного дискурса в романе); анализ содержания и установление специфики ключевых подтем ландшафтного дискурса в романе и их дискурсивной связанности / континуальности vs. дискретности; анализ «столкновения» в романе разных социумов и культур с привлечением эксплицитной и имPLICITной информации.

Значимость ландшафтного дискурса в романе. Социокультурные факторы, влияющие на его интерпретацию

Определяя роль текстовых фрагментов, представляющих ландшафтный дискурс в романе, отметим их включённость во все базовые модусы высказывания: нарратив, дескриптив, ментатив, – и, соответственно, во все типы речи: повествование, описание, рассуждение [ср. 1, с. 53], что позволяет сделать вывод о значимости ландшафтного дискурса для автора и об общем пространстве ландшафтного дискурса в тексте романа, образуемого этими дискретными

фрагментами. Ландшафтный дискурс представлен в повествовании и дескриптивных вставках нарратора, в размышлениях, воспоминаниях, снах или видениях главного героя, в диалогах главного героя с другими персонажами.

Систематизируя значимость элементов ландшафтного дискурса для характеристики главного героя романа, немецкого инженера Вагнера, в зависимости от социокультурных факторов выделим уровни его функционирования: личностный уровень, уровень семьи, уровень профессиональной коммуникации и общения с коллегами по работе, уровень исходной (немецкой) культуры и уровень чуждой (принимающей) культуры одной из стран Латинской Америки. Личностные индивидуальные переживания отражены в его наблюдениях и оценках, снах и видениях; уровень семьи представлен воспоминаниями о детстве и семейной жизни в Германии, уровень профессиональной коммуникации – в диалогах с коллегами-инженерами и рабочими; уровень исходной (немецкой) культуры скрыт и выстраивается исследователем; уровень чуждой для главного героя культуры страны, где он работает, проявляется на контрасте с его исходной культурой и вербализуется в диалогах с местными жителями и в его наблюдениях.

Основные подтемы ландшафтного дискурса в романе: наглядное представление места действия и его проблематики

В ландшафтном дискурсе романа мы выделили несколько подтем, основные – это «Девственный лес» (*Urwald, Dschungel, Palmen, Eukalyptusbäume, Blätter, Stämme, Lianen, Regenwald, Pflanzen, Triebe, das nachwuchernde Grün*), «Промышленная и жилая застройка» (*Zementwerk, Papierfabrik; kastenförmige Häuser, die wie Ruinen aussahen; Beton, Betonstraße*), «Следы «освоения» ландшафта человеком» (*grau-braun vertrocknete Graslandschaft, grau-braunes Grasland, rotbraune staubige Ebene*,

kahle rotbraune Ebene, rotbraune verkarstete hügelige Fläche, schwarzverbrannte Fläche, Bäume wie Fackeln brannten). Социальная практика индустриального освоения девственных лесов Латинской Америки европейцами индексируется в контексте романа названиями типичных для Латинской Америки форм растительности в сочетании с типичными строительными объектами, описанием технологии уничтожения лесов путём их сожжения. Последствия воздействия человека получают отрицательную оценку в оппозициях «влажный – сухой», «деревья / лес – трава / голая земля», «зелень» – «красная, пыльная, чёрная выжженная равнина». Данная оценка вычитывается из противопоставления семантических компонентов приведённых лексических единиц, описывающих, с одной стороны, место действия романа, а с другой – обозначающих проблематику целесообразности повсеместной индустриализации.

Социокультурные аспекты интердискурсивных связей: столкновение социумов и культур

К основным социокультурным факторам, влияющим на интерпретацию ландшафтного дискурса в романе, можно отнести характеристики социума, для которого ландшафт является средой обитания и деятельности, цели и ценности социума по отношению к ландшафту, оценка социумом своей деятельности по преобразованию ландшафта, культурное осмысление ландшафта и его элементов в социуме, социальное поведение.

Рассмотрим принадлежность участников коммуникации к разным социумам и культурам, что обуславливает учёт фактора инакости как параметра коммуникативного взаимодействия, способного обеспечить успешность / неуспешность общения [ср. 5]. Участниками коммуникации являются автор романа, рассказчик (нарратор), главный и второстепенные персонажи, читатель (исследователь). Для выбранного материала

характерна большая вариативность социокультурных факторов, в разной степени известных участникам. В сюжете романа и системе его персонажей взаимодействуют две культуры: европейская и латиноамериканская: главный герой – немецкий инженер Вагнер отправляется по поручению крупного строительного концерна Дюссельдорфа в одну из южноамериканских стран и возглавляет строительство бумажной фабрики. Представителями европейской культуры являются семья и друзья Вагнера, оставшиеся в Германии, коллеги-инженеры по строительству и европейцы-переселенцы разного времени. Латиноамериканская культура представлена персонажами из местного населения: преподавательница испанского Луиза, инженер-индеец Юан, рабочие на стройке, жители городских кварталов, шофёры, военная хунта. Вследствие полифонии социально-культурных типов роман мы рассматриваем как полидискурсивное образование, в котором обнаруживается сложный комплекс, состоящий из нескольких когнитивно-тематических текстовых множеств, «в которых утверждаются определенные личностно и общественно значимые смысловые позиции» [2, с. 4].

Столкновение социумов и культур: эксплицитное и имплицитное

Столкновение двух культур и социумов проявляется в ландшафтном дискурсе и как столкновение эксплицитного и имплицитного. Значения чуждых европейцам символов в тексте романа **эксплицируются**. Так название поразившего Вагнера дерева (*Schlangenbaum*), вынесенное в название романа, ему объясняют, рассказывая его историю и её возможное продолжение:

(1) *Wagner fragte, was das für ein Baum im Hof sei. Ein Schlangenbaum, sagte Fabrizi, jedenfalls wörtlich übersetzt. Er wurde zur Unabhängigkeit des Landes vor über hundertsechzig Jahren gepflanzt. Hier war früher das Untersuchungsge-*

*fängnis, gleich hinter der Präfektur. Und wenn ein Gefangener nicht wieder herauskam, hieß es, **eine der Schlangen, die angeblich im Baum lebten, hätten ihn gebissen**. Das ist ein Aberglaube, der sich bis heute gehalten hat. Die Militärs wollen den Baum jetzt fällen lassen, angeblich, um diesen finsternen Aberglauben zu bekämpfen, tatsächlich aber aus Angst, **der Baum könne zum Sinnbild für die Verschwundenen werden**. (S. 225)*

Обобщённые представители латиноамериканского социума индексируются рядом лексем, указывающих на их язык (*wörtlich übersetzt*), историю страны (*Unabhängigkeit des Landes, vor über hundert-siebzig Jahren*), социальные действия (посадка дерева), связанные с празднованием независимости (*gepflanzt*), социальные институты власти (*Untersuchungsgefängnis, Präfektur*), социальный статус (*Gefangene, Militärs*), следствия действий власти (*nicht wieder herauskam*), толкования населением событий (*hieß es, angeblich, finstere Aberglauben*), опасения властей и меры пресечения нежелательных последствий (*bekämpfen, den Baum fällen lassen, aus Angst, zum Sinnbild für die Verschwundenen werden*). Змеиное дерево представляет для властей опасность как возможный символ жертв, погибших в борьбе с военной хунтой, в контексте всего романа оно может толковаться в том числе и как символ всех пропавших без вести, тех, кто лишился расположения змеи как символа жизни (см. далее о символе змея).

Значение европейских / христианских символов в романе лингвистически представлено **имплицитно**. Так символическое значение голубой ели *blaue Tanne* (ср. *Tannenbaum*), являющейся атрибутом и символом Рождества и семейного праздника, читатель / исследователь может проинтерпретировать на фоне своего социокультурного опыта. В романе субъективное восприятие этого символа героем противоположно принятому в социуме конвенциональному восприятию

и стереотипной модели социального поведения:

(2) *Wagner stand am Sonntagnachmittag im Garten und blickte auf seinen Rasen, diesen **wie mit einer Nagelschere geschnittenen Rasen (er selbst mähte ihn jeden Samstag)**, diesen kleinen, sorgfältig gestutzten Hecken, die Birke und **die idiotische Blautanne**, da spürte er dieses matte graue Ziehen in der Brust.*

*Warum stand er da und sah das, er hätte genauso gut nicht dastehen und es nicht sehen müssen. Da war er zum Haublock gegangen und **hatte sie** vor den Augen der entsetzten Susann und des heulenden Sashas **umgehackt**. Er war außer Atem, aber auch erleichtert, auf eine unbeschreibliche Weise erleichtert, als er **die Tanne am Boden liegen** sah. Es war das einzige Mal in all den Jahren, daß er über sich selbst die Kontrolle verloren hatte. (S. 229)*

Принадлежность Вагнера к немецкому социуму индексируется лексемами, кодирующими типичное стереотипное социальное поведение владельцев небольших земельных участков Германии, ухаживающих за садом и аккуратно еженедельно подстригающих газон (*Garten, blickte auf seinen Rasen, wie mit einer Nagelschere geschnitten, mähte ihn jeden Samstag, sorgfältig gestutzten Hecken*). Его личностное отношение к ели проявляется в нетипичном поведении: он теряет над собой контроль и рубит ель на глазах у жены и сына. Тем самым Вагнер отказывается от символа своей культуры, уничтожает его, а затем «обрубает» отношения с семьёй и Родиной, уезжая за океан.

Оценка воздействия человека на природу

В ландшафтном дискурсе романа проявляется разница систем ценностей разных социокультурных сообществ. Для европейской культуры характерна установка на активное освоение природы с помощью техники, с этим связывается идея прогресса и развития. В контексте (3) приведём описание рекламного

ролика компании, в которой работает Вагнер:

(3) *Dann kamen plötzlich Reklamespots... ein kolossaler Bulldozer bohrte sich einen Weg durch das Urwaldgestrüpp, sechs überschwere Planierraupen schoben einen kleinen Hügel beiseite, ein Berg flog in die Luft, in Zeitlupe wurden Felsbrocken in die Erde gewuchtet, hinter einer Planierraupe schob sich eine Teermaschine durch die Landschaft, dahinter rasten die Autos auf der fertigen Autobahn in das ovale Zeichen seiner Firma am Horizont, begleitet von Beethovens „Freude, schöner Götterfunken“. Das also war der Weg in die Zukunft.* (S. 37)

Профессиональное сообщество строителей индексируется лексемами, обозначающими дорожную технику (*Bulldozer, Planierraupen, Teermaschine*), место работы (*Urwaldgestrüpp*) и результаты строительства (*fertige Autobahn*). Дорожная техника в рекламном дискурсе строительной фирмы приобретает гротескно огромные размеры и мощность (*kolossal, überschwer, schoben einen kleinen Hügel beiseite, ein Berg flog in die Luft, Felsbrocken in die Erde gewuchtet*), позволяющие быстро и без видимых тяжёлых усилий построить дорогу, по которой стремительно едут автомобили. В контексте рекламного ролика дорожная техника становится символом силы человека, его победы над природой, способности изменять её. Принадлежность строительной фирмы немецкому социуму индексируется прецедентным именем немецкого музыкального культурного кода, исполняют оду Бетховена «К радости» – символ немецкой культуры, задающий оптимистический тон восприятия преобразований. Герой вербализует смысл рекламного посыла – путь в будущее.

Рекламному дискурсу противопоставлен бытийный. Так в диалоге Вагнера с его коллегой-строителем Гартманом собеседники расходятся в оценках последствий индустриализации:

(4) *Hartmann sah hinaus. Die Landschaft lag in einem ersten zartrosa Licht. Das hinterlassen wir, sagte Hartmann, diese Ödnis, diese Mondlandschaft, das ist das, was uns folgt, die Wüste.*

... Wagners Antwort fiel aggressiver als beabsichtigt: *Wollen Sie den Leuten hier die Industrie und Technologie vorenthalten? Sollen die nur das Holz liefern?*

Nein, aber die müssen doch nicht die gleichen Fehler wiederholen. (S. 126)

Принадлежность Гартмана и Вагнера одной социальной группе европейских строителей индексируется личными местоимениями (*wir, uns*), противопоставленными в контексте диалога словосочетанию (*den Leuten hier*), семантикой глаголов (*hinterlassen, folgt*), вербализующих окончание их деятельности в стране. Негативная оценка преобразований Гартмана содержится в номинациях отрицательной семантики (*Ödnis, Fehler*) и образных номинациях (*Mondlandschaft, Wüste*), содержащих семы «непригодный / малопригодный для жизни». Гартман считает, что другие цивилизации не обязаны повторять ошибок по тотальной вырубке лесов. Противоположная положительная оценка Вагнера соответствует стереотипным представлениям о прогрессе, согласно которым развивать промышленность и технологии лучше, чем продавать дрова.

Другим примером рефлексии Вагнером воздействия на ландшафт человека является описание в его внутренней речи шестиполосного автомобильного моста, выстроенного посреди джунглей, бесполезного и никуда не ведущего:

(5) ... *vor Wagner lag eine sechsspürige Autobahnbrücke. Die Brücke spannte sich in einem kühnen Bogen über ein steil abfallendes Tal. Und sie endete an beiden Seiten im Wald, in kleinen Pfaden.*

Sie lag vor Wagner, mächtig und auf eine wunderschöne Weise zwecklos und ohne Sinn, es sei denn, sie trug ihren Sinn in sich selbst ...

An den Rändern standen **verrostete Maschinen, Kompressoren, schmarotzergrün überwuchert, eine Teermaschine**, überall lagen **verrostete Maschinenteile verstreut, ein Zementmischer**, dessen große **Trommel einen grünen Bart trug, ein Kran war von Kletterpflanzen überzogen, deren weiße Blüten wie Kaskaden** von Verstrebung zu Verstrebung schäumten. (S. 253)

Следы работы строительной фирмы Вагнера индексируются лексическими единицами, обозначающими, как и в рекламном ролике (ср. пример 3) строительную технику (*Maschinen, Kompressoren, Teermaschine, Zementmischer, Kran*) и результат строительства (*sechsspürige Autobahnbrücke*). Однако в описании присутствуют следы запустения и разрушения машин (*verrostet, verrostete Maschinenteile*) и буйного расцвета растений (*schmarotzergrün überwuchert, einen grünen Bart, von Kletterpflanzen überzogen, weiße Blüten wie Kaskaden*). Оценка усилий негативная (*zwecklos und ohne Sinn*). В конце романа Вагнер меняет свою точку зрения на прогресс.

Ещё более гротескный характер рефлексия приобретает в описании сновидения-кошмара Вагнера, которое он переживает сразу после просмотра рекламного ролика (ср. пример 3), это развивающееся помимо воли переживание:

(6) *Er geht durch einen Garten. Es ist der Garten vor seinem Hamburger Haus. Der Zaun ist heruntergetreten. Er geht hinaus. Draußen wachsen große, nie gesehene Pflanzen, mit gewellten Blättern, die wie Zungen am Boden liegen, und daneben eigentümliche rotbraune Klumpen. Sie sehen aus wie angeschmolzene Maschinenteile... In einer Pflanze erkennt er den Arm einer Frau. Der Arm wird langsam durch die Pflanze verschluckt, die Hand greift wie nach Halt suchend in die Luft. Er geht näher heran und erkennt seinen Ehering an der Hand... Er sieht an sich herunter und entdeckt, dass ihn eine der Pflanzen mit einem Blatt erfasst hat und zu sich heranzieht. Berthold ruft*

ihm zu, er müsse singen, und zwar aus Leibeskräften, dadurch würde den Pflanzen übel und sie ließen von der Beute ab. Er versucht, tief Luft zu holen, aber er bekommt keinen Ton heraus. (S. 39)

Во сне перемешиваются индексы самых разных социальных ролей Вагнера: Вагнера-жителя Гамбурга (*Garten vor seinem Hamburger Haus*), Вагнера-инженера (*Maschinenteile*), Вагнера-супруга (*erkennt seinen Ehering*). Природные объекты становятся активными субъектами (*ihn eine der Pflanzen mit einem Blatt erfasst hat und zu sich heranzieht*). Символика рекламы меняется на противоположную, человек оказывается беззащитным, жертвой (*Beute*), лишённым семьи, дома, голоса, культурной идентичности (*er bekommt keinen Ton heraus*). Символом неведомой иррациональной силы в кошмаре становятся огромные невиданные растения с ползучими языками, рядом с которыми валяются оплавленные части техники. Растения пожрали жену Вагнера и захватили его самого, а чтобы спастись он должен изо всех сил петь, но у него не получается извлечь ни звука. Путь в будущее оказывается невозможен. Тем самым оптимистичная символика трудовых свершений нивелируется, в контексте романа она приобретает смысл тщетной попытки, обречённой на неудачу.

Культурные символы, их восприятие и интерпретация

Культурные символы могут иметь в разных социумах противоположное толкование. Так символ змея, присутствующий в заглавии романа, по-разному трактуется в европейской и латиноамериканской культуре и связан с разными моделями поведения. Значение этого символа в латиноамериканской культуре эксплицируется, это своего рода символ жизни, а тот, кто намеренно убивает змею, должен умереть:

(7) *Was ist mit dieser Schlange?*

Das weiß niemand genau, sagte Hartmann, für einige der Bolivianer hat die

Schlange eine besondere Bedeutung. Die Inkaschlange soll sie heißen. Sie ist so eine Art Lebenssymbol. Wer sie absichtlich tötet, soll umkommen...

Kommt um?

Ja, es heißt, man ertrinkt. (S. 69)

С этим значением связана и модель социального поведения проводника Вагнера по джунглям: увидев сидящую на дереве змею, тот заставляет осла пятиться назад, терпеливо ждёт, отложив свою поездку, пока змея не уползёт с дороги:

(8) Der Mann drängte den Esel etwas zurück und zeigte auf einen am Boden liegenden Baumstamm, auf dem eine grüne Schlange lag, von derselben Art, wie Wagner sie am ersten Tag überfahren hatte. Der Mann wartete, bis die Schlange verschwunden war, dann zog er den Esel an dem Stamm vorbei. (S. 252)

Вагнер как представитель европейской культуры, не знакомый с местной символикой в начале романа, ведёт себя согласно европейской социальной модели поведения:

(9) In dem Augenblick entdeckte Wagner die Schlange, eine smaragdgrüne Schlange, die vor ihm über die Straße glitt. Er versuchte auszuweichen, wäre aber beinahe in die tiefen Radsuren in der Bankette gekommen, so fuhr er weiter... Er hatte sie ziemlich genau in der Mitte überfahren und regelrecht auf dem Asphalt festgewalzt. (S. 27)

В европейской и латиноамериканской культурах один и тот же экстенционал (змея) обнаруживает противоположные интенционалы (жизнь – сатана / искушение), следовательно вызывает у представителей разных культур и социумов разное отношение (оценка важности / неважности), эмоции или их отсутствие (страх / благоговение – равнодушие). Заглавие романа, являющееся сложным словом ландшафтной тематики *Der Schlangenbaum* (змеиное дерево), получает в контексте романа символический смысл и реализует для представителей европейской культуры, в первую очередь,

Библейские аллюзии, то есть выход к Библейскому дискурсу, актуализирующему такие тематические области, как «искушение», «дерево познания добра и зла», «грехопадение», «изгнание из рая». Вагнер, оторвавшись от своей культуры, не принадлежит и латиноамериканской, поэтому не воспринимает важность предупреждений и грозящей ему опасности утонуть, смеётся и не понимает торжественного тона индейца, объясняющего ему значение символа (10), он обрывает разговор формульным английским «o. k.», ссылаясь на то, что ему нужно работать и давая тем самым понять, что у него есть дела поважнее суеверных страхов:

(10) Schon im Hinausgehen fragte Juan, ob es stimme, dass Wagner eine Schlange getötet habe.

Getötet, Wagner lachte, das klingt sehr dramatisch, jedenfalls auf hochdeutsch...

Das ist die Acaray-Schlange. Man darf sie nicht töten, sagte Juan auf hochdeutsch, und das klang sehr feierlich.

O.k., sagte Wagner, o.k., nächstes Mal paß ich besser auf, aber jetzt muss ich arbeiten. (S. 33)

Заключение

Ландшафтный дискурс занимает значимое место в структуре романа и влияет как на понимание общего замысла, так и на интерпретацию характеристик героев как представителей культурного сообщества и социальной группы.

К социокультурным факторам, влияющим на понимание творческого замысла, относятся: принадлежность автора, главного и второстепенного героев и читателя / исследователя к определённой социальной группе (национальность, профессия, гендер) и к определённой культурной / лингвокультурной общности; сформированное в культуре и социуме знание текстов / дискурсов разных типов (художественный, бытийный, Библейский, рекламный, профессиональный и т. д.).

В ландшафтном дискурсе проявляется столкновение разных социумов и культур, в котором высвечиваются характерные для них поведенческие установки, приоритеты и ценности.

Значимые характеристики новой / чуждой для европейцев культуры эксплицируются, своей культуры – имплицитуются. Привлечение социокультурных

факторов способствует интерпретации имплицитного.

Перспективным представляется комплексный анализ культурных символов в ландшафтном дискурсе романа, а также интердискурсивный анализ (аллюзии на прецедентные тексты).

Дата поступления в редакцию 27.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Повествовательный потенциал дескриптива // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов: сборник статей / под ред. С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 52–62.*
2. Андреева В. А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 38 с.
3. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И. Инакость как параметр коммуникативного взаимодействия // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083.*
6. Косиченко Е. Ф. В мире художественного нарратива: лингвокогнитивные и социокультурные аспекты текстов разных жанров. М.: Р. Валент, 2022. 188 с.
7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.*
8. Мюллер К. С. Речевые стратегии дискурса антисемитизма в учебной литературе Германии XX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
9. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // *Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: в 2 томах. Минск: Універсітэцкае, 1994. Т. I. С. 14–15.*
10. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках [отв. ред. В. Н. Телия]. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.*
11. Трошина Н. Н. Социокультурные параметры дискурса // *Социолингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 103–126.*
12. Хроменков П. Н. Художественная проза как объект количественного контент-анализа // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-1068.*
13. Царенко Н. М. Дискурс и дискурсивный маркер: опыт лингвотерминологического и лингвоисториографического анализа // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1136.*
14. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, 2020. 208 с.
15. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.
16. Wodak R. Disorders of discourse. London, New York: Longman, 1996. 200 p.

REFERENCES

1. Andreyeva V. A. [The narrative potential of the descriptive]. In: *Nemetskaya filologiya v Sankt-Petersburgskom gosudarstvennom universitete. Vyp. VII: Diskursivnyye aspekty yazykovykh fenomenov* [German Philology at St. Petersburg State University. Iss. VII: Discursive aspects of linguistic phenomena]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2018, pp. 52–62.
2. Andreyeva V. A. *Tekstovyye i diskursivnyye parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoy nemetskoyazychnoy prozy): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Textual and discursive parameters of the literary narrative (on the material of modern German-language prose): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2009. 38 p.
3. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 424 p.
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
5. Kislyakova E. Yu., Madzhaeva S. I. [Otherness as a parameter of communicative interaction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083.
6. Kosichenko Ye. F. *V mire khudozhestvennogo narrativa: lingvokognitivnyye i sotsiokul'tunyye aspekty tekstov raznykh zhanrov* [In the world of artistic narrative: linguo-cognitive and sociocultural aspects of texts of different genres]. Moscow, R. Valent Publ., 2022. 188 p.
7. Kubryakova Ye. S. [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics (review)]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nyye i strukturnyye aspekty: sbornik obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: collection of reviews]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 5–13.
8. Myuller K. S. *Rechevyye strategii diskursa antisemitizma v uchebnoi literature Germanii XX v.: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Speech strategies of the discourse of anti-Semitism in the German educational literature of the 20th century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 22 p.
9. Telia V. N. [The nominative composition of the language as an object of linguoculturology]. In: *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i v yazyke* [National-cultural component in the text and in the language]. Minsk, Universitetskaya Publ., 1994. Vol. I, pp. 14–15.
10. Telia V. N. [Cultural and linguistic competence: its high probability and deep secrecy in the units of the phraseological composition of the language]. In: *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and discursive practices]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 19–30.
11. Troshina N. N. [Sociocultural parameters of discourse]. In: *Sotsiolingvistika vchera i segodnya* [Sociolinguistics yesterday and today]. Moscow, INION RAN Publ., 2004, pp. 103–126.
12. Khromenkov P. N. [Prose as object of the quantitative content – analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-1068.
13. Tsarenko N. M. [Discourse and discursive markers: experience of linguistic, terminological and linguistic-historical analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1136.
14. Chernyavskaya V. Ye. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of the text. Discourse linguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2020. 208 p.
15. Chernyavskaya V. Ye. *Tekst i sotsial'nyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopovorozhdeniya* [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 208 p.
16. Wodak R. *Disorders of discourse*. London, New York, Longman, 1996. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беспалова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: bespalova.ev@ssau.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Bespalova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German Philology, Institute of Social Sciences and Humanities, Samara National Research University;
e-mail: bespalova.ev@ssau.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беспалова Е. В. Проявление социокультурных аспектов в немецком ландшафтном дискурсе (на материале романа У. Тимма «Змеиное дерево») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 138–149.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-138-149

FOR CITATION

Bespalova E. V. German landscape discourse: social and cultural aspects (based on the novel by U. Timm “The snake tree”). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 138–149.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-138-149

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-150-160

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ВОЕННОЙ СФЕРЫ И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Комалова А. С.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотрение терминологических неологизмов военной сферы, выявление структурно-семантических черт военной терминологии и раскрытие особенностей терминологических неологизмов в текстах военной тематики.

Процедура и методы. В работе в основном применяются описательный и сравнительно-сопоставительный методы, которые представляют собой систему сбора фактического материала и его описание на основе наблюдения; при классификации французской военной лексики использовался структурно-семантический анализ как приём исследования.

Результаты. Проанализированы терминологические неологизмы, возникшие в военной лексике. Сделан вывод, что преобразование семантической структуры слова вносит качественные изменения в словарный состав современного военного французского языка. Выявлены отличительные черты и особенности терминов, которые находят отражение в военной лексике. Научная новизна состоит в том, что терминологические неологизмы в военных текстах современного французского языка рассматриваются системно как сложная и разнообразная по способам образования категория.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении особенностей терминологических неологизмов военной сферы, что дополняет теоретические знания французской лингвистики. **Практическая значимость** состоит в возможности использовать полученные результаты исследования в практике преподавания в профильных высших военных учебных заведениях, при составлении учебных пособий военной направленности.

Ключевые слова: военная лексика, военная терминология, неологизмы, новые термины, терминологические неологизмы

TERMINOLOGICAL NEOLOGISMS OF THE MILITARY SPHERE AND THEIR LANGUAGE FEATURES IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE

A. Komalova*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the terminological neologisms of the military sphere, to identify the structural and semantic features of military terminology and to reveal the features of terminological neologisms in military texts.

Methodology. The work mainly uses a descriptive method, which is a system for collecting factual material and its description based on observation. Structural-semantic analysis was applied for classification of French military lexis.

Results. The terminological neologisms that have arisen in the military vocabulary are analyzed. It is concluded that the transformation of the semantic structure of the word includes qualitative changes in the vocabulary of the modern military French language. The distinctive properties and features of the terms are revealed that are reflected in the military vocabulary. The scientific novelty lies in the fact that the terminological neologisms of the military sphere of the modern French language are reviewed systematically as a complex and varied in ways of word formation category.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in identifying the features of the terminological neologisms of the military sphere, which complements the theoretical knowledge of French linguistics. The practical significance lies in the possibility of using the results of the study in the practice of teaching in specialized higher military educational institutions, in the preparation of military training manuals.

Keywords: military vocabulary, military terminology, neologisms, new terms, terminological neologisms

Введение

Процесс развития лексики, как правило, зависит от социальных, экономических и политических изменений в обществе, от новых языковых контактов, и это отображается в появлении новых понятий и обозначающих их новых слов и выражений.

Лексика языка активно реагирует на изменения, происходящие в обществе, фиксирует появление новых понятий и возникновение новых номинаций, а также пополняется другими путями. «Что касается путей и форм совершенствования отраслевой лексики, то они подчиняются общим закономерностям развития языка, в частности, главнейшим закономерностям развития его лексики» [12; 13, с. 177].

В настоящее время происходят значительные политические, экономические и культурные преобразования, которые оказывают существенное влияние на изменения в языке, главным образом, в его лексической системе. Меняющаяся реальность требует новых наименований, стимулирует все системы современных языков, способствует их развитию.

Франция как лидер евроинтеграции аккумулирует и продуцирует лексические инновации, отражающие как современные внутренние, так и внешние события: реформы, миграционный и экономический кризис, борьбу с терроризмом и международной преступностью, организацию новых политических и во-

енных союзов, связанных с защитой прав человека и многими другими факторами политической жизни современной Европы и мира.

Во Франции, одной из ведущих стран Европы, росту числа неологизмов в языке способствуют такие политические события, как заселение ЕС беженцами из стран Ближнего Востока, мировой экономический кризис, трудовые мигранты, борьба с терроризмом, протестные движения внутри страны и др. В связи с этим процесс неологизации во французском языке вызывает активный научный интерес.

Появление большого количества неологизмов побуждает лингвистов фиксировать и описывать новые языковые реалии. В статье И. В. Кривоносовой трактуется семантическая эволюция слов на материале французского языка, отмечаются особенности функционирования неологизмов, образованных путём синтактико-семантической деривации [8]. Новые лексические единицы сложны, неоднородны и разнообразны. Рассматривая их с точки зрения словообразования в современной лингвистике, можно заметить, что используются схожие по содержанию термины, они образованы разными путями и относятся к разным категориям, таким как неологизм, инновация, новообразование и др.

В военном лексиконе неологизмы появляются и закрепляются под влиянием

ряда причин: возникновение вооружённых конфликтов, внедрение новых технологий, создание техники, которые неизбежно влекут за собой их определение, а также перевод на иностранные языки, появление новых политических деятелей, соперничество, лингвистическую экономию.

В ходе исследования поставлены следующие задачи:

- выявить структурно-семантические черты военной терминологии;
- раскрыть особенности терминологических неологизмов в текстах военной тематики.

Общая характеристика военной терминологии

Военная лексика является важным компонентом в составе терминологии, которая постоянно расширяется и меняет свой состав. Основной пласт военной лексики регулируется уставами, приказами, боевыми документами, в связи с этим он стандартен, хотя и учитывает специфику того или иного языка. Военная лексика устной речи изобилует терминами, поэтому знание и раскрытие особенностей военной терминологии французского языка имеет большое значение.

Военная терминология – это система лексических средств, обозначающих понятия военной науки, которые используются в сфере профессионального общения. Данная терминология – это специальная прослойка лексики, обладающая при этом разнообразными связями с общей лексикой языка. Современная военная терминология интенсивно развивается в области разработки новых видов оружия массового поражения, ракетно-ядерных и космических боевых систем, а также совершенствования способов ведения «точечной» войны.

Конфиденциальность, замкнутость армии создают условия для возникновения и развития собственного военного языка. Военная лексика представляет собой отдельную прослойку лексических

единиц, так как она обеспечивает специфическую сферу человеческой деятельности – организацию вооружённых сил, оперативно-тактическое искусство, вооружение и т. д.

Сфера военной терминологии обширная, и многие общеупотребительные слова, использующиеся как военные термины, принимают в ней особенное, более узкое значение. Военные термины характеризуются специальными сферами употребления, а сами эти сферы, вместе с определительной функцией и системностью, служат показателем, который позволяет причислить новое слово или словосочетание к категории военных терминов.

Общими признаками всех военных терминов являются: однозначная сопоставимость термина в пределах одной военной отрасли; самостоятельность; стилистическая нейтральность и принадлежность его к разряду понятий, которые описывают конкретный вид военной деятельности или конкретный военный объект.

Отличительные черты военной терминологии

Терминология различных сфер знаний – это важная составная часть словарного состава языка. Она объединяется с другими областями лексики, а не формируется обособленно. Развиваются фактически те же лексико-семантические процессы, как и в общей лексике, но со своими характерными особенностями.

Отличительные черты современной военной лексики и терминологии рассматривались в работах С. В. Гринева [4], В. П. Даниленко [5], О. В. Загоровской, Т. Н. Даньковой [6], Р. Ю. Кобрин [7], М. Н. Лату [9], В. М. Лейчика [10], А. И. Леонова [11], А. В. Суперанской [14], Г. Т. Хухуни [16], В. Н. Шевчука [17] и др.

Проблемы терминологии рассматривают зарубежные лингвисты и терминологи: А. Бежуен (Béjoint Henri) и Ф. Туа-

рон (Thoiron Philippe) [18], М.-К. Л'Омм (L'Homme Marie-Claude) [19], Х. К. Сагер (Juan Carlos Sager) [20] и А. Вильсон (Wilson Adele) [21].

Военная терминология характеризуется, в частности, чёткостью семантических границ, устойчивостью словосочетаний, специальными аббревиатурами и условными наименованиями, стилистической нейтральностью, отсутствием экспрессивности, потребностью к однозначности, а также широким употреблением в военной документации синтаксических моделей (например, неполных придаточных предложений и шаблонных конструкций).

Характерной особенностью военной терминологии, отличающей её от других отраслевых систем, можно считать тот факт, что кроме военных терминов, закреплённых за специальными военными понятиями, которые относятся к различным сферам деятельности вооружённых сил, она включает технические термины, заимствованные из различных областей науки и техники: электроники, топографии, космонавтики, ядерной физики и др.

Военные термины, в большинстве случаев, не имеют синонимов, но могут различаться по сфере употребления. Наличие системы военных терминов демонстрирует их зависимость друг от друга. Это свойство военной терминологии наблюдается в наименовании воинских званий.

– “À l'exception de l'avancement de grade des sous-lieutenants au grade de lieutenant, et des lieutenants au grade de capitaine qui se fait à l'ancienneté (au bout d'1 an pour les *sous-lieutenants* et de 4 ans pour les *lieutenants*), le même procédé d'avancement au choix est utilisé pour faire évoluer les gendarmes d'un grade à l'autre au sein du corps des officiers.”¹ / «За исключением повышения в звании младших лейтенантов до звания лейтенанта и лейтенантов до звания капитана,

которое осуществляется по выслуге лет (через 1 год для младших лейтенантов и 4 года для лейтенантов), тот же выборный процесс продвижения используется для продвижения констеблей из одного звания в другое в офицерском корпусе»².

– “Est «promouvable» au grade de colonel, le *lieutenant-colonel* ayant: servi au moins 3 années au grade de *lieutenant-colonel*, et se trouvant à plus de 3 années de la limite d'âge du grade de colonel”³. / «Повышается» до звания полковника подполковник, имеющий: стаж не менее 3-х лет в звании подполковника и более 3-х лет от возрастного предела звания полковника».

Ввиду того, что в военной области занято большое количество военнослужащих с самым разным уровнем подготовки, то военные термины должны соответствовать ещё одному правилу – быть ясными, лаконичными, доступными для понимания. Например: полное окружение войск противника, попадание их в кольцо, из которого невозможен их организованный выход – котёл (*chaudière*):

– “On suppose que l'intervention dans la direction de Donetsk (région de Donetsk; République populaire autoproclamée de Donetsk, RPD), qui a conduit à la création de la soi-disant, *Chaudière Ilovaisky*”⁴. / «Предполагается интервенция на Донцеком направлении (Донецкая область; самопровозглашённая Донецкая Народная Республика, ДНР), приведшая к созданию, так называемого, Иловайского котла».

В качестве средств поддержки массовой коммуникации специфическими свойствами, прежде всего, обладают приказы, донесения, команды, распоряже-

¹ См.: Quels sont les grades et les évolutions de carrière dans la Gendarmerie Nationale? [Электронный ресурс] // Police-nationale.net : [сайт]. URL: <https://www.police-nationale.net/grades-gendarmerie/> (дата обращения: 15.11.2022).

² Здесь и далее перевод осуществлён автором статьи – А. К.

³ См.: Quels sont les grades et les évolutions de carrière dans la Gendarmerie Nationale? [Электронный ресурс] // Police-nationale.net : [сайт]. URL: <https://www.police-nationale.net/grades-gendarmerie/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ См.: T-72b3 dans la guerre du Donbass [Электронный ресурс] // Avtotachki : [сайт]. URL: <https://avtotachki.com/fr/t-72b3-v-voyne-za-donbass/> (дата обращения: 16.11.2022).

ния. Большое количество военных материалов и боевых документов насыщено поясняющими графиками, таблицами, схемами и диаграммами, названиями городов и населённых пунктов, обозначениями арабскими, римскими цифрами и латинскими буквами, датами, временем, координатами, географическими названиями, нумерацией и наименованием воинских частей и другими данными. Отмечается также ещё одна особенность военных терминов – их большое количество. Так, по имеющимся данным, количество предметов снабжения, вооружения в современных вооружённых силах составляет около трёх миллионов различных наименований.

Перечисленные выше свойства характеризуют функциональную нагрузку коммуникации в военной области. Краткость, чёткость, конкретность, точность формулировок и лаконичность изложения – всё это создаёт дискурсивную последовательность, доступность восприятия представленной информации.

Языковые особенности неологизмов

Вооружённые силы Франции участвуют в операциях по урегулированию международных военных конфликтов, принимают участие в военных космических программах и являются активными участниками процессов научно-технической эволюции.

Во французском языке военная терминология продолжает складываться и видоизменяться в процессе контактов в рамках НАТО. В условиях международных отношений, изменения объёма содержания терминов представляют интерес в контексте словообразовательных возможностей языка, а также в связи с необходимостью перевода соответствующих терминов на другие языки. Проблемами перевода терминологической лексики занимались И. Д. Ашуркин, Н. А. Арбузова [1], П. П. Банман, А. А. Леглер [2] и др. Л. И. Борисова в своей статье детально рассматривала «способы и сложности

перевода многокомпонентных терминов, разного рода сокращений, аббревиатур и др., представленных в научном наследии Л. Л. Нелюбина» [3].

Число неологизмов на лексическом уровне нельзя подсчитать. Признаками вхождения новых слов в язык следует считать их способность воссоздания вне первоначального контекста, участие в семантических и словообразовательных процессах [15, с. 54]. Большое число неологизмов возникает в военной сфере, так как вооружённые силы – один из древнейших и основополагающих социальных институтов со своей чёткой иерархией и структурой. Значительная активизация социальной роли вооружённых сил стимулирует как стандартное, так и нестандартное появление терминов в языке военной сферы.

Военная лексика относится к числу недостаточно изученных лексических групп. Это особый слой лексических единиц языка. Военная лексика обслуживает не только специальную область человеческой деятельности (организация вооружённых сил, оперативно-тактическое искусство, название военной техники и т. п.), но может быть фактом общего употребления и являться средством социально-речевой характеристики.

У военного языка есть свои отличительные характеристики, которые позволяют противопоставить его другим сферам. Поэтому появление неологизмов в военной терминологии характеризуется определённой спецификой.

В следующих примерах выявлены неологизмы в виде *заимствований*. Такие неологизмы обладают высокой степенью коннотации новизны. Например:

– “Des deux côtés, les *drones* jouent un rôle crucial dans l'affrontement se déroulant sur le territoire ukrainien”¹. / «С обеих сторон беспилотники играют решающую

¹ См.: En Ukraine, les drones, arme déterminante et défi technologique [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34KtvT> (дата обращения: 21.10.2022).

роль в боестолкновении, происходящем на территории Украины».

– “À l'inverse, de minuscules *drones* sont utilisés pour des frappes chirurgicales, tels ces quadricoptères civils volant à moins de 500 mètres d'altitude, et qui larguent des grenades au milieu des tranchées”¹. / «И наоборот, крошечные дроны, использующиеся для точечных ударов, которые наносятся гражданскими квадрокоптерами, летающими на высоте менее 500 метров и сбрасывающими гранаты посреди траншей».

Само слово «дрон» пришло во французский язык из английского (англ. *drone* – беспилотник), изначально слово обозначало насекомое, с которым этот аппарат и имеет внешнее сходство. Из приведённых примеров видно, что неологизм возник во французском языке посредством заимствования, полностью сохранив не только свою форму, но и содержание.

Французские *сложные слова* образуются обычно по общим правилам, которые выработаны на протяжении всего развития языка. Главной особенностью словосложения можно считать тот факт, что объединяются не основы, а целые слова, например: “*droneport*”.

– “Le premier «*droneport*» sera opérationnel au Rwanda en 2020”². / «Первый «дронпорт» заработает в Руанде в 2020 году».

– “Dès 2016 près du lac Kivu, le projet de construction d'un *droneport* (aéroport pour drones) a été envisagé”³. / «По состоянию на 2016 год в районе озера Киву рассматривался проект строительства дронпорта (аэропорта для дронов)».

¹ См.: En Ukraine, les drones, arme déterminante et défi technologique [Электронный ресурс] // Le Monde: [сайт]. URL : <https://clck.ru/34KtvT> (дата обращения: 21.10.2022).

² См.: Biennale de Venise: Norman Foster dévoile son aéroport de drones [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34KtyW> (дата обращения: 27.10.2022).

³ См.: Les Drones au service de la santé! [Электронный ресурс] // Innovation e-santé : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Ktzn> (дата обращения: 27.10.2022).

Под прямым *заимствованием* или «буквальным заимствованием» [10, с. 10] понимается слово, которое существует в языке-приемнике в том виде, в котором оно было в языке-источнике, т. е. принимающий язык приобретает и материальную форму, и его значение, например термин ‘*démilitarisation*’:

– “Après que sa flotte à Sébastopol a été attaquée, samedi, la Russie a annoncé la suspension de l'accord permettant l'exportation des céréales ukrainiennes par la mer Noire et a demandé la *démilitarisation* du couloir maritime prévu à cet effet”⁴. / «После нападения на её флот в Севастополе в субботу Россия объявила о приостановке действия соглашения, разрешающего экспорт украинского зерна через Чёрное море, и призвала к демилитаризации предусмотренного для этого морского коридора».

– “Le président russe Vladimir Poutine se prononce pour une *démilitarisation* de l'Ukraine, arguant des armes qu'elle reçoit de ses alliés occidentaux”⁵. / «Президент России Владимир Путин выступает за демилитаризацию Украины, приводя как аргумент наличие оружия, которое она получает от своих западных союзников».

– “Le ministre a invoqué la «*démilitarisation*» et la «*dénazification*» de l'Ukraine, affirmant que l'armée russe «n'occupe pas l'Ukraine» et que l'Occident «cherche à utiliser le peuple ukrainien» contre Moscou”⁶. / «В вопросе “демилитаризации” и “денацификации” Украины министр заявил, что российские военные “не оккупируют Украину” и что Запад “стремится исполь-

⁴ См.: Guerre en Ukraine: Kiev est déterminé à «rester un garant de la sécurité alimentaire mondiale», déclare Volodymyr Zelensky [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Ktrx> (дата обращения: 25.10.2022).

⁵ См.: Crise Ukrainienne: Vladimir Poutine se dit prêt à «démilitariser l'Ukraine» [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Ku47> (дата обращения: 25.10.2022).

⁶ См.: Guerre en Ukraine: l'offensive russe se poursuivra «jusqu'à ce que tous les objectifs» soient atteints [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34Ku6C> (дата обращения: 25.10.2022).

зовать украинский народ” против Москвы».

Займствование иноязычной формы слова с наполнением её новым значением приводит к явлению омонимии, например, термин *pointeur* (англ. *pointer*), имеющий в языке заимствования понятие «охотничья порода собак» или «указка», а во французском военном составном термине *pointeur-tireur* – «наводчик-стрелок».

– “Pour commander la pièce en sécurité, c’est un travail d’équipe: le conducteur Caesar, le *pointeur-tireur*, les pourvoyeurs, chacun a un rôle bien défini et essentiel pour mettre en œuvre le système”¹. / «Контролировать безопасность орудия – командная работа: водитель Цезаря, наводчик-стрелок, заряжающий, каждый из них выполняет чётко определённую и важную роль для применения установки».

– “Tout d’abord, sauf erreur de ma part, concernant le domaine sol/sol arrière (celui qui m’intéresse le plus) les spécialités de l’équipe de pièce sont; artificier, Pourvoyeur et *Pointeur-tireur* ou *chargeur/tireur* je ne sais plus”². / «Прежде всего, если я не ошибаюсь, что касается наземной/тыловой наземной области (той, которая интересует меня больше всего), специализация экипажа орудия такова; командир, заряжающий и наводчик-стрелок или стрелок-заряжающий, уже и не знаю, как правильно сказать».

Рассмотрим ещё примеры употребления неологизмов-словосочетаний: “la défense territoriale” и “le renforcement de la posture”.

– “Guerre en Ukraine: avec les volontaires de la *défense territoriale*, une armée de civils”³. / «Война в Украине: с доброволь-

цами территориальной обороны, армией мирных жителей».

– “Face à la menace russe, Jens Stoltenberg a confirmé le renforcement de la «*posture*» alliée avec plus de 300 000 forces en haut niveau de préparation”⁴. / «Столкнувшись с российской угрозой, Йенс Столтенберг подтвердил усиление “позиции” союзников более чем 300 000 военнослужащих в высокой степени готовности».

– “La réponse est un renforcement de la *posture* de dissuasion et de la défense des alliés”⁵. / «Ответ – усиление позиции сдерживания и защиты союзников».

В русском переводе словосочетания представляют собой калькированные единицы французского языка “la défense territoriale” и “le renforcement de la posture”.

Новообразования трансомиантно-го характера представляют собой неологизмы, которые передают значение, уже существующее в языке, новой языковой формой, что приводит к явлению синонимии.

Во французском языке слово реваншизм (*revanchisme*) было заимствовано в первой половине XX в. и имело значение «отплата, возмездие». В наше время слово реваншизм широко употребляется в значении: «повторная борьба, игра, принятая с целью взять верх над прежним победителем».

– “Les revendications territoriales du président turc s’insèrent dans un *revanchisme* assumé vis-à-vis de l’Europe et de l’Occident, analyse le politiste Ahmet Insel dans une tribune au «Monde»”⁶. / «Территориальные

défense territoriale, une armée de civils/ [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3Sy> (дата обращения: 22.10.2022).

¹ См.: Chammal: Dans la peau d’un chef de pièce Caesar en Irak/ [Электронный ресурс]. URL: <https://amicale-35rap.fr/materiels-etarmemnts/canonautomoteur-caesar-155-mm/> (дата обращения: 26.10.2022).

² См.: Questions concernant les spécialités/ [Электронный ресурс] // Aumilitaire: [сайт]. URL: <https://www.aumilitaire.com/communaute/topic/30634-questions-concernant-les-spécialités/> (дата обращения: 26.10.2022).

³ См.: Guerre en Ukraine: avec les volontaires de la

⁴ См.: Barotte N. Face à la menace russe, Zelensky réclame du «courage» à l’Otan [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3U6> (дата обращения: 22.10.2022).

⁵ См.: Ukraine: l’Otan déploie des éléments de sa Force de réaction pour réagir à toute éventualité/ [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3VD> (дата обращения: 22.10.2022).

⁶ См.: Recep Tayyip Erdogan a atteint son objectif: créer

притязания президента Турции являются частью реваншизма, предпринятого по отношению к Европе и Западу, – пишет политолог Ахмет Инсел в колонке в «Monde».

Новые термины появляются в результате сокращения состава сложных наименований предметов или действий по принципу языковой экономии. Из сложного словосочетания создаётся новая лексическая единица – *сложносокращённое инициальное слово*. Инициальные слова стилистически нейтральны и принадлежат преимущественно к военной терминологии: BP, OTAN. Например:

– «Un millier de militaires, la plupart des «bérets rouges» de la 11e BP (11e brigade parachutiste), sont engagés cette semaine dans leur plus important exercice annuel»¹. / «Около тысячи военных, большая часть «красных беретов» 11-го БП (11-я парашютная бригада), на этой неделе участвует в своих самых важных ежегодных учениях».

– «Les manœuvres otaniennes relèvent d'un exercice prévu et routinier», a prévenu dès le 12 octobre Jens Stoltenberg, le secrétaire général de l'OTAN»². / «Манёвры НАТО – это «плановые и рутинные учения», предупредил в своём заявлении 12 октября генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг».

– «Une soixantaine d'avions de combat, dont des Tornado et des F-16, y participeront, ainsi que des avions de surveillance et des avions ravitailleurs mobilisés pour cet exercice organisé à plus de 1 000 kilomètres

de la frontière russe, assure l'OTAN»³. / «В учениях, организованных более чем в 1000 км от российской границы, примут участие около 60 истребителей, в том числе «Торнадо» и F-16, а также самолёты-разведчики и самолёты-заправщики, уверяют в НАТО».

Таким образом, расширение словарного состава современной французской терминологии военной сферы происходит в основном за счёт терминов-неологизмов, создаваемых словообразовательным способом с использованием структурно-семантических элементов, существующих в языке, что приводит к появлению производных слов.

Заключение

В результате проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

– выявлены отличительные черты военной терминологии: чёткость семантических границ, устойчивость словосочетаний, специальные аббревиатуры и условные наименования;

– раскрыты особенности терминологических неологизмов в военной лексике, где пополнение словарного состава военной терминологии происходит в основном за счёт терминов-неологизмов, создаваемых словообразовательным способом разными приёмами.

Процесс пополнения военной терминологии современного французского языка новыми словами всегда присутствовал, но в последнее десятилетие объём новаций и скорость их проникновения в язык заметно выросли за счёт новых лексических образований.

Большинство военных терминов возникают с употреблением интернациональных источников терминологии, что представляет собой отражение устойчивого развития и совершенствования военной науки, вооружения и боевой

une surenchère nationaliste/ [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3Z2> (дата обращения: 27.10.2022).

¹ См.: À Toulouse, la grande parade des parachutistes/ [Электронный ресурс] // Le Figaro : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3ZS> (дата обращения: 28.10.2022).

² См.: L'OTAN teste ses capacités de dissuasion nucléaire lors d'un exercice militaire annuel et «routinier»/ [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3Zb> (дата обращения: 31.10.2022).

³ См.: L'OTAN teste ses capacités de dissuasion nucléaire lors d'un exercice militaire annuel et «routinier»/ [Электронный ресурс] // Le Monde : [сайт]. URL: <https://clck.ru/34L3Zb> (дата обращения: 31.10.2022).

техники. В военной сфере французского языка преобладают заимствования, кальки и аббревиатуры из английского языка.

Перечисленные выше способы пополнения военной терминологии, показывают, что военные термины образуются с использованием традиционных способов словообразования, которые характерны для современного французского языка.

Обогащение военной терминологии обеспечивает эффективное общение специалистов в ходе осуществления профессиональной деятельности и является неотъемлемым источником пополнения современной французской военной терминологии.

Дата поступления в редакцию 28.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашуркин И. Д., Арбузова Н. А. Проблемы перевода терминологической лексики на примере военных текстов // Лингвистические и культурологические традиции и инновации: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции (Томск, 12–15 ноября 2014 г.). Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2014. С. 17–20.
2. Банман П. П., Леглер А. А. Военная терминология и военный перевод: учеб. пособие. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 227 с.
3. Борисова Л. И. Вопросы перевода терминологии в работах профессора Л. Л. Нелюбина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 149–155. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-149-155.
4. Гринев С. В. Сопоставительное терминоведение: современное состояние // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 68–75.
5. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: сборник статей. М.: Наука, 1971. С. 7–67.
6. Загоровская О. В., Данькова Т. Н. Термин и терминология. Воронеж: Научная книга, 2016. 136 с.
7. Кобрин Р. Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3-х томах. М.: Московский лицей, 2003. Т. 3. С. 35–40.
8. Кривоносова И. В. Синтактико-семантическая эволюция слов в современном французском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 162–166.
9. Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 98–104.
10. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
11. Леонов А. И. Лингвокультурные особенности англоязычной и русской военной терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 120–122.
12. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке (лингвистический и социолингвистический аспекты): монография. М.: МГОУ, 2006. 273 с.
13. Скуратов И. В., Сорокина Э. А. К вопросу об упорядочении современной терминологии и условий создания терминосистем (на материале французского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 172–180. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-172-180.
14. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории; 6-е изд. М.: Либроком, 2012. 248 с.
15. Фуко М. Слова и вещи. М.: Гуманитарные науки, 1974. 404 с.
16. Хухун Г. Т. Новая терминосистема: пути формирования (на материале терминологии беспилотных летательных аппаратов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-13-20.
17. Шевчук В. Н. К вопросу об онтологии военных понятий и терминов // Язык в пространстве, коммуникации и культуре: материалы VI международной научной конференции. М.: Книга и бизнес, 2012. С. 228–233.

18. Béjoint H., Thoiron P. La terminologie, une question de termes? // *Meta*. 2010. Vol. 55. No. 1. P. 105–118. DOI: 10.7202/039605ar.
19. L'Homme M.-C. La terminologie: principes et techniques. Montréal: Les presses de l'Université de Montréal, 2004. 278 p.
20. Sager J. Pour une approche fonctionnelle de la terminologie // *Le sens en terminologie* / dir. P. Thoiron et H. Béjoint. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 2000. P. 40–60.
21. Wilson A. Military Terminology and the English Language (2008). [Электронный ресурс]. URL: <https://cperc.arts.utoronto.ca/courses/6362-WilsonAdele> (дата обращения: 10.10.2022).

REFERENCES

1. Ashurkin I. D., Arbuzova N. A. [Problems of translation of terminological vocabulary on the example of military texts]. In: *Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye traditsii i innovatsii* [Linguistic and cultural traditions and innovations]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2014, pp. 17–20.
2. Banman P. P., Legler A. A. *Voyennaya terminologiya i voyennyy perevod* [Military terminology and military translation]. Stavropol, North Caucasian Federal University Publ., 2015. 227 p.
3. Borisova L. I. [Terminology translation issues in professor L. L. Nelyubin works]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 149–155. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-149-155.
4. Grinev S. V. [Comparative terminology science: the state of the art]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology], 2017, no. 1 (25), pp. 68–75.
5. Danilenko V. P. [Lexico-semantic and grammatical features of word-terms]. In: *Issledovaniya po russkoy terminologii* [Studies in Russian terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 7–67.
6. Zagorovskaya O. V., Dan'kova T. N. *Termin i terminologiya* [Term and terminology]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2016. 136 p.
7. Kobrin R. Yu. [On the concepts of “terminology” and “terminological system”]. In: *Tatarinov V. A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya: v 3-kh tomakh* [History of domestic terminology: in 3 volumes]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 2003, vol. 3, pp. 35–40.
8. Krivonosova I. V. [Syntactico-semantic word evolution in the contemporary French language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 3, pp. 162–166.
9. Latu M. N. [Military terminology in modern political discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 3 (37), pp. 98–104.
10. Leychik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 256 p.
11. Leonov A. I. [Linguistic and cultural features of English and Russian military terms]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2017, no. 1, pp. 120–122.
12. Skuratov I. V. *Tipologicheskaya kharakteristika neologizmov v sovremenном razgovornom i delovom frantsuzskom yazyke (lingvisticheskiy i sotsiolingvisticheskiy aspekty)* [Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French (linguistic and sociolinguistic aspects)]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2006. 273 p.
13. Skuratov I. V., Sorokina E. A. [On systemizing modern terminology and prerequisites for forming terminological systems (in French and Russian languages)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 172–180. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-172-180.
14. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: questions of theory]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 248 p.
15. Fuko M. *Slova i veshchi* [Words and things]. Moscow, Gumanitarnyye nauki Publ., 1974. 404 p.
16. Khukhuni G. T. [New system of terms: the ways of formation (based on the unmanned aerial vehicles terminology)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 4, pp. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-13-20.

17. Shevchuk V. N. [To the question of the ontology of military concepts and terms]. In: *Yazyk v prostranstve, kommunikatsii i kul'ture: materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Language in space, communication and culture: materials of the VI international scientific conference]. Moscow, Kniga i biznes, 2012. pp. 228–233.
18. Béjoint H., Thoiron P. La terminologie, une question de termes? In: *Meta*, 2010, vol. 55, no. 1. pp. 105–118. DOI: 10.7202/039605ar.
19. L'Homme M.-C. La terminologie: principes et techniques. Montréal, Les presses de l'Université de Montréal, 2004. 278 p.
20. Sager J. Pour une approche fonctionnelle de la terminologie. In: Thoiron P., Béjoint Y., dir. *Le sens en terminologie*. Lyon Presses Universitaires de Lyon, 2000, pp. 40–60.
21. Wilson A. Military Terminology and the English Language (2008). Available at: <https://cpercycy.artsci.utoronto.ca/courses/6362-WilsonAdele> (accessed: 10.10.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комалова Александра Сергеевна – аспирант кафедры романской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra S. Komalova – Postgraduate Student, Department of Romance Philology, State University of Education;
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комалова А. С. Терминологические неологизмы военной сферы и их языковые особенности в современном французском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 150–160.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-150-160

FOR CITATION

Komalova A. S. Terminological neologisms of the military sphere and their language features in the modern French language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 150–160.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-150-160

УДК 811.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-161-170

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ НАМЁКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ КОМИКСОВ)

Штукатурова Е. П.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить роль лингвокультурной информации при понимании намёка в немецком юмористическом дискурсе.

Процедура и методы. Проведён анализ намёков в комиксах серии “Nichtlustig” («Несмешно») с учётом культурной и лингвокультурной информации. Основными методами исследования являются метод сплошной и направленной выборки, а также интерпретативный метод.

Результаты. Проведённый анализ показал, что лингвокультурная информация в комиксах серии “Nichtlustig” является основополагающим компонентом для понимания намёка в немецком юмористическом дискурсе. Чтобы понять намёк, адресат должен владеть лингвокультурными знаниями, включающими знания безэквивалентной лексики, прецедентных имён, фактов из общественной жизни Германии, немецких сказок и реалий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены термины *проявленная и непроявленная ситуация*. Полученные результаты могут быть использованы в последующих исследованиях намёка.

Ключевые слова: имплицитный смысл, лингвокультурные единицы, намёк, фоновые знания, юмористический дискурс

LINGUOCULTURAL SPECIFICS OF GERMAN HUMOROUS DISCOURSE AS A BASIS FOR UNDERSTANDING THE HINT (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN COMICS)

E. Shtukaturova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prospect Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the role of linguocultural information in understanding the hint in German humorous discourse.

Methodology. The analysis of hints in the comics „Nichtlusig” (“Unfunny”) is carried out taking into account cultural and linguocultural information. The main research methods are the method of continuous and directed sampling, as well as the interpretive method.

Results. The analysis showed that the linguocultural information in the comics of the series „Nichtlusig” is a fundamental component for understanding the hint in the German humorous discourse.

To understand the hint, the addressee must possess linguocultural knowledge, including knowledge of non-equivalent vocabulary, precedent names, facts from German public life, German fairy tales and realias.

Research implications. The term *visible* and *hidden* situation is proposed. The results can be used in the subsequent studies of the hint.

Keywords: background knowledge, hint, humorous discourse, implicit meaning, linguocultural units

Введение

Исходя из того, что язык обладает кумулятивной функцией и сохраняет культурную информацию [15, с. 226], становится возможным проанализировать специфику той или иной лингвокультуры.

С начала XXI в. немецкая лингвокультура неизменно является объектом исследования в работах лингвистов. Отечественные учёные рассматривают различные концепты и базовые ценности немецкой лингвокультуры [9; 10; 11; 16; 17], а также ономастическую лексику в аспекте соотношения языка и культуры [7; 19].

В статье учитываются лингвокультурные единицы, а именно немецкая культурно-маркированная лексика (реалии, культурно-коннотативная лексика), прецедентные имена и высказывания, поверья и культурные стереотипы. Согласно определению И. Е. Аверьяновой, культурно-маркированная лексика – это «лексические единицы, содержащие узואльно закреплённую в семантике слова специфическую национально-культурную информацию» [1, с. 6]. Реалии (в терминологии Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова – безэквивалентная лексика) служат «наименованием уникальных предметов и явлений данной национальной культуры и характеризуются культурной маркированностью всей семантической структуры» [1, с. 184]. План содержания безэквивалентной лексической единицы «невозможно точно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [2, с. 67]. Прецедентные имена – «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культур-

ного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [12, с. 4]. К числу прецедентных высказываний относятся цитаты и квазичитаты [3, с. 16].

Рассматривая культурно-коннотативную лексику, И. Е. Аверьянова вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым подчёркивает эмоционально-эстетическое своеобразие лексических единиц с культурной коннотацией [1, с. 45–46].

Одним из объектов изучения лингвокультурологии является юмор. В. И. Карасик приводит лингвокультурные характеристики юмора и относит юмор к числу культурных концептов [4]. Юмористический дискурс является одним из прагмалингвистических типов дискурса и, по определению В. И. Карасика, представляет собой «текст, погружённый в ситуацию смехового общения» [4, с. 252]. В рамках юмористического дискурса мы рассматриваем комиксы. В процессе восприятия комикса «актуализируются положительные эмоции» [14, с. 113]. Комиксы наряду с демотиваторами, интернет-мемами относятся к разновидностям креолизованного текста. Многие комиксы обладают культурной коннотацией [20, с. 86]. В качестве одного из прагматических средств создания комического эффекта в сетевой коммуникации называется намёк в форме реминисценции или аллюзии [8].

С точки зрения функции, вербализованный намёк – это речевая тактика донесения определённой имплицитной пропозиции и имплицитной интенции адресанта до адресата. Существуют различные взгляды на намёк в современной лингвистике [5; 21; 22]. Подробнее мы их рассматривали в работе «Временная соотносённость вербализованной и невер-

бализованной ситуации в намёках (на материале немецкого языка)» [18]. Согласно И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер, к базовым характеристикам намёка относятся интенциональность, вербальность, косвенность, обоснованность, выводимость, нетривиальность [6]. В данной работе мы рассматриваем признак выводимости, суть которого передаёт вопрос: Что позволяет адресату понять намёк? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо решить следующие **задачи**: 1) проанализировать эксплицитное содержание комикса и выявить имплицитный смысл; 2) провести сопоставление. Для достижения поставленных задач используется интерпретативный метод.

Целью исследования является определение роли лингвокультурного аспекта при понимании намёка в немецком юмористическом дискурсе. **Новизна исследования** заключается в том, что лингвокультурная специфика современного немецкого юмористического дискурса рассматривается как главная причина понимания намёка. **Результаты исследования** вносят вклад в лингвокультурологию, так как в работе доказывается ведущая роль лингвокультурной информации при декодировании имплицитного смысла.

Материалом исследования послужили примеры комиксов в жанре карикатуры серии “Nichtlustig” за периоды с 2000 по 2015 гг. и с 2020 г. по настоящее время¹. Автором серии является немецкий карикатурист Йоша Зауэр. Для анализа отобрано 5 историй, комический эффект которых частично или полностью создаётся при помощи намёка.

Многие комиксы озаглавлены; в заглавие выносятся характеристика ситуации и возникшая в ней проблема. Заглавие часто является ключом к пониманию всего комикса. Комический эффект серии “Nichtlustig” строится на обыгрывании

культурных стереотипов, высмеивании различных аспектов действительности.

Понимание намёка в отобранных комиксах происходит с учётом культурного фона Германии. «Культурный фон характеризует лексемы и фразеологизмы, связанные с явлениями социальной жизни и важными историческими событиями» [13, с. 39]. Комиксы содержат также информацию, для понимания которой адресату необходимо привлечь знания о мировой культуре.

В зависимости от типа информации, представленной в комиксе, после примера даётся культурная и/или лингвокультурная справка.

Для анализа комиксов используются термины «**проявленная ситуация**» – вербализованные высказывания и графическое сопровождение комикса, и «**непроявленная ситуация**» – скрытое содержание комикса.

Лингвокультурный аспект намёка в немецком юмористическом дискурсе

1. Непроявленная ситуация «персонаж-буквоед слепо следует предписаниям». Проявленная ситуация с содержанием «персонаж обращается к информационной табличке».

Проявленная ситуация: (1) аквалангист рядом с табличкой, на которой написано *Atlantis / Kreis Hintertupfing – Атлантисда / район Тмутакапань* (рис. 1): *Nein. Hier ist auch keine versunkene «STADT». Ich komme wieder hoch. – Hem, здесь тоже нет затонувшего «ГОРОДА». Я вновь поднимаюсь².*

Проявленная ситуация является подчеркнуто гипотетической, совокупность деталей нарочито абсурдна. Это создаёт почву для того, чтобы придать непроявленной ситуации больший масштаб.

Культурная и лингвокультурная справка. В Германии в системе административно-территориального деления существуют районы (*Landkreis / Kreis*). В их состав входят общины (*Gemeinden*).

¹ См.: Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. URL: <https://joscha.com/nichtlustig/210617/> (дата обращения: 30.08.2022).

² Здесь и далее перевод автора статьи – Е. III.

Рис. 1 / Fig. 1. Атлантида / Atlantis

Источник: Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. URL: <https://joscha.com/nichtlustig/200901/> (дата обращения: 30.08.2022).

На знаке населённого пункта, на котором мелким шрифтом упомянут район, указано название общины *Atlantis*. Полужирным шрифтом и заглавными буквами выделено слово *Stadt*, на которое падает логическое ударение. Наличие затерянной общины, а не города, не вызывает интереса у акванангиста, так как ему было поручено обнаружить именно город.

Atlantis – Атлантида – согласно мифу, обозначает затонувшее в море островное государство. Прецедентное имя *Hintertupfingen* / *Hintertupfung* – это выдуманное насмешливое название какого-либо маленького, отдалённого места¹ с коннотацией провинциальности². В толковых словарях немецкого языка Duden, DWDS³

¹ См.: Die Redewendung „wie im Schlaraffenland leben“ [Электронный ресурс] // Duden : [сайт]. URL: <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Die-Redewendung-wie-im-Schlaraffenland-leben> (дата обращения: 15.05.2022).

² См.: Register der Redensarten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 15.05.2022).

³ См.: „Hintertupfingen“ // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Hintertupfingen> (дата обращения: 15.05.2022).

лексема *Hintertupfingen* имеет стилистические пометы *umgangssprachlich* (разговорный) и *spöttisch* (насмешливый). Наличие эмоциональной окраски у лексемы даёт основание относить её к разряду культурно-коннотативных лексических единиц.

2. Непроявленная ситуация «поведение женщин в сказочном/фантастическом мире, наносящих вред близким людям». Проявленная ситуация «доброе намерение возлюбленной / матери персонажа».

Проявленная ситуация: (2) собираясь на работу, хрюк, живущий в стране с молочными реками и кисельными берегами, забыл нож; жена протягивает ему забытый предмет (рис. 2).

Schlaraffenland-Schweine auf dem Weg zur Arbeit – Свиньи из страны с молочными реками и кисельными берегами собираются на работу.

– Edmund! Du hast schon wieder dein Messer vergessen. – Эдмунд! Ты опять забыл свой нож.

– Oh – O!

Рис. 2 / Fig. 2. Свиньи из страны с молочными реками и кисельными берегами собираются на работу / Pigs from the country with milk rivers and jelly banks are going to work

Источник: Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. URL: <https://joscha.com/nichtlustig/010113/> (дата обращения: 30.08.2022).

Лингвокультурная справка. В стране с молочными реками и кисельными берегами из немецких сказок работа считается грехом для человека, еда и напитки имеются в избытке, в том числе летают готовые к употреблению животные. У поросят воткнуты в спину столовые приборы: вилка и нож. В комиксе в спине хряка находится только вилка. Его ещё не съели, так как отсутствовал нож. Кваситопоним *Schlaraffenland* относится к прецедентным именам и является литературной аллюзией: упоминание райского уголка встречается у немецких авторов Себастьяна Бранта (*Schluraffen landt*), Ганса Закса (*Schlauraffen Landt*)¹, Людвига Бехштайна и Братьев Гримм (*Schlaraffenland*).

Наречие *wieder* сигнализирует о том, что в прошлый раз свин ушёл на работу без ножа и поэтому остался жив. Судя по междометию *Oh*, хряк неприятно удивлён заботой жены, так как он намеренно оставил нож дома.

Проявленная ситуация: (3) мать-вампир отправляет детей поиграть на улице, так как светит солнце (рис. 3).

Рис. 3 / Fig. 3. Непутёвые матери-вампиры / Wayward vampire mothers

Источник: Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. URL: <https://joscha.com/nichtlustig/020215/> (дата обращения: 30.08.2022).

Vampir-Rabenmütter – Непутёвые матери-вампиры

Ja, gibt's denn das? Die Sonne scheint und ihr hängt hier drin vor der Glotze? Ihr macht jetzt mal schön aus und spielt draußen. – Это что такое? Светит солнце, а вы здесь внутри заливаете перед экраном? Ну-ка выключайте и поиграйте на улице.

Aber is grad so spannend. – Но сейчас как раз самое интересное.

Лингвокультурная справка. Общеизвестно, что вампиры боятся солнечного света. Понятие *Rabenmutter* (букв. мать-самка ворона) – это анималистическая гендерно маркированная метафора, обозначающая женщину, которая плохо заботится о своих детях. Согласно старому народному поверью, птица ворон мало заботится о своих птенцах и выбрасывает их из гнезда, когда не хочет их больше кормить². В проявленной ситуации требование матери поиграть на улице в солнечную погоду подтверждает её безответственное отношение к своим детям. Инвективная номинация *Rabenmutter* относится к немецкой безэквивалентной лексике.

Проявленная и непроявленная ситуация находятся в диссонансе: доброе намерение (забота) может привести к негативному последствию (смерти). Для выявления намёка данной группы необходимо обладать знаниями о немецком фольклоре и значениях культурно-маркированной лексики.

3. Непроявленная ситуация «факт из общественной жизни Германии». Проявленная ситуация «выделяющееся поведение или необычный образ мыслей персонажа».

Проявленная ситуация: (4) тигры в тюремных робах выполняют исправительные работы. За работой наблюдают надзиратели. Один из тигров прекращает работать из-за вновь возникшего странного чувства. Надзиратель приказывает

¹ См.: „Schlaraffenland“ // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Schlaraffenland> (дата обращения: 23.06.2022).

² См.: „Rabenmutter“ [Электронный ресурс] // Duden : [сайт]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 23.06.2022).

продолжить работу. Непроявленная ситуация: Критика использования животных в цирковых представлениях (рис. 4).

Frühe Tiger-Gefängnisse – Древние тюрьмы для тигров

Oh nein! Da ist es schon wieder. Dieses merkwürdige Gefühl, ich würde für jemanden namens Siegfried und Roy arbeiten. – О нем! Опять это. Это странное чувство, будто я работаю на кого-то по имени Зигфрид и Рой.

Hey, du da hinten! Weiterarbeiten! – Эй, ты там сзади! Работай!

Рис. 4 / Fig. 4. Древние тюрьмы для тигров / Ancient prisons for tigers

Источник: Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. URL: <https://joscha.com/nichtlustig/011016/> (дата обращения: 30.08.2022).

Культурная и лингвокультурная справка: Зигфрид и Рой (Siegfried & Roy) – немецко-американский дуэт бывших иллюзионистов и дрессировщиков Зигфрида Фишбахера (Siegfried Fischbacher) и Роя Хорна (Roy Horn), ставших всемирно известными благодаря своим шоу фокусов с участием хищных животных. О значимости данных фигур для немецкой культуры говорят многочисленные заголовки статей и документальных фильмов XX и XXI вв., поэтому мы

относим Siegfried и Roy к прецедентным именам немецкой лингвокультуры.

Несмотря на большое количество поклонников шоу, в комиксе содержится критика представлений и трюков с участием животных. Денотатами лексемы *Gefängnisse*, вынесенной в заголовок комикса, являются вымышленные тюрьмы и современные цирки. На основе общего признака «неволя» понятие цирк приравнивается к понятию тюрьма.

Проявленная ситуация: (5) двое игроков у бильярдного стола обсуждают отказавшегося от кия Пиноккио. Пиноккио пытается достать носом до битка, произнося цитату: *“In Ausschwitz wurde niemand umgebracht”*. Непроявленная ситуация: цитируемое высказывание является ложным (рис. 5).

– *Irgendein Italiener. Pinocchio irgendwas. Wollte kein Queue haben. – Какой-то итальянец. Пиноккио, как-то так. Не хотел брать кий.*

– *“In Ausschwitz wurde niemand umgebracht”* – «В Освенциме никто не был убит».

Рис. 5 / Fig. 5. Пиноккио / Pinocchio

Источник: Index of /Comics/NichtLustig [Электронный ресурс]. URL: <http://fun.mawan.de/Comics/NichtLustig/20020712-queue.jpg> (дата обращения: 30.08.2022).

Лингвокультурная справка: Пиноккио – главный персонаж сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио». Пиноккио является всемирно известным прецедентным именем и ассоциируется с патологическим враньём.

Нос Пиноккио должен вырасти, чтобы стать пригодным для игры в бильярд. Для этого Пиноккио нужно соврать: если Пиноккио лжёт, у него растёт нос. В качестве лжи Пиноккио приводит цитату немецкого ультраправого активиста 1990-х гг. Томаса Динеля (Thomas Dienel), отрицавшего холокост¹. Критика в комиксе направлена на отрицателей Холокоста. В данном примере задействовано два вида лингвокультурной информации: всемирно известное прецедентное имя и немецкое прецедентное высказывание, что соответствует двум видам аллюзии – литературной и исторической.

Заключение

Таким образом, для понимания многих комиксов “Nichtlustig” адресату необходимо провести несколько логических операций, посредством которых будет реконструирован имплицитный смысл.

Основой непрявленной ситуации в проанализированных случаях является лингвокультурная и/или культурная информация. Лингвокультурные знания, необходимые для понимания намёка, включают знания немецких сказок, реалий, национальных особенностей немецкого характера, фактов из общественной, культурной жизни Германии, а также знания безэквивалентной лексики, немецких и общемировых прецедентных имён. Не обладая данными знаниями, адресат сталкивается с проблемой выведения намёка.

В проявленной ситуации используются различные лингвокультурные единицы: немецкие и общемировые прецедентные имена и высказывания (*Atlantis*, *Schlaraffenland*, *Pinocchio*, *Siegfried und Roy*; “*Im Auschwitz wurde niemand umgebracht*”), безэквивалентная (*Rabenmütter*) и культурно-коннотативная лексика (*Hintertupfingen*).

Именно лингвокультурная информация становится ключом к правильному пониманию намёка и верной интерпретации комиксов серии “Nichtlustig”, рассмотренных в настоящей статье.

Дата поступления в редакцию 25.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова И. Е. Русская культурно-маркированная лексика в англоязычных произведениях о России и Великой Октябрьской Социалистической революции: дисс. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1984. 206 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
3. Дубовицкая Л. В. Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 15–20.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Качалова Н. А. Намек как элемент речевого акта и речевого жанра // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 3. С. 40–43.
6. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5. С. 462–470.
7. Кострова О. А. Сущностные номинации и их стереотипное восприятие в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 133–142.
8. Ладоша О. М. Языковые средства создания комического эффекта в сетевой коммуникации (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 207–217.

¹ См.: Berndt Th. Ein Nazi als Chefredakteur – Steuergelder für Rechtsterroristen (28.05.1998) [Электронный ресурс] // Das Erste : [сайт]. URL: <https://daserste.ndr.de/panorama/archiv/1998/Ein-Nazi-als-Chefredakteur-Steuergelder-fuer-Rechtsterroristen,erste7028.html> (дата обращения: 08.07.2022).

9. Ладоса О. М., Хлопова А. И. Модель базисного концепта "Wahrheit" в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 1 (272). С. 67–78.
10. Медведева Т. С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2011. № 2. С. 46–52.
11. Медведева Т. С. Концепт Sparsamkeit как константа немецкой лингвокультуры // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология». 2018. Т. 28. № 3. С. 429–435.
12. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
13. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: сборник обзоров. М.: ИНИОН, 2000. С. 26–55.
14. Семенова Т. В. Социальная психология комического: социальное познание, компетентное общение, эмоциональная регуляция, личностное саморазвитие, теоретико-эмпирические исследования: учебное пособие. Самара: ПГСГА, 2014. 384 с.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
16. Хлопова А. И. Динамика содержания базовой ценности «Gesundheit» / «здоровье» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 118–129. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_118.
17. Хлопова А. И. Динамика базовой ценности Vertrauen «доверие» в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 1 (292). С. 73–80. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-1-292-73-80.
18. Штукатурова Е. П. Временная соотнесенность вербализованной и невербализованной ситуации в намеках (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. № 2. С. 91–102. DOI: 10.17308/lic.2021.2/3419.
19. Щербак А. В., Милосердова Е. В. Образные топонимы в немецкой лингвокультуре // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-2 (104). С. 717–722.
20. Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6 (59). С. 85–89.
21. Byelozorova O. Tabubewältigung und Emotionen: Emotionsbasierte Implikaturen im Sprechakt der Andeutung // Linguistische Treffen in Wrocław. 2020. Vol. 17 (I). S. 55–63. DOI: 10.23817/ling-treff.17-4.
22. Ogiermann E. Direct off-record requests? – «Hinting» in family interactions // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 86. P. 31–35. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.06.006.

REFERENCES

1. Aver'yanova I. Ye. *Russkaya kul'turno-markirovannaya leksika v angloyazychnykh proizvedeniyakh o Rossii i Velikoy Oktyabr'skoy Sotsialisticheskoy revolyutsii: diss. ... kand. filol. nauk* [Russian culturally marked vocabulary in English-language works about Russia and the Great October Socialist Revolution: PhD thesis in Philological Sciences]. Dnepropetrovsk, 1984. 206 p.
2. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapiyentemy* [Language and culture. Three linguocultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p.
3. Dubovitskaya L. V. [Precedent phenomena in iconic components of written creolized texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2012, no. 2, pp. 15–20.
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
5. Kachalova N. A. [A hint as an element of a speech act and speech genre]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistskaya* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2009, vol. 9, no. 3, pp. 40–43.

6. Kobozeva I. M., Laufer N. I. [On one method of indirect informing]. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series], 1988, vol. 47, no. 5, pp. 462–470.
7. Kostrova O. A. [Stereotypical reception of essential nominations in German culture]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, no. 1 (42), pp. 133–142.
8. Ladosha O. M. [Language means of creating a comic effect in network communication (on the material of the German language)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, iss. 18 (816), pp. 207–217.
9. Ladosha O. M., Khlopova A. I. [“Wahrheit” basic concept model in German linguoculture]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [The Bulletin of Adyghe State University, the series “Philology and the Arts”], 2021, no. 1 (272), pp. 67–78.
10. Medvedeva T. S. [The concept *sicherheit* in German linguistic culture]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2011, no. 2, pp. 46–52.
11. Medvedeva T. S. [The concept *sparsamkeit* as a constant of the German linguistic culture]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2018, vol. 28, no. 3, pp. 429–435.
12. Nakhimova Ye. A. *Pretsedentnyye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2007. 207 s.
13. Ol'shanskiy I. G. [Linguoculturology at the end of the twentieth century: results, trends, prospects]. In: *Lingvisticheskiye issledovaniya v kontse XX v.* [Linguistic research at the end of the twentieth century]. Moscow, INION Publ., 2000, pp. 26–55.
14. Semenova T. V. *Sotsial'naya psikhologiya komicheskogo: sotsial'noye poznanie, kompetentnoye obshcheniye, emotsional'naya regulyatsiya, lichnostnoye samorazvitiye, teoretiko-empiricheskiye issledovaniya* [Social psychology of the comic: social cognition, competent communication, emotional regulation, personal self-development, theoretical and empirical research]. Samara, PGSGA Publ., 2014. 384 p.
15. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p.
16. Khlopova A. I. [Dynamics of content of the basic value “*gesundheit*” / “*health*” in the German linguoculture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 2 (844), pp. 118–129. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_118.
17. Khlopova A. I. [Dynamics of the basic value *Vertrauen* “*trust*” in German linguistic culture]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [The Bulletin of Adyghe State University, the series “Philology and the Arts”], 2022, no. 1 (292), pp. 73–80. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-1-292-73-80.
18. Shtukaturova Ye. P. [Temporal correlation of verbalized and nonverbalized situation in hints (case study of the German language)]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2021, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.17308/lic.2021.2/3419.
19. Shcherbakova A. V., Miloserdova Ye. V. [Figurative toponyms in German language-culture]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2011, no. 12-2 (104), pp. 717–722.
20. Shchurina Yu. V. [Internet memes: the problem of typology]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2014, no. 6 (59), pp. 85–89.
21. Byelozorova O. Tabubewältigung und Emotionen: Emotionsbasierte Implikaturen im Sprechakt der Andeutung. In: *Linguistische Treffen in Wroclaw*, 2020, vol. 17 (I), S. 55–63. DOI: 10.23817/lingtreff.17-4.
22. Ogiermann E. Direct off-record requests? – «Hinting» in family interactions. In: *Journal of Pragmatics*, 2015, vol. 86, pp. 31–35. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.06.006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Штукатурова Елизавета Петровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: elizaveta.shtukaturova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta P. Shtukaturova – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: elizaveta.shtukaturova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Штукатурова Е. П. Лингвокультурная специфика немецкого юмористического дискурса как основа для понимания намёка (на материале немецких комиксов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 161–170.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-161-170

FOR CITATION

Shtukaturova E. P. Linguocultural specifics of German humorous discourse as a basis for understanding the hint (based on the material of German comics). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 161–170.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-161-170

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Все журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2023. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,75, уч.-изд. л. 12,75.

Подписано в печать: 28.04.23. Выход в свет: 23.05.23. Заказ № 2023/04-04.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр 2